

Министерство образования и науки Российской Федерации

**КУЗНЕЦКИЙ ИНСТИТУТ ИНФОРМАЦИОННЫХ
И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
(филиал Пензенского государственного университета)**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО – ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

ВЫПУСК VII

ТОМ II

Кузнецк 2011

Материалы международной научно – практической конференции
«Актуальные проблемы науки» – Кузнецк 2011.

Печатается по решению Ученого совета
Кузнецкого института информационных и управленческих технологий
Протокол № 6 от 27.02.2011.

ББК 72.4(2)

УДК том 2.101.1; 1:001.89; 1:001.92; 1:372.8; 101.1; 1(092); 1(4/9); 101.1; 13;
101.1::316; 93/94; 930:001.12; 94(4/9); 902; 81(091); 81:001.12/.18; 81:372.8;
81'1.001; 81'36; 81'271; 82.085; 808.5; 82.0; 82.09; 82.0(091); 82.09(091); 82.0(092);
82.09(092); 82.0:001.12/.18; 82(091); 398:801.6; 398:82.0; 801.8.

Оргкомитет конференции:

В.А. Плоткин - председатель оргкомитета конференции, директор КИИУТ, кандидат исторических наук, доцент.

И.Н. Камардин - сопредседатель оргкомитета конференции, ответственный за проведение конференции, зав. кафедрой СЭиГД КИИУТ, кандидат исторических наук, доцент.

В.Г. Андреев - зав. кафедрой ЕНТД КИИУТ, доктор технических наук, профессор.

Том I. Общественные науки.

Том II Гуманитарные науки.

Том III. Естественные и Технические науки.

Рецензенты:

О.В. ЯГОВ - декан исторического факультета, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный педагогический университет.

И.А. АВЕРИН - заведующий кафедрой «Нано - и микроэлектроника», доктор технических наук, профессор, Пензенский государственный университет.

Статьи печатаются в авторской редакции

В сборнике помещены материалы международной научно – практической конференции «Актуальные проблемы науки», которая проходила 30 сентября 2011 года в Кузнецком институте информационных и управленческих технологий.

Рекомендуется научным работникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам, студентам.

ISBN 978-5-904470-07-4

Уважаемые коллеги!

Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета) приветствует участников седьмой международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки в России»!

2011 год стал для филиала по-своему особенно важным. Именно в июне этого года мы уже второй раз стали победителями Всероссийского конкурса «100 лучших вузов и НИИ России», а так же обладателями золотой медали «Европейское качество».

Победа такого высокого уровня – это заслуга всего коллектива института. А достижений у коллектива не мало. Так, на базе института создано малое инновационное предприятие «Ферри Керамикс». Для проведения научных исследований налажено сотрудничество с научно-исследовательскими центрами: Зеленоградским НИИ «Материаловедения», Московским институтом стали и сплавов, МГТУ им Баумана, «Роснано» (Москва), «Интел» (США).

В 2011 году студенты филиала стали призерами Всероссийских студенческих олимпиад по информатике, экономике, физике.

На базе института действуют – «Центр содействия развитию бизнеса», «Центр социологических исследований», «Межмуниципальный методический центр по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров органов местного самоуправления».

7-я международная конференция работает по 4-м секциям: гуманитарной, общественной, естественнонаучной и технической. В ее работе приняли участие около 100 ученых из десятков городов России. Это как молодые, так и уже известные ученые из Узбекистана, Казахстана, а так же таких городов как, Москва, Ставрополь, Якутск, Пермь, Новгород, Краснодар и т.д. Важным для нас является и то, что ученые многих вузов ежегодно направляют к нам свои доклады.

Такая широкая география участников конференции прежде всего говорит об признании нашего вуза в системе высшего образования и о большой работе, проделанной по организации самой конференции.

Мы благодарим всех, кто откликнулся на наше предложение и принял участие в работе конференции.

Приглашаем коллег по высшей школе и всех занимающихся научными исследованиями к сотрудничеству с нашим институтом.

Подробную информацию о нашем вузе можно получить на сайте:
<http://www.kiiut.ru/>

Ждем ваших отзывов и предложений по адресу: 442 530 г. Кузнецк, Пензенская область, ул. Маяковского 57-А., тел. (841-57) 3-73-98, факс(841-57) 3-89-38, e-mail: kiiut@sura.ru

*Директор КИИУТ (филиал ПГУ), кандидат исторических наук, доцент
Плоткин Виталий Анатольевич.*

СЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Абдуллина Г.Р., Мухамедьярова Г.Р.

К КЛАССИФИКАЦИИ СПОРТИВНЫХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЗУЕМЫХ
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 7

Абдуллина Г.Р., Ярмухаметова А.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ОХОТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 10

Абрамова О. В.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ МОРДВЫ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. 12

Беляева Е.С.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ..... 15

Воейков Е. В.

ЛИКВИДАЦИЯ СЛАНЦЕВЫХ РУДНИКОВ РОССИИ
И ПОВОЛЖЬЯ В 1920-Е ГГ. ИЛИ «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ НЭПА..... 18

Дарбишева Х.А.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ
В ИНТЕРНЕТ ТЕКСТАХ 24

Жирихина Е.С.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 28

Жукова Е.Г.

ИНФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АДДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ 32

Загоскина И.В.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 37

Камардин И.Н.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РАБОЧИХ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 40

Камордин В.В.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА УНИЧТОЖЕНИЯ РЕЛИГИИ В СССР 45

Кистанов С. В., Мухадинов В.Р. НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.	53
Климов А.Н. О ВЫБОРЕ МЕЖДУ ИНФИНИТИВОМ И ГЕРУНДИЕМ	59
Кузьмин А.Е. К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕЧАТИ КАК ОРУДИЯ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В СССР В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА	62
Кулагина В.Ю. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ОРГАНАМИ РЕПАТРИАЦИИ ПО ОТПРАВКЕ ГРАЖДАН СССР НА РОДИНУ В 1944-1945ГГ.	67
Лебедева Л.А. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЕ ЛИЧНОСТИ КАК ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У ФИННО-УГРСКИХ НАРОДОВ	70
Левин В.И. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ В СССР РАБОТЫ ПО ЛОГИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ	73
Напалкова И. Г. ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ	75
Новикова Е. Н. ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ.....	79
Новинская Т.Ю. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА (По материалам Пензенской области)	81
Обрезкова Н.В. ПРОБЛЕМА АБОРТОВ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ В 1920-е ГОДЫ.....	84
Плоткин В.А. РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СТАРОРУССКОГО СЕКТАНТСТВА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	87

<i>Сергеев В.В.</i> К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	89
<i>Сергеев В.В.</i> ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СФЕРА САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	94
<i>Синдянкина О. К.</i> ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПРОФСОЮЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ МОРДОВИИ В 1946-1953 ГГ.	98
<i>Шмачков С.А.</i> ЯЗЫК КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНОГО ОПЫТА НАРОДА	101
Сведения об авторах.....	105

Абдуллина Г.Р., Мухамедьярова Г.Р.

(г. Стерлитамак, СГПА им. Зайнаб Бишиевой)

К КЛАССИФИКАЦИИ СПОРТИВНЫХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Нами были проанализированы спортивные термины с точки зрения происхождения с целью выявления исконно башкирских единиц общетюркского происхождения и заимствованных лексем.

Среди терминов гимнастического спорта исконно башкирские слова не зафиксированы. Причина, на наш взгляд, кроется в том, что данный вид спорта более развит в мировом масштабе, нежели в региональном. Единственное слово обруч в “Русско-башкирском словаре” переводится как коршау. Можно выделить полилексемы, или термины-словосочетания, где один из компонентов является заимствованным, а второй – исконно башкирским словом: иртэнге гимнастика, дауалау гимнастикаһы, акробатик күнегеүзәр, акробатика мәктәбе, ике тапкыр сальто, өс тапкыр сальто и др.

Термины гимнастического спорта в большинстве случаев представляют собой заимствованные слова. Следует отметить, что к данной группе относятся лексемы, заимствованные в основном из русского языка или через русский из других языков. Привлекает внимание тот факт, что среди терминов гимнастического спорта не встречаются слова, заимствованные из арабского и персидского языков.

Обратим внимание на слова, заимствованные из русского языка: гимнаст, брусья, перекладина, булава, снаряд и др. Слово гимнастика образовалось присоединением к русскому слову гимнаст традиционно “русского” аффикса, однако в толковом словаре башкирского языка даются два варианта происхождения данного слова: первый – из русского языка, а второй – заимствованный из русского языка через греческий язык. Мы считаем, что башкироведам следует задуматься над этим вопросом.

Также к словам, заимствованным из греческого языка через русский, кроме слова гимнастика, относятся такие слова, как акробатика, акробат, трапеция. К заимствованным словам из французского языка через русский относится слово турник, из итальянского – сальто, сальто-морале, из немецкого – шпагат, а из английского – мат.

При анализе терминов спортивной борьбы наблюдается иная картина: борьба является национальным видом спорта, по этой причине исконно башкирских слов здесь значительно больше: алыш, алышыу, бил биреү, билләшеү, көрәш, көрәшсе. К данной семантической группе относятся и заимствованные слова: самбо, каратэ, джиу-джитсу, дзюдо. Слово каратэ заимствовано из японского языка через русский язык.

Среди терминов легкой и тяжелой атлетики к исконно башкирским словам относятся такие моно- и полилексемы, как йүгереш, һөңгө, балға, бакан, спорт атлауы, озонлокка һикереү, бейеклеккә һикереү, колға менән һикереү, балға сөйөү, йүгеревү ызаны, урында йүгеревү. Также встречаются полилексемы, где один компонент является исконно башкирским словом, а второй –

заимствованным: еңел атлетика, ауыр атлетика, барьер аша йүгерәү, ауырлыҡ категорияһы, диск ырғытыу, йәзрә сөйөү, дистанциянан сығыу, еңел атлет, марафон йүгереше, штанга күтәрәү, эстафета таяғы и др.

К монолексемам, заимствованным из русского языка, относятся слова марафон, диск, дискобол, гер, йәзрә, снаряд, из немецкого языка через русский язык заимствованы слова штанга, гантель, из французского – трамплин, эстафета, барьер, из латинского – дистанция, из английского – спринт, спринтер, кросс, гит, а из греческого – слово атлетика.

Конным видом спорта башкиры занимаются с давних времен, поэтому в данной семантической группе исконно башкирские слова занимают значимое место, например: бәйге, сабыш, ат сабышы, сабышкы, сабыштырыу, сабышыу. Также встречаются и заимствованные лексемы; к примеру, слова жокей, гит заимствованы из английского языка через русский язык, а из греческого – ипподром.

Термины, относящиеся к области бокса, заимствованы из английского языка через русский язык: бокс, ринг и др.

Среди терминов спортивных игр исконно башкирские слова практически отсутствуют, можно отметить монолексема туп и компоненты, присоединенные к этому слову: мәргән туп, сокор туп, сәпәмә туп, урта туп, ямғыр туп. Нужно отметить, что полилексема сәпәмә туп является переводом русской народной игры лапта.

В данной семантической группе встречаются и полилексемы, где одно слово исконно башкирское, а второе – заимствованное: штраф майзаны, штраф тубы, зур теннис, өстәл теннисы, капка штангаһы, команда капкасыһы, волейбол майзансығы, баскетбол ярышы, гол индереү и др.

Названия спортивных игр, развитых в мировом масштабе, заимствованы из английского языка через русский язык: волейбол, баскетбол, теннис, бадминтон, гандбол, хоккей (сәкән), футбол, регби, гольф. Правила игр, принадлежности, названия этапов представляют собой в основном исконно английские слова: драйвер, пенальти, тайм, пас, корт, гол и др. Встречаются французские (ракетка, крокет) и немецкие (штанга, шайба, штраф) заимствования.

В группе терминов конькового спорта исконно башкирских слов небольшое количество (конькисы, ирекле бейеү, бозза бейеү, мотлак бейеү, бергә әйләнеү), они в основном встречаются в составе полилексем: например, конькиза йүгерәү, фигуралы шыуыу, парлы фигуралы шыуыу, фигуристар ярышы, махсус фигуралар, оригиналь бейеү, ирекле программа и др.

В данной семантической группе преобладают слова, заимствованные из русского языка: коньки, фигурист (фигуралы шыуыусы), заклон, спираль, подкрутка, выброс и др. Среди терминов конькового спорта имеются слова, заимствованные и из других языков: например, из английского языка – названия видов прыжков тулуп, аксель, риттбергер, сальхов, флип, либела, наименование одного из видов элемента парного катания тодес заимствовано из

немецкого языка. Нужно отметить, что указанные слова не зафиксированы в толковом словаре башкирского языка.

Среди терминов шахматного спорта слово сатраш является исконно башкирским, наименования шахматсы, шашкасы в толковом словаре башкирского языка также отмечены как башкирские лексемы.

В данной семантической группе среди заимствованных слов встречаются слова из французского языка – пат, из немецкого – гроссмейстер, из русского – ладья, пешка, а также из персидского языка – слова шахмат, рокировка, мат, из турецкого – ферзь. Также следует выделить полилексемы шахматсылар конкурсы, беренсе разрядлы шахматсы, шахмат тактаһы, шахмат фигуралары, мат куйыу, гроссмейстер дәрәжәһе и др.

В группе терминов фехтовального спорта, кроме исконно башкирского слова кылыс, в основном преобладают заимствованные слова: например, лексемы рапира, эспадрон заимствованы из французского языка через русский язык, фехтование – из немецкого, штык – из польского, шпага – из итальянского. В составе полилексем встречаются и башкирские слова: өс кырлы шпага, күп кырлы шпага, фехтование ярышы и др.

В семантической группе терминов водного спорта можно выделить монолексемы исконно башкирского происхождения ишеу, йөзөу, йөзгөс, также французское слово бассейн, итальянское – регата, английские – баттерфляй, брасс, кроль, поло. Среди терминов водного спорта имеются полилексемы, состоящие только из исконно башкирских слов: например, ирекле сумыу, һыуға һикереу, кушлап ишеу, а также перевод исконно русских слов байдарка, каноэ – бер кешелек кәмә, ишкәкле спорт кәмәһе и др. Встречаются и полилексемы, состоящие из заимствованных и исконно башкирских слов: например, комплекслы йөзөу, вышканан һикереу, трамплиндан һикереу, синхрон йөзөу, һыу полоһы, ишкәкле регата, елкәнле регата, ябык йөзөу бассейны, ирекле стиль, академик ишеу и др.

Судя по фактическому материалу, большинство спортивных терминов используется только в интернациональном варианте. Можно сделать заключение, что в башкирском языке спортивная терминология нуждается в серьезной «языковой обработке».

Абдуллина Г.Р., Ярмухаметова А.
(г.Стерлитамак, СГПА им. Зайнаб Бишиевой)

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ОХОТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Издrevле, являясь одной из основных подсобных отраслей, важное значение в хозяйстве башкир имела охота (һунар). Еще недавно в северных районах РБ можно было услышать истории о том, как булярцы, енейцы и другие башкирские племена, некогда обитавшие в южных степях и занимавшиеся скотоводством, приходили охотиться на покрытые густыми лесами места на Ике и Нижней Белой. Позже освоили прикамские земли, основали поселения.

С вхождением в состав Русского государства ясак, который обязались выплачивать башкирские племена за признание их вотчинных прав на землю, состоял в основном из меда и пушнина. Размеры «пушной» части ясака впечатляют. Например, только юрматинцы должны были ежегодно поставлять 100 куниц, а минцы – 171. Зауральские кара-табынцы собирали в счет ясака 300 лисиц. Бурзяне и кыпсаки сдавали шкуры куниц, лис, бобров и др.

С развитием ярмарочной торговли пушнина из Уфимского уезда стала появляться на рынках. Привозимый башкирами на ярмарку товар имел большой спрос и нередко уходил в далекие страны. Поэтому, очевидно, в XVII-XVIII вв. пушной промысел в Башкортостане процветал. К этому располагала природа края. У башкир было несколько видов охоты:

Конная охота. Традиция конной охоты на волков и лисиц характерна для кочевых племен и народов. На конях башкиры могли выезжать далеко за пределы своей территории. Конная охота имела для них большое значение, так как они нередко пригоняли с собой табуны обьезженных тарпанов (диких лошадей).

Облавная охота. Такая охота практиковалась зимой на юге Башкортостана, здесь объединившись группой в несколько человек, выезжали на лошадях для охоты с собаками на волков. Преследуемого зверя забивали нагайками, кистенями. Собак использовали главным образом для выслеживания добычи.

Коллективная конная охота. Она проводилась как одним племенем или родом, так и несколькими. На охоту выезжали в боевом снаряжении, вооружившись луком и стрелами, копьем, булавой. К охоте готовились заранее, обговаривали сроки и место сбора, которое не менялось в течение нескольких лет.

Степная охота. До начала XX в. сохранилась традиционная степная охота с соколами и ястребами. С ловчими птицами охотились на лисиц, зайцев, волков и водоплавающую птицу: гусей и уток.

Помимо описанных видов охоты, приспособленных к степной местности, башкиры владели многими приемами звероловства и птицеловства в лесах. При этом использовались всевозможные ловушки и капканы.

По лексико-семантическим особенностям лексику охоты в башкирском языке условно можно подразделить на следующие группы:

Оружие и другие принадлежности охотника: анасы, арка, аркан, аткый, бау, беләү, боғал, елемкә, йәйә, йәтәс, кизеү, кистән, кальян, камсы, карауыл, калтағай, корок, мылтык, пуля, саңғы, сиккин, сукмар, тазғак, ук, ук-һазак, ян, бөркөт, бүребасар.

Разновидности профилей охотника: айыусы, аусы, аңсы, бүресе, куянсы, төлкөсө, уксы, һунарсы, янсы, аткыс.

Одежда охотника: бейәләй, бирсәткә, бишмәт.

Животные и птицы, на которых ведется охота: ағуна, айыу, бөркөт, бүре, йырткыс, кабан, карағош, куян, ондатра, өйрәк, тейен, төлкө, торна, януар.

Действия, совершаемые охотником: атылыу, атыу, атышыу, аулануу, аулау, камсылау, һунар итеү, һунарлау, һунарсылау, һунарсылык итеү.

По происхождению лексемы, относящиеся к области охоты, делятся на две основные группы: исконно башкирские слова общетюркского происхождения и заимствованные слова. Анализ показывает, что лексика охоты в башкирском языке в основном состоит из исконно башкирских слов: уксы, һунарсы, янсы, аткыс и др. К заимствованным словам относятся следующие лексемы: бирсәткә [рус.], кистән [рус.], нутрия [рус. < испан.], нәрәтә [рус.], ондатра [рус.], пуля [рус.], сиккин [араб.], януар [персид.].

Лексика охоты широко применяется в башкирском народном творчестве, в частности в пословицах, что обуславливает лингвокультурное значение данных лексем: Айыу алыр егетте атынан танырмын, бүре алыр егетте бүркенән танырмын. Айыуға барһаң, ағаң менән бар. Арба менән куян тотмайзар. Арык ат юлға, ас эт һунарға ярамай. Ас бүре тотолмас, тук бүре котолмас. Ау аула, ауылда тор. Аусы – ауза, юлсы – юлда һынала. Ауан ауға барһа, ауза ғауға сыға. Аусыны аяғы туйзыра. Аусы козғон ауламас, өйрәк аулар. Ауға барһаң, зирәк бул, юлдашыңа терәк бул. Ауға сыкканда эт ашатмайзар. Балык аулаған байымас. Балык ашағың килһә, һыузан куркма. Балык тота алмаған һыузы яманлаған. Балык тоткан тук булыр, аяк быуыны юк булыр. Балыкты тоткан уңмас, ашаған туймас. Бер көнлөк һунар ите, кырк көнлөк табан ите. Буран булһа, һунар юк, ямғыр яуһа, тузан юк. Бүре тотар бурзай эт бөйөрөнән беленер, бүре һуғыр ир-егет беләгенән беленер. Ергә төшкән гөл булыр, утка төшкән көл булыр. Йүнһез һунарсы арба менән куян тоткан. Карсыға кулыңда сакта аулап кал. Кош кош менән аулана. Сөймәгә бирһәң – карсыға бир, канъяғанды буш итмәс. Урманлы юл – бер кат тун. Урманым – бер кат юрғаным. Һунарсы һуңламас. Урман үстергән аслык күрмәс. Эт алған төлкөлә һын булмас. Этһез куян тотолмай. Юлаусыға – юл, һунарсыға – йәнлек. Бер атыуза – ике куян. Куян алмас, артынан калмас. Таяк барза куян осрамас, куян осрағанда, таяк булмас.

По способу словообразования лексемы данной лексико-тематической группы можно разделить на:

- а) корневые: айыу, аркан, ат, ау, бау, бүре и т.д.;
- б) производные: ау+сы, ат+кыс, бүре+се, камсы+лау, хунар+сы+лык и т.д.;
- в) сращенные сложные: аккош, башкүнэк, бүребасар, карағош и т.д.;
- г) парные: ук-һазак, ук-һая, бүре- һәре и т.д.

*Абрамова О. В.
(г. Саранск, МГУ)*

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ МОРДВЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Изучение таких явлений как расселение и численность малочисленных народов играет особо важную роль, так как для некоторых из них дальнейшее снижение численности представляет угрозу их существованию как этносов. В подобно положении оказался и мордовский народ.

В 2000 году число жителей Мордовии составляло 926,6 тыс. человек: к настоящему времени она сократилась по предварительным данным до 840,4 тыс. чел, из которых 502,6 тыс. проживают в городах и рабочих поселках, а 337,8 тыс. чел в сёлах.¹ Окончательные итоги переписи 2010 г. ещё не опубликованы. Общий отрицательный естественный прирост населения в Мордовии отмечается с 1991 г.²

Стоит отметить, что все эти годы мордовское население убывало значительно быстрее русского, в результате ассимиляции, вызванной миграцией мордовского населения из сельских районов в города и из Мордовии в другие регионы с более высоким уровнем жизни.

Всероссийской переписью 2002 года на территории Республики Мордовия были зафиксированы граждане 92 национальностей. На долю трех основных национальностей (мордва, русские и татары) пришлось 98% населения республики. Всего в Мордовии зафиксировано 7 национальностей, численность представителей которых превышала 1000 человек и 22 – с численностью 100 человек и выше.

Доля мордвы в республике по сравнению с 1994 г. составила 32%, а вся численность мордовского населения в России с 1989 г. сократилась на 20,2%. Основной причиной этого, по мнению некоторых исследователей, стал сложившийся в прошлые столетия высокий уровень дисперсности мордвы. В

качестве важных факторов называются: с одной стороны, высокая смертность, обусловленная уходом многочисленных поколений, родившихся в 1920-30-е гг., а с другой чрезвычайно малая рождаемость.³

К 2002 году численность населения коренной национальности в Мордовии составила 283,9 тыс. человек и уменьшилась за межпереписной период на 29,6 тыс. человек, или на 9,4%. В общей численности населения республики на долю мордвы приходилось 31,9% (в 1970 г. – 35,4%, в 1979 г. – 34,2%, в 1989 г. – 32,5%).⁴

Таблица 1 – Распределение мордовского народа по основным регионам его проживания (по переписи 2002 г.), чел.⁵

Регион	1989 г.		2002 г.	
	Мордва, человек	Численность мордвы в % ко всему населению региона	Мордва, человек	Численность мордвы в % ко всему населению региона
Российская Федерация	1072939	0,7	843350	0,58
Республика Мордовия	313420	32,5	283861	31,94
Самарская обл.	116475	3,6	86000	2,65
Пензенская обл.	86370	5,7	70739	4,87
Оренбургская обл.	68879	3,2	52458	2,41
Ульяновская обл.	61061	4,4	50229	3,63
Республика Башкортостан	31923	0,8	26020	0,63
Нижегородская обл.	36709	1,0	25022	0,71
Республика Татарстан	28859	0,8	23702	0,63
г. Москва	30916	0,3	23387	0,23
Московская обл.	28328	0,4	21856	0,33
Челябинская обл.	27095	0,7	18138	0,50
Саратовская обл.	23381	0,9	16523	0,62
Чувашская Республика	18686	1,4	15993	1,22

Следует отметить, что в указанный период наблюдается снижение численности всех финно-угорских народов России. С 1989 года их общая численность сократилась на 468 тыс. человек – с 3 млн. 184 тыс. человек до 2 млн. 716 тыс., или на 14,7%.⁶ Но самое резкое сокращение произошло у наиболее дисперсно расселенных мордвы и карел. Число граждан мордовской национальности в России сократилось до 843350 человек.⁷

Впервые с начала XX в., численность мордовского народа упала ниже 1 млн. Однако следует подчеркнуть, что перепись 2002 г. в отличие от предыдущих, проведенных в XX в. учитывала не наличное население, а только тех граждан, которые прописаны по месту жительства. Возможно (имеются свидетельства), что в случае неясности или небрежности переписчиков респонденты автоматически записывались русскими. Об этом, например,

говорит резкое сокращение мордвы в г. Москве и Московской области, которое нельзя объяснить темпами ассимиляции.

Таким образом, можно констатировать возрастание темпов уменьшения численности мордвы в начале XXI в., что в первую очередь связано с ассимиляцией, стимулированной чрезвычайной дисперсностью мордовского населения и резким снижением рождаемости. При этом следует подчеркнуть, что в самой Мордовии темпы ассимиляции мордвы заметно ниже, чем в среднем по стране, что свидетельствует об определенных возможностях автономной республики в защите и сохранении коренного этноса.

Примечания

- 1 См.: Население Мордовии / <http://www.businessintegra.ru/naselenie-mordovii.html>
- 2 См.: Демографический Ежегодник Республики Мордовия. – Саранск, 2000. – С. 35.
- 3 См.: Проблемы новейшей истории и этнографии финно-угров России. Балашовские чтения / Отв. ред. В. К. Абрамов. – Саранск, 2008. – Вып. 2. – С. 8.
- 4 См.: Информационно-аналитический материал. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. – Саранск, 2004. – С. 1.
- 5 Таблица составлена по: Национальный состав населения Республики Мордовия. Информационно-аналитический материал / Комитет гос. статистики РМ. – Саранск, 2004. – С. 7-9.
- 6 См.: Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – С. 27.
- 7 См.: Информационно-аналитический материал. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. – Саранск, 2004. – С. 10.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Политика государства строится в соответствии и исходя из его национальных интересов. Национальные интересы государства – это обусловленные внутренним и международным положением страны потребности личности, общества и государства, осознанные и сформулированные на уровне высших органов государственной власти.

Осмысление и формулирование национальных интересов России и ее внешнеполитических приоритетов прошло определенную эволюцию, обусловленную как новым геополитическим положением страны, так и взглядами правящей элиты. Можно выделить следующие основные этапы развития.

В период с 1991г. по 1995г. происходил процесс становления России как самостоятельного государства. Россия столкнулась с рядом серьезных вызовов, которые носили как внешний, так и внутренний характер, и затрагивали ее национальные интересы. Были «разрушены» некогда существовавшие интегрированные производства Советского Союза, экономические связи, единая сеть коммуникаций, многие стратегически важные военные объекты и «русскоязычное» население осталось за пределами России. В этот период времени у значительной части российской политической элиты существовали убеждения в том, что бывшие союзные республики живут за счет России, чем тормозят ее развитие. Поэтому оптимальной для России признавалась политика дистанцирования от них и одновременного сближения с якобы более перспективными западными партнерами. Такая политика, отрицающая существование сколько-нибудь значимых интересов в постсоветском пространстве, возымела действие немного позже, когда страны СНГ, в свою очередь, стали «искать» партнеров, дистанцируясь от России. Внешняя политика России носила реактивный характер. Государству было необходимо определить свое место и роль в мировой политике. Но у руководства страны отсутствовали четко выверенные стратегические ориентиры, что породило мощное внешнее давление на Россию и дальнейшее ослабление страны в социально-экономическом и политическом плане.

Со второй половины 1990-х г. по 2000 г. происходил процесс формулирования национальных интересов, а, следовательно, и приоритетов внешней политики. Были приняты основные документы, характеризующие положение России в мире, основные национальные интересы Российской Федерации, приоритеты внешней политики, и основные угрозы национальной безопасности, исходящие от процессов, происходящих в мире. Это такие документы, как Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 и 2000 гг. и Концепция внешней политики Российской Федерации 2000

года. В этот период приоритетным региональным направлением внешней политики Российской Федерации стало выступать постсоветское пространство.

С 2000 г. и по настоящее время российским государством проводится прагматичная внешняя политика, исходящая из национальных интересов и направленная на обеспечение национальной безопасности России. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 12 мая 2009 г., выделяются следующие национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу: 1) развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики; 2) обеспечение незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; 3) превращение Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира [1]. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2008г., также как и в предыдущих Концепциях, приоритетным направлением внешней политики России выступает развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ [2].

Постсоветское пространство одно из перспективных и крупнейших и мировых рынков. Здесь проживает более 270 млн. человек и производится около 5% глобального ВВП. Это третье после Евросоюза и НАФТА региональное объединение в мире по хозяйственному потенциалу. На страны постсоветского пространства приходится (%): мировой суши – почти 17, всех лесонасаждений – 21, запасов пресной воды – 11, природного газа и угля – по 30, нефти – 10, урана – 36, золота, цинка и свинца – по 20, никеля, меди, молибдена – по 10-12 [3]. Безусловно, это обеспечивает большие возможности для будущего развития региона. Использование подобного потенциала благоприятного сказывается на развитии сотрудничества на постсоветском пространстве.

Для реализации своих национальных интересов Россия обладает необходимыми средствами: географическая близость; природные ресурсы; военная мощь; русскоязычные диаспоры; статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. К способам реализации интересов можно отнести: 1) экономическая помощь – это поставки сырья, особенно энергоресурсов (долгое время осуществлявшиеся по льготным ценам), льготные кредиты и преференции, торговля. 2) Помощь в урегулировании конфликтов, участие в миротворческих мероприятиях, охрана границ. Данные варианты способов реализации интересов Россия может использовать не только на уровне двухсторонних отношений с новыми независимыми государствами, но посредством интеграционных объединений, созданных на постсоветском пространстве.

Россия выполняет на постсоветском пространстве роль «локомотива» интеграционных процессов. Наиболее перспективными интеграционными

объединениями экономического характера являются – Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Таможенный Союз России, Белоруссии и Казахстана в рамках ЕврАзЭС, и военно-политического – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Положительным в развитие интеграционных проектов с участием России является создание условий для свободного движения товаров и перемещения граждан государств-участников, активизации инвестиционного сотрудничества, улучшения условий экспорта продукции предприятий металлургической, угольной, химической промышленности, решение проблемы транзита углеводородного сырья, создание условий для противодействия возникновению кризисных ситуаций на внешних границах ОДКБ, создание интегрированных военных систем (ПВО, управления и связи, информационно-разведывательной системы) и т.д.

Приведем такой пример, в рамках Таможенного Союза активно развивается сотрудничество на уровне предприятий «Сибсельмаш» имеет свое СП в Акмолинской области, а белорусские предприятия входят во многие холдинги («Электронные технологии», «Формат», «Межгосмегиз») или СП («Международная калийная компания», «БелРусавто» и т.д.). Активно внедряются такие прогрессивные формы делового сотрудничества, как аутсорсинг (белорусская комплектация идет на «КамАЗ», «ВАЗ», «ГАЗ», «ПАЗ», «УралАЗ», «ЛиАЗ» и т.д.), лизинг, совместное производство, передача технологии, приграничная торговля (в ней участвуют 7 российских и 17 казахских областей) [4]. Подобные совместные проекты благоприятно сказываются на всех участниках интеграционных проектов.

Таким образом, политика России на постсоветском пространстве, направленная на развитие дву- и многостороннего взаимодействия с новыми независимыми государствами, а также развитие интеграционных процессов будет способствовать нарастанию геополитической и экономической мощи России и более широкого включения в мировые политические и экономические процессы.

Примечания

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 12 мая 2009г. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://президент.рф>.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента от 12 июля 2008г. Пр.-1440). [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://президент.рф>.
3. Спартак А. Стратегические интересы России на постсоветском пространстве// МЭиМО. – 2010. – №8. – С.32.
4. Иванов И. Реальный шаг в постсоветской хозяйственной реинтеграции / И. Иванов // МЭиМО. – 2010. – №9. – С.4-5.

Воейков Е. В. (г.Пенза, Пензенский филиал ВЗФИ)
ЛИКВИДАЦИЯ СЛАНЦЕВЫХ РУДНИКОВ РОССИИ И ПОВОЛ-
ЖЬЯ В 1920-Е ГГ. ИЛИ «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ НЭПА

Выражение про зеркало, вынесенное в заголовок статьи, взято из работы одного из руководителей сланцевой промышленности 1920-х гг. Чувства инженера и квалифицированного специалиста можно было понять: новая отрасль топливной промышленности, родившаяся и выжившая в экстремально тяжёлых условиях Гражданской войны, не выдержала испытаний мирного времени.

Горючие сланцы – полезное ископаемое, состоящее из органической (сапропелевой) и минеральной (глинистой, известковой) частей. При химической переработке сланцев получают газ и смолу, из последней путем дальнейшей переработки можно выделить бензин, смазочные масла и ряд продуктов, аналогичных тем, которые получают из нефти. Возможно непосредственное сжигание сланцев в кусковом виде по аналогии с каменным углём. По данным конца 1920-х гг. месторождения сланцев Поволжья составляли 85 % всех разведанных сланцевых залежей СССР (100 млн. тонн в районе Кашпира, 400 млн.т. – Ундор, 3 – 10 млрд. тонн – Общего Сырта; для сравнения, в Ленинградской области – 450 млн. тонн). Эти запасы примерно соответствовали размерам сланцевых ресурсов Англии и Швеции, превосходя аналогичные показатели Эстонии. В пересчете на условное топливо энергетический потенциал горючих сланцев Поволжья соответствовал 50% угольных месторождений Донбасса [1].

В России горючие сланцы начали впервые разрабатываться в период Гражданской войны с 1919 г. (Веймарнский рудник в Петроградской губернии, Кашпирский и Ундоровский в Поволжье) [2]. Трудности «новорождённой» сланцевой промышленности в период военного коммунизма были типичны, как для других топливных отраслей, так и для индустрии в целом. Не хватало продовольствия, инструментов, спецодежды; задерживалась зарплата. Завербованные с большим трудом рабочие часто уходили с рудников.

Сланцы Поволжья использовались в качестве топлива, в основном, различными учреждениями и в домашнем отоплении; распространение их на промышленных предприятиях было невелико. В 1920 г. они применялись на цементных заводах в Вольске и Сенгелее, асфальтовых – в Батраках, в военных госпиталях Сызрани, на самарских мельницах, в ряде учреждений и домах местного населения [3]. В 1921 г. по Средне-Волжскому району было приспособлено для работы на сланце 600 голландских печей и 10 установок центрального отопления; по Нижне-Волжскому району эти показатели составили 188 топков (в том числе, в Саратове – 69 и в Сызрани – 76). Всего в отопительном сезоне 1921 – 1922 гг. на горючем сланце в Поволжье работало около 1500 топков. Потребителями этого вида ресурсов на тот момент являлись столовые АРА, губэлектроотдел, трамвайный парк, психиатрическая лечебница в Самаре; политехнические курсы, школа квалифицированных рабочих, школа мастеров-

техников в Симбирске; организации нарообраза и население в Сызрани; учреждения и частные дома в Саратове, Кашпире, Пугачеве [4].

Использование горючих сланцев в качестве топлива наталкивалось на отрицательное отношение потребителей из-за трудностей технологии применения данного вида топлива. Специфика сланцевого топлива заключается в его высокой зольности, достигающей величины порядка 45 – 60 % (то есть примерно половина массы топлива после сжигания уходит в отходы). Поэтому применение сланца требовало топок особой конструкции, при которой осуществлялись непрерывный поддув воздуха (иначе горение прекращалось) и периодическое удаление накопившейся золы. Кроме того, в начале процесса горения сланец часто требовал добавления другого вида топлива (угля или дров).

Выходом из положения могло стать использование горючих веществ, получающихся при химической переработке горючих сланцев – сланцевых газа и смолы, имевших более высокую (по сравнению со сланцами) теплотворную способность и не требовавших специальных топок. Такие работы велись, но обострение экономического кризиса в 1921 г. вынудило отказаться от продолжения постройки сланцеперегонных заводов [5].

В 1921 – 1924 гг. сланцевые рудники неоднократно прекращали работу из-за недостатка финансирования и проблем со сбытом своей продукции. В конечном итоге, в середине 1920-х гг. очередная программа развития сланцевой промышленности не была принята в Госплане; постановлением ЭКОСО РСФСР от 12 февраля 1925 г. Веймарнский и Кашпирский рудники переводились на консервацию (Ундоровский и Захарьевский рудники перестали функционировать ещё в начале 1924 г.). Смена курса руководства страны отразилась и в организационном вопросе. Вместо созданного при переходе к нэпу на основе бывшего управления сланцевой промышленности треста «Цусланец» во второй половине 1920-х гг. был образован трест «Битумсланец», куда наряду со сланцедобывающими предприятиями входили также сапропелевая и озокеритная отрасли промышленности, никакого отношения к топливной индустрии не имеющие [6]. Таким образом, если в период 1919 – начале 1920-х гг. горючие сланцы рассматривались главным образом как местное топливо, могущее служить альтернативой углю, дровам и торфу, то во второй половине 1920-х гг. этот вид полезных ископаемых стали воспринимать в первую очередь, как сырьё для химической и медицинской промышленности.

Борьбу за возрождение и дальнейшее развитие сланцевой промышленности в те годы продолжали вести только отдельные энтузиасты. Иногда им удавалось добиться отдельных успехов. Так, в 1925 г. были проведены успешные опыты по сжиганию сланцев на центральной электростанции в Самаре. В Москве на базе Теплотехнического института осуществлялись опыты по сжиганию пылевидного сланца Веймарнского (Петроградская губерния) месторождения [7]. Но никаких практических и конкретных мер по внедрению сланцев в качестве топлива на промышленных предприятиях и электростанциях в 1925 – 1928 гг. в Поволжье не предпринималось.

Причины подобного равнодушия к богатейшим месторождениям местного топлива в регионе можно выявить в следующем типичном эпизоде много-

летней эпопеи «борьбы за сланцы». По инициативе инженера Б. В. Цванцигера в апреле 1928 г. на заводе «Коммунар» в городе Вольске (Саратовская губерния) были проведены успешные опыты по обжигу цемента на волжских горючих сланцах. Несмотря на то, что полученный цемент оказался высокого качества, на совещании работников силикатной промышленности в апреле 1929 г., где были доложены результаты эксперимента, выявилась, по выражению Цванцигера, «резкая оппозиция продолжению опытов со сланцами». Никакого определённого решения принято не было. Под впечатлением от прошедшего совещания инженер Б. В. Цванцигер с обидой и горечью писал одному из руководителей Совнаркома РСФСР (письмо от 6 апреля 1929 г.): «...промышленность не имеет никакого желания переходить на сланцевое топливо со столь спокойного и удобного топлива, как нефть. Такая оппозиция неискоренима...» [8].

Среди руководящих органов страны единой позиции по вопросам сланцевой промышленности не было вплоть до начала массовой индустриализации. Характерным примером могут служить документы 1927 г. Так, например, в упоминавшихся тезисах Госплана РСФСР от 3 октября подчёркивалась успешность проведённых опытов по сжиганию сланцев и констатировалась необходимость развития сланцевой отрасли. С другой стороны, в докладной записке РКИ РСФСР от 2 ноября в ЭКОСО РСФСР по материалам обследования треста «Битумсланец» ставились под сомнение результаты проведённых опытов, которые «не дают ещё оснований к применению сланца как топлива»; также утверждалось, что «нет оснований при разрешении вопроса о развитии сланцевой промышленности исходить из утверждения о наличии крупных достижений в РСФСР по применению сланца» [9].

Решение о свертывании разработок сланцев в середине 1920-х гг. явилось ошибочным. Во-первых, расчеты специалистов свидетельствовали, что по себестоимости сланец вполне мог конкурировать с углем, нефтью и дровами. Убыточность работы рудников в 1924 г. объяснялась низкими объемами добычи, текучестью кадров и незавершенностью опытов по поиску способов более эффективного сжигания сланцев [10]. Один из руководителей отрасли инженер Б. В. Цванцигер писал впоследствии: «У противников сланцев не хватило исторической перспективы, чтобы оценить роль этого топливного ресурса в будущей экономике страны: кривое зеркало современных промышленных неурядиц ими было принято за исходную предпосылку будущих перспектив...» [11].

Во-вторых, экономически убыточным стало закрытие функционирующих предприятий, представляющих достаточно развитый хозяйственный комплекс с оборудованием (экскаваторы, канаты, рельсы, вагонетки, инструменты), постройками (жилые дома, конторы, мастерские), лесопильным и кирпичными заводами, электростанциями и железнодорожными путями до ближайших экономических центров (Симбирска и Сызрани). Средства, потраченные на строительство, после закрытия рудников не могли окупиться; с другой стороны, перевод на консервацию породил риск порчи и хищений оборудования и материалов. Уже в 1924 г. ульяновская газета писала о состоянии топливной железнодорожной ветки Ульяновск – Ундоры: «Шпалы, рельсы, телеграфные

столбы расхищаются и растаскиваются всяким, кому не лень... Народный труд и народное достояние гибнет» [12]. Автор сентябрьской 1927 г. заметки так описывал свои впечатления от посещения Ундоровского рудника: «Всюду в беспорядке валяются котлы, грудой под открытым небом свалены вагонетки. Стоит весь проржавленный экскаватор» [13]. Не следует забывать, что всё это дорогое для того времени оборудование поставлялось на сланцевые рудники в условиях тяжелейшего экономического кризиса 1919 – 1922 гг., когда у государства не хватало средств для поддержания в работающем состоянии многих промышленных предприятий. В «тумане» рыночно-криминальной экономики 1920-х гг. навсегда исчезли тысячи государственных рублей, затраченных на строительство и сотни часов тяжелейшего труда полуголодных людей, спасавших свой регион от топливного кризиса и строивших счастливое будущее своей страны. В 1930 – 1931 гг. снова возникший в связи с индустриализацией дефицит топлива в стране заставил вспомнить о горючих сланцах и ввести в строй законсервированные в середине 1920-х гг. рудники. Но техническую базу пришлось создавать практически заново.

В-третьих, ликвидация сланцевой отрасли нанесла сильнейший удар по квалифицированным кадрам руководителей и ИТР. К началу 1930-х гг. в сланцевой промышленности не осталось почти никого из тех, кто начинал организовывать сланцевые рудники и создавал аппарат Главсланца в трудные 1918 – 1920-е гг. В докладе Госплана РСФСР от 3 октября 1927 г. констатировалось: «С преобразованием в 1925 г. сланцевого треста был распущен весь технический аппарат. В данный момент лишь на одном Ленинградском предприятии треста уцелел один инженер, знающий сланцевое дело... Сейчас технические работники сланцевой промышленности разошлись по целому ряду предприятий и занимают в них очень большие места. Собрать этот распылённый технический капитал является задачей весьма нелёгкой» [14].

В-четвёртых, сланцевая промышленность в ряде стран в 1920-е гг. развивалась достаточно успешно. В первые десятилетия XX века лидером добычи данного вида топлива была Великобритания (Шотландия); максимальная добыча была достигнута в 1913 г. – 3,3 млн. тонн. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. объёмы ежегодной добычи стран определялись: Великобритания – 1,4 миллиона тонн, Япония – около миллиона тонн, Эстония – около 800 тысяч тонн в год, Германия – 540 тысяч тонн, Франция – 80 тысяч. В большинстве стран этот вид полезных ископаемых использовался для химической переработки с целью получения жидкого топлива (Германия, Япония) [15]. Наиболее показательны в 1920-е гг. были успехи Эстонии, где в период 1919 – 1925 гг. добыча выросла с 600 тысяч до 15,6 миллионов пудов; на сланцевое топливо перевели почти весь паровозный парк страны и большую часть цементных заводов, путем химической перегонки удалось получить к концу 1920-х годов бензин с низким содержанием серы, сланцевая зола использовалась для производства силикатного кирпича. Эстонские специалисты сумели решить проблему топок, часто встававшую неразрешимой преградой на пути внедрения сланцев в СССР 1920-х – 1930-х гг. Посетивший Эстонию с заданием ознакомиться с технологией сжигания и проверки в эстонских топках свойств кашпирских сланцев инженер

Хисин с восторгом писал в своей статье об этой стране: «...сжигание в течение многих лет сланцев на крупнейших заводах в Ревеле... показало, что сланцы... не требуют при своём сжигании особо сложных топок и сложного оборудования [...] На железных дорогах сланцы как топливо полностью вытеснили всякие иные виды топлива, что явилось для Эстонии фактом чрезвычайного значения, так как освободили эту небольшую страну от зависимости и необходимости ввозить валютное топливо» [16]. В качестве оправдания колебаний хозяйственных руководителей Советского Союза в ЭКОСО, Госплане, ВСНХ в отношении использования сланцевого топлива можно сказать, что шотландская и немецкая сланцевая промышленность в 1920-е гг. переживала кризис, эстонский же опыт оставался неизвестным на протяжении почти всего периода 1920-х гг.

Экономический кризис, трудности возврата к рыночным отношениям в первые годы нэпа, некомпетентность руководителей, принимающих решения по развитию отраслей топливной промышленности, затормозили развитие сланцевого дела в Поволжье, что нанесло определенный урон экономике страны в целом. Новый всплеск интереса к сланцевому топливу произошёл уже в период первых пятилеток, когда в Поволжье и Ленинградской области были восстановлены старые и открыты новые рудники, и объёмы добычи вышли на новый уровень, по сравнению с началом 1920-х гг.

К сожалению, создаваемая героическим трудом советских людей в 1930-е – 1950-е гг. сланцевая промышленность России на современном этапе снова, в очередной раз в нашей стране, оказалась ненужной и забытой. Трудные времена для сланцевых рудников Поволжья и Ленинградской области наступили в 1990-е гг. В связи с сокращением количества потребителей сланцевого топлива, экономическим кризисом сланцевые предприятия оказались убыточными и в значительной степени свернули свою деятельность. В последние годы всё чаще начинают звучать голоса специалистов и руководителей страны, утверждающих, что как бы ни была Россия богата нефтью и газом, ей не следует отказываться от использования других видов топлива. Среди его альтернативных видов, наряду с торфом, называются и горючие сланцы, использование которых для ряда регионов «может быть экономически оправдано уже сейчас» [17].

Примечания

1. Налетов П., Квасников Ф. Горючие сланцы Среднего Поволжья. М. – Самара, 1930. С. 24, 32.
2. Веймарн – железнодорожная станция в районе города Ямбург (современный Кингисепп Ленинградской области). Ундоры – населённый пункт в Ульяновском районе современной Ульяновской области. Кашпир – населённый пункт в Сызранском районе современной Самарской области.
3. Из деятельности Главного сланцевого комитета // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1920. № 1 – 3. С. 112; О состоянии сланцевых разработок // Там же. № 9 – 12. С. 78. Вольск и Сенгилей – райцентры в современных Саратовской и Ульяновской областях. Батраки – населённый пункт и железнодорожная станция восточнее Сызрани; с 1956 г. – город Октябрьск (Сызранский район современной Самарской области).

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 177. Л. 53 об., 114 об.; Д. 285. Л. 33 – 33 об.; Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году. Вып. III. К отчёту ГУТа за 1921 год. М., 1923. С. 118, 119.
5. В период Гражданской войны велось строительство трех сланцеперегонных заводов (в Петрограде, Ундорах, Вольске). В начале 1920-х гг. функционировало только одно предприятие подобного типа в Москве, производящее из всего богатого перечня продуктов химической переработки сланцев ихтиол, медицинское мыло, лаки (РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 177. Л. 47 об., 115 об.; Деятельность Главсланца в 1920 г. и производственная программа на 1921 г. // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 1 – 4. С. 194; Народное хозяйство России за 1921/22 г. Статистико-экономический ежегодник. М., 1923. С. 95 – 96).
6. Так, в частности, Уноровский и Веймарнский рудники постановлением СНК РСФСР от 30 декабря 1927 г. были включены в трест «Битумсланец» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А. 259. Оп. 12 Б. Д. 1433. Л. 29). Согласно утверждённому ВСНХ 26 июня 1928 г. уставу треста «Битумсланец», в состав данного объединения наряду с Кашпирским, Уноровским, Захарьевским рудниками Ульяновской губернии и Веймарнским рудником Ленинградской области также входили Московский ихтиоловый завод (станция Кусково Московско-Нижегородской железной дороги), сланцевый завод в городе Осташкове Тверской губернии (СУ. 1928. № 144. С. 1241).
7. ГАРФ. Ф. А. 259. Оп. 12 Б. Д. 1433. Л. 37 об.
8. ГАРФ. Ф. А. 259. Оп. 12 Б. Д. 1433. Л. 3 – 4.
9. ГАРФ. Ф. А. 259. Оп. 12 Б. Д. 1433. Л. 48 – 53 об., 54 – 54 об.
10. РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 360. Л. 37; Предварительные экономические расчеты основных производственных операций сланцевого дела в России (доклад заместителя председателя Главсланца инженера-техника Б. В. Цванцигера в заседании промышленной секции Госплана 7 июня 1921 г.) // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 5 – 8. С. 250 – 251;
11. Цванцигер Б. В. Сланцевое дело в РСФСР. М., 1927. С. 4 – 5.
12. Наблюдатель. На гнилых шпалах // Пролетарский путь (орган Ульяновского губкома ВКП(б), губисполкома и губпрофсовета). 1924. 18 июня.
13. Архипов А. П. На сланцах // Пролетарский путь. 1927. 17 сентября.
14. ГАРФ. Ф. А. 259. Оп. 12 Б. Д. 1433. Л. 42, 53.
15. Китаевич С., Жданов М., Карелин М. Новые топливные районы СССР. М., 1937, с. 182 – 183; Пятнадцатилетие государственной сланцевой промышленности в Эстонии // Горючие сланцы. 1934. № 1. С. 58 – 59.
16. Хисин. Успехи эстонской сланцевой промышленности в приложении к волжским сланцам // Среднее Поволжье. 1930. № 6 – 7. С. 22, 23.
17. Лapidус А. Л., Стрижакова Ю. А. Горючие сланцы – альтернативное сырьё для химии // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 9. С. 823.

*Дарбишева Х.А.
(г.Ростов-на-Дону, ДГУ)*

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ИНТЕРНЕТ ТЕКСТАХ

Особый интерес для лингвиста представляет собой такая специфическая форма общения, как вебкоммуникация. Одной из главных особенностей Интернет-коммуникации является то, что в ней инкорпорированы две формы речи – письменная и устная. Стремление максимально приблизить общение к устно-разговорной форме сочетается с его письменной фиксацией. Это приводит к тому, что в коммуникативной среде Интернета, в особенности на сайтах неформального общения, несмотря на письменный характер реализации, речь отвечает характеристикам ее традиционной устной разновидности: спонтанность, одноразовость, индивидуальность. В то же время она обладает и такими характеристиками письменной речи, как возможность остановиться, глубже обдумать прочитанное.

В целом любая деятельность человека в Интернете непосредственно связана с его речевой деятельностью и со стремлением воздействовать через эту деятельность на своего потенциального собеседника. Речевая же деятельность – это результат действия экспрессивной функции языка, которая реализуется в способности выразить эмоциональное состояние говорящего, его отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности. Как общеязыковая категория экспрессивность затрагивает все сферы языка и арсенал его выразительных средств необозрим [Александрова 1984:7]. Однако в данном случае выбор средств выражения во многом определяется спецификой самого Интернет-пространства. Особое значение для анализа средств выражения экспрессивности в Интернет текстах имеет то, что они, как правило, представляют собой письменную фиксацию «живой» спонтанной речи [Трофимова 2005:1]. И именно письменный характер коммуникации обуславливает то, что в этой сфере общения совершенно особое применение находит присущая только письменной форме речи знаковая система, созданная для графического отражения звуковой стороны высказывания, – система пунктуации.

Ориентация Интернет текста на легкость восприятия, стремление компенсировать дистантность общения и максимально приблизить его к спонтанной разговорной речи приводит к тому, что знак препинания приобретает совершенно своеобразную экспрессивную нагрузку. Особенность Интернет пространства такова, что знак препинания используется здесь по преимуществу не столько как указатель на ритмическую организацию текста, а как средство выражения экспрессивности, средство передачи главным образом эмоционального состояния.

С потерей в некотором смысле прежней знаковой соотнесенности мы встречаемся при рассмотрении такового явления, не встречающегося больше

нигде, кроме компьютерной среды, как так называемые emoticons, которые достаточно успешно заполняют пробел, образуемый неспособностью письменной речи передать весь спектр эмоций. Emoticons – это значки, создаваемые с помощью клавиатуры с использованием знаков препинания [Чирвоный 2001: 5]. Эти значки находятся как бы на боку, однако гамма, выражаемых ими эмоций достаточно широка:

- :-) – удовлетворение, позитивное отношение
- :-(– неудовлетворение, негативное отношение
- :- – нейтральное отношение
- TYVM, don't care : – [chat.yahoo.com]
- ;- \ – дьявольская усмешка
- >8[] – крайнее удивление, ужас
- :- < – растерянность
- Ask me another : – < [www.chat.zp.ua]

Очевидно, что использование в этом случае знаков препинания не имеет ничего общего с пунктуационной системой как таковой. Здесь знак как бы выпадает из системы пунктуации и приобретает совершенно иной статус. План выражения соответствующего знака препинания (графическая форма и просодия) теряет свою однозначную соотнесенность с планом содержания. Таким образом, реализация экспрессивной функции пунктуации опирается, прежде всего, на ее грамматическую функцию.

Чрезвычайно широкое употребление приобрело множественное использование вопросительного и восклицательного знаков:

Who do ya think will win BigBrother9? Come join us with games and good funny chat!!!!!!!!!!

What's up pal????Having fun ya??????? [www.talkcity.com]

Это в принципе совсем не характерно для письменной английской речи. Чаще всего там, где в русском языке используется восклицательный знак, в английском языке ставятся точка или запятая. Однако в Интернет текстах необходимость передать разговорные интонации, выразительность и утолить эмоциональный голод оправдывает подобные «злоупотребления». Если в обычной переписке это выглядит неорганично и даже грубо, то в электронном общении данный способ выражения эмоций является вполне приемлемым.

При необходимости создания особой эмфазы эти знаки препинания могут оказаться внутри предложения, если они относятся к вставным конструкциям или сами образуют вставки. Так, например, восклицательный знак употребляется для привлечения внимания, вызванного переменной информацией:

<BoJ>Willow was our March winner~ To play the games of the type !trivia, !scramble,!Uno~

KAOS! Welcome to the first! cheat free! game room!!!!!!

Thought it'd be even interesting (imagine!)to chat there!! [www.talkcity.com]

В последнем случае употребление восклицательного знака в середине предложения поддерживается также скобками. Однако, как правило, содержание выделенных скобками кратких синтаксических структур, одно- и двухсложных воспринимается как что-то несущественное [Александрова 1984:

88]. Употребление восклицательного знака способствует тому, что сообщение не утрачивает свою экспрессию, а приобретает дополнительную весомость. То же относится к использованию вопросительного знака:

The work is already in progress (how?when?) ... That's where crappy ideas come from!! [www.chathouse.com]

Оформление общения в Интернете в виде диалога позволяет также употреблять вопросительный и восклицательный знаки самостоятельно, без словесного окружения. В этом случае они могут выражать разнообразные чувства: удивление, сомнение и т.п. Значение соответствующей невербальной реплики становится понятно благодаря контексту:

<Abstract>Wanna come and see what I found!!

<Fantasy>????[www.chathouse.com]

Восклицательный и вопросительный знаки являются наиболее употребительными в Интернет-пространстве.

Среди знаков, обладающих общей отделительной функцией, наибольшее применение находит многоточие. Многоточие используется главным образом при имитации разговорной речи. Внутри предложения оно передает затрудненность речи, вызванную большим эмоциональным напряжением, а также прерывистый характер речи, указывает на сознательно пропущенные слова:

<Den>Oh it's on Guard with Kaos...Im gonna get you now...But leave the drama at the door...

<Electric>Lookin to meet new people ... you are in the right place... [www.talkcity.com]

Кроме того, многоточие может передавать многозначительность сказанного, указывать на подтекст, скрытый смысл, может подчеркивать алогизм в речи:

<BlackMan>If electricity comes from electrons,does morality come from... morons?If a turtle has no shall is it ... naked?..or homeless?..

Так как экспрессивные функции многоточия наиболее ярко проявляются в речи эмоционально окрашенной или напряженной, то для диалогов, или, точнее, мультиполилогов, Интернет-пространства оно особенно актуально. Использование многоточия направлено главным образом на создание эффекта живого общения, непосредственного личного контакта.

Другим знаком, способным передавать паузы и хезитации разговорной речи является также тире. Однако в отличие от многоточия тире предполагает более длительную и напряженную паузу. В качестве знака вертикальной сегментации речи одиночное тире ставится, как правило, на месте пропуска сказуемого или каких-либо других членов в эллиптических предложениях. Эти пропуски возможны, когда пропущенный член восстанавливается из контекста или из реплики другого участника диалога:

<Hotstar> sorry Sunday what do u mean ?

<Sunday> One – black, the other – blue... [www.en.wikipedia.org/wiki/Chat]

Тире ставится не только на месте пропуска, но и между членами предложения – для выделения, акцентирования их позиции. Выделительное тире отделяет член предложения, заключающий в себе дополнительное сообщение, тем самым, привлекая к нему внимание:

<Caddy>We pride ourselves in building relationships – lifelong friendship...that brings people together [www.talkcity.com].

Итак, в компьютерной среде наибольшее распространение получили те знаки препинания, которые способны наиболее четко отражать особенности разговорной речи, передавать оттенки мыслей, нюансы чувств, создавать определенный тон и придавать эмоциональную окраску. Из знаков вертикальной сегментации речи к ним относятся, прежде всего, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие и тире.

Примечания

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М., 1984.
2. Воротникова Ю.С. Жанровое своеобразие Интернет-коммуникации (на примере информационных блогов и чат-общения). – М., 2007.
3. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках – Автореф. дис. канд. филол. н. – М., 2001.
4. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи (монография). – М., 2005.
5. Чирвоный А.С. Графические особенности компьютерного сленга. – ЗГУ, 2001.
6. www.chat.zp.ua
7. www.talkcity.com
8. www.en.wikipedia.org/wiki/Chat
9. www.chathouse.com

*Жирихина Е.С.
(г.Москва, МОСА)*

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

At the present stage of linguistic research, language is considered in close association with a person, the nature of scientific researches mostly has anthropological character. Thus, in recent decades in the humanities there is an increasing interest to the problem of language personality. In our study we found out that "linguistic identity" is a rather complicated "fusion" of language and culture. Such personality cannot exist without creativity, oral and written communication.

На современном этапе лингвистических исследований язык рассматривается в тесной связи с человеком, научные изыскания носят антропологический характер. Например, немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (Heidegger), творивший в середине 20 века, утверждал, что «не люди говорят "языком", а язык "говорит" людям и "людьми"». Так, в последние десятилетия в сфере гуманитарных наук возрастает интерес к проблеме изучения языковой личности.

В настоящее время известно, что под личностью понимают устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности. «Личность — это человек, уже присвоивший в процессе социализации свою человеческую сущность, в том числе и язык общества, в объеме, необходимом в данный момент жизни и развития для равноправного с другими людьми участия в производстве материальных и духовных, в том числе и языковых ценностей» [1]. Личность человека - это его социальный и психологический облик [2]. Тогда под языковой личностью, как нам кажется, следует понимать все вербальные проявления личности в социуме, выражающие всю совокупность знаний и представлений человека о мире. «Общегуманитарный характер» термина «личность» и многоаспектность соотношения «язык - личность» неизбежно приводят к тому, что языковая личность в лингвистике исследуется в рамках различных междисциплинарных направлений, а сами исследования обычно посвящены одной из сторон языковой личности. С.В. Оленев выделяет три основных подхода к исследованию: структурное, коммуникативное и стратегическое. [3].

В рамках структурного направления разрабатывается модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым. Эта модель имеет трехуровневую организацию: в ней выделяются вербально-семантической (или структурно-семантический), лингвокогнитивный (или тезаурусный) и мотивационный уровни. [4] Вербально-семантический уровень развития языковой личности предполагает овладение словарным запасом, навыками построения и использования типовых грамматических конструкций и достигается в результате обучения с помощью примеров. Этот уровень считается нулевым

для языковой личности, хотя «совершенно ясно, что он составляет предпосылку ее становления и функционирования» [5]. О подлинной языковой личности можно говорить только тогда, когда «в игру вступают интеллектуальные силы» [6], и происходит выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе, то есть на лингвокогнитивном уровне. Это тот уровень развития языковой личности, на котором возможен индивидуальный выбор языковых средств, тематическое создание текстов, понимание их основного содержания. Следующий уровень языковой личности - мотивационный - предполагает выявление и характеристику мотивов и целей, стимулирующих ее развитие и управляющих ее «текстообразованием». На этом уровне языковая личность как объект исследования совпадает с личностью в самом общем, социально-психологическом смысле, максимально активизируются коммуникативные потребности личности: выполнение различных коммуникативных задач, выбор и оценка языковых средств в зависимости от условий их применения [7]. Способность владения функциональными разновидностями языка является одной из основных характеристик развитой языковой личности.

В данном исследовании нас интересует вопрос взаимодействия личности и языка, а также формирование и функционирование языковой личности.

Нам известно, что личности свойственна так называемая «языковая игра», которая заключается в намеренном использовании отклоняющихся от нормы и осознаваемых явлений, а это способствует образованию индивидуального языкового знака. Сложность взаимодействия языка и личности проявляется в следующем: действующие в языке правила формируют дискурсивную деятельность языковой личности, а личность оказывает творческое влияние на язык, нестандартно используя предоставляемые им возможности, и индивидуально формирует языковые знаки. Следует заметить, что языковая личность формируется не только в процессе устной коммуникации, приобретая навыки общения и восприятия информации. Важным этапом становления такой личности является постижение текстов, как научных, так и художественных. Литературный текст, вслед за М. М. Бахтиным, рассматривается как «первичная данность всего гуманитарно-философского мышления», и является той «непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины» [8]. Значит восприятие, интерпретирование текста являются важными этапами становления языковой личности, поскольку текст «настроен» на диалог с читателем, выстраивая тем самым коммуникативную цепочку понимания.

Интерпретация текста представляет собой «освоение идейно - эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путём воссоздания авторского видения и познания действительности» [9]. Интерпретируя текст, читатель или переводчик проходит путь, уже пройденный художником, поэтому происходит приобщение к процессу творчества и открывается картина мира, созданная художником. Таким образом, языковая личность переводчика перенимает часть представлений художника о мире. То есть художник и переводчик (в лучшем

случае) предстают перед нами как один человек, одна языковая личность. Но для понимания этого процесса необходимо иметь представление не только о языковой личности, но и о тексте.

В современной лингвистике существует много разных интерпретаций и определений самого текста. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» текст определяется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность». Кроме того, именно текст отображает духовный мир человека и напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов и хранит информацию обо всём том, что составляет содержание культуры. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал.

Критерием текста являются:

связность;

цельность;

эллипсис (пропуск в тексте подразумеваемой языковой единицы);

информативность;

ситуационность (учёт ситуации, в которой осуществляется речь);

интертекстуальность, т. е. наличие определённых формальных и семантических отношений между данным текстом и другими текстами.

Всё, что вводится в текст и функционирует в нём, служит одной цели: формированию концепта. Процесс интерпретации текста сводится к поиску средств выражения концепта, отражающего в себе результаты авторского освоения действительности. Концепт произведения формируется постепенно. Понятие *концепт* трактуют по-разному; за рабочее определение примем следующее: концепт - общее представление о мире, отраженное в словарном запасе человека и народа в целом. По словам Д. С. Лихачёва, образование концептов - «результат столкновения словарного значения слов с представлениями народа». Концепты создают смысловые ряды, которые образуют смысловое поле литературного произведения. У каждого человека собственное представление о мире и, следовательно, уникальный словарный запас. Если же говорить о писателях, то «...каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ воспроизведения и организации мира» [10]. Поэтому полнота и глубина восприятия художественного произведения в единстве его содержания и формы зависят только от самого читателя и его личностных характеристик (как постоянных, так и переменных). Также на восприятие влияют мировоззренческие и нравственные позиции, шкала ценностей, эстетические предпочтения, общий уровень культуры, возраст, профессия ... и даже настроение.

Обогащение и расширение системы представлений человека о мире и уровневой структуры языковой личности происходит через тексты художественной литературы. Единицами текста выступают образ, жанр, внешняя композиция, пространственно-временная организация текста,

интертекстуальные связи. Художественные концепты (ХК) представляют собой специфические «интенциональные образования» [11], связанные с индивидуально- авторским видением и образно-языковым представлением смысловых, эстетических и эмоционально-оценочных комплексов в художественном тексте.

Поскольку художественный мир предстает как «система ценностей, организованная вокруг личности как исходной ценностной категории», то «высший, последний «концепт концептов» произведения искусства - это концепция человеческой личности» [12]. Г. Гачев писал: «Индивидуум, выросший в атмосфере определённой национальной культуры, одарён талантом особого видения явлений бытия - даже физических, не говоря уж об искусстве и поэзии. Национальная природа и дух питают интеллект и воображение своих детей, снабжают особыми архетипами, оригинальной интуицией, неповторимыми образами, странными ассоциациями. Эвристическая сила национальной ментальности: дар открывать и изобретать особым образом» [Гачев Г. 1995: 58].

Вопрос о тексте и его восприятии читателем активно разрабатывался в лингвистической герменевтике, однако до сих пор является дискуссионным.

Критики сознания, например, рассматривают текст как воплощение сознания автора, мистически разделяемое восприимчивым читателем; рецепционисты - в качестве «контролера» процесса откликов читателя; критики школы Баффало (Buffalo, USA) утверждают, что читатель бессознательно оформляет и детерминирует текст в соответствии со своей индивидуальностью. Однако исследователи всех направлений сходятся в том, что сущность человека с позиции его «языка» раскрывается через способности к интерпретации.

В ходе нашего исследования мы убедились, что языковая личность представляет собой довольно сложный «сплав» языка и культуры, и, по сути, является многоуровневым образованием. Уяснили некоторые характеристики и индикаторы ее развитости. Поняли, что становление такой личности невозможно без творчества, устной и письменной коммуникации. Чтобы до конца понимать глубину мысли художников слова, человеку необходимо развить в себе языковую *Личность*.

Примечания

1. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. Шадринск.1971, С. 25
2. Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом фНСКурсе.URL://<http://www.russian.slavica.org/>¹ Оленев С.В. Динамическое моделирование русской языковой личности. Кемерово. 2006.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002. С.69.
4. Караулов Ю.Н. Указ.Соч., С.36
5. Там же. С.36
6. Гаврилина А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности // <http://www.t21.rgups.ru/s2.php>;
7. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.С. 281
8. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. С. 6

9. Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1995. С.13
10. "Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб., 2003 ¹²Тюпа В.И. Художественная реальность как предмет научного познания. Кемерово, 1981. С.53

Жукова Е.Г.
(г. Ставрополь, СГУ)

ИНФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АДДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В теоретической литературе, посвященной проблемам политической лингвистики, мы встречаем объект исследования, обладающий как семантической, так и структурной аддитивностью. Это стратегии персуазивного воздействия, влияющие на деятельность и сознание реципиента. Известный теоретик политической коммуникации Р. Блакар утверждал, что выразиться нейтрально (т.е. без структурно-семантических аддаций. Далее будем называть их ССА. – Примечание мое. – Е.Ж.) невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти», т.е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком (Блакар, 1987: 91). В рекламной и политической коммуникации охарактеризованное выше персуазивное воздействие при помощи аддитивно-информативных языковых структур осуществляется в форме речевых стратегий «Интенсификация», «Терминологический туман» и «Логика абсурда». Как представляется, ССА, реализуемые посредством данных стратегий, не чужды и художественной прозе.

Стратегия «Интенсификация» предполагает «выпячивание» чужих недостатков и своих достоинств (для себя это игра на повышение, т.е. преувеличение своих достоинств; для «чужих» это игра на понижение – т.е. очернение, преувеличение чужих недостатков)» (Иссерс, 2009: 55). В следующем примере кавычки имплицитно преувеличенность оценок со стороны описываемого персонажа, выражая негативное отношение автора к его деятельности, поэтому выделенный фрагмент можно отнести к ССА:

На кибернетику нападали не специалисты, а философы вроде В. Колбановского. Его профессией была **битва «за советскую науку против ее идейных противников»** (Гранин, 1989: 248).

Подобная стратегия реализуется и в приводимом ниже примере, где ирландец преувеличенно негативно характеризует колонизаторов-англичан:

– They're not European, says the citizen. I was in Europe with Kevin Egan of Paris. **You wouldn't see a trace of them or their language anywhere in Europe except in a cabinet d'aisance** (Joyce, 2000: 421). – Они никакие не европейцы, – режет Гражданин. – Я был в Европе с Кевином Игеном Парижским. **Нигде в Европе никакого следа ни их, ни ихнего языка, только если в cabinet d'aisance** (Джойс, 2004: 350-351).

Стратегия «Терминологический туман» также направлена на обеспечение сокрытия некоторых существенных для реципиента сообщения сведений, «выводя на первый план информацию, понятную лишь специалисту» (Иссерс, 2009: 55). Таким образом, в данном случае речь идет о США, т.к. кроме информации об общих контурах описываемых процессов и явлений, передаются сведения об их свойствах, которые не бросаются в глаза с первого взгляда, а доступны лишь при наличии определенного уровня профессиональной компетенции. В художественной прозе Д.А. Гранина эта стратегия используется при характеристике атмосферы техноцентризма в научной жизни СССР 60-х гг. XX века:

Шли кинокартины о физиках, со сцены слышалось: «**Эйнштейн**», «**протон**», «**кванты**», «**цепная реакция**»... Физики были героями дня (Гранин, 1989: 12).

Дж. Джойс использует стратегию «Терминологический туман», эксплицируемую в тексте посредством упоминания многочисленных узкоспециальных, зачастую противоречивых и несуразных, наименований одного лица, которые понятны рядовому читателю лишь после прочтения комментариев в сносках и которые затуманивают реальный облик описываемого персонажа:

The work of salvage, removal of debris human remains etc has been entrusted to Messrs Michael Meade and Son, 159, Great Brunswick Street and Messrs T.C. Martin, 77, 78, 79 and 80, North Wall, assisted by the men and officers of the Duke of Cornwall's light infantry under the general supervision of **H.R.H., rear admiral the right honourable sir Hercules Hannibal Habeas Corpus Anderson K.G., K.P., K.T., P.C., K.C.B., M.P., J.P., M.B., D.S.O., S.O.D., M.F.H., M.R.I.A., B.L., Mus. Doc., P.L.G., F.T.C.D., F.R.U.I., F.R.C.P.I. and F.R.C.S.I.** (Joyce, 2000: 448). – Спасательные работы, расчистка руин, удаление человеческих останков и проч. доверены фирме Майкл Мид и Сын, Большая Брансвик-стрит, 159, и фирме Т. и К. Мартин, Норс-Уолл, 77, 78, 79 и 80, в помощь которым отряжены солдаты и офицеры полка легких пехотинцев герцога Корнуоллского под общим командованием **Его королевского высочества, контр-адмирала высокочтимого сэра Геркулеса Ганнибала Хабеаса Корпуса Андерсона, К.О.П., К.О.С.П., Р.О.Х., Т.С., К.О.Б., Ч.П., М.С., Б.М., К.О. З. Б.С., П.Е.Д.,**

М.Л.О., М.Б.И.Ж., Б.П., Д.М., П.Б.О., П.Д.К.Т.Д., П.Д.К.И.У., П.Д.К.К.И.В. и П.Д.К.К.И.Х. (Джойс, 2004: 372-373).

Комментарий касательно расшифровки сокращений из данного фрагмента в тексте перевода: Кавалер Ордена Подвязки, Кавалер Ордена Св. Патрика, Рыцарь Ордена Храмовников, Тайный Советник, Кавалер Ордена Бани, Член Парламента, Мировой Судья, Бакалавр Медицины, Кавалер Ордена за Безупречную Службу, Педераст, Мастер Лисьей Охоты, Ментор Братства Ирландских Журналистов (или Моя Благородная Ирландская Жопа), Бакалавр Права, Доктор Музыки, Попечитель Благотворительного общества, Почетный Доктор Колледжа Тринити, Дублин, Почетный Доктор Королевского Ирландского Университета, Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Врачей и Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Хирургов.

Стратегия «Логика абсурда» предполагает аргументацию, которая доводит «до абсурда (т. е. вводит в структуру и ткань языкового высказывания аддитивные кванты, которые интенсифицируют информацию. – Прим. мое. – Е.Ж.) логики оппонентов» (Иссерс, 2009: 70). Так, к примеру, на страницах романа Д.А. Гранина «Зубр» мы находим следующее ироническое описание позиции технократически настроенного интеллигента-шестидесятника, которую автор романа не разделяет:

Молодые математики, физики, химики засучив рукава брались решить ветхозаветные проблемы биологии. **Применить к этим козявкам, травкам электронику, она все измерит, все смоделирует** (Гранин, 1989: 12).

В процитированном фрагменте писатель доводит до абсурда аргументацию своих оппонентов, давая понять, что излишнее увлечение техникой в исследовании природы неприемлемо.

В следующем англоязычном тексте также использована стратегия «Логика абсурда», когда одна из спорящих сторон, модифицируя доводы своего противника, выхолащивает их смысл. Так, в частности, персонаж Дж. Джойса понимает колониальную английскую цивилизацию как сифилизацию. Тем самым последнее понятие приобретает аддитивный смысл, связанный с указанием на его англо-цивилизаторские корни:

... And Bloom trying to back him up moderation and botheration and their colonies and their civilisation.

– **Their syphilisation, you mean**, says the citizen (Joyce, 2000: 421). –

...А Блум ему вовсю подпевает про умеренность да похеренность да ихние колонии да ихнюю цивилизацию.

– **Сифилизация, уж лучше сказать!** – гремит Гражданин (Джойс, 2004: 350).

Все описанные нами стратегии персуазивного воздействия обладают атрибутом инференциальности. Далее мы охарактеризуем данный параметр интересующих нас явлений более подробно. Инференциальность в нашей статье рассматривается как наличие инференциального смысла, т.е. смысла, выводимого «из двух посылок, одной из которых выступает ассерция, а другой

– соответствующий фрагмент фоновых знаний носителей лингвокультуры о мире» (Черкасова, 2008: 5-6). Другими словами, при использовании «инференциальной модели, говорящий, вкладывая «свой смысл», т.е. то, что он «имеет в виду» в высказывании, хочет, чтобы слушающий распознал его намерения, а также, чтобы у слушающего возникла определенная реакция на то, что «имел в виду» говорящий» (Черкасова, 2007: 300). Таким образом, инференция представляет собой «широкий класс когнитивных операций, в ходе которых ...интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове или «душе» говорящего, приходится «додумывать за него» (Макаров, 2003: 123). При этом декодируется смысл ССА, в том числе и заключенный в художественной прозе. Проиллюстрируем процесс инференциального вывода следующими примерами:

– Давно, наверно, сгорел ваш гостинный гарнитур в печках.

Воробьянинов так испугался, что даже встал с места.

– Спокойно, спокойно. За дело берусь я. **Заседание продолжается** (Ильф, Петров, 1991: 28).

В имплиците выделенного высказывания содержится указание на уверенность в успешном завершении дела. Логическая цепь инференциального вывода здесь примерно такова: {Ты приуныл, как будто все решено не в твою пользу} (прагматическая пресуппозиция) → заседание продолжается (ассерция) → {заседание присяжных продолжается, значит, еще есть надежда на благоприятный вердикт} (импликация). ССА в данном случае связана с отсылкой к судебной терминологии, указывающей на то, что персонаж романа связан с криминальным миром.

Вот аналогичный пример из английской прозы:

‘It’s all very well, but where are the dramatists? **Sarah had Sardou, Duse her D’Annunzio**. But who have I got? (Maugham, 1979: 271-272). – «Все это прекрасно, но где взять хорошего драматурга? У Сары был Сарду, у Дузе – Д’Аннунцио. А кто есть у меня?» (Моэм, 1991: 565)

В данном текстовом фрагменте повествование ведется от лица Джулии Лэмберт, которая посредством своего высказывания косвенно указывает на то, что она считает себя великой актрисой. Инференциальный вывод, следствием которого является такая импликация, можно изобразить при помощи следующей схемы: {Сара и Дузе – великие актрисы} (прагматическая пресуппозиция) → У Сары был Сарду, у Дузе – Д’Аннунцио (ассерция) → {Я великая актриса и мне нужен свой драматург} (импликация).

Итак, подведем итог: в состав ССА входят те обладающие инференциальным смыслом стратегии персуазивного воздействия, где antecedent эксплицирован посредством материального носителя информации – языкового знака, обеспечивающего структурную аддитивность, которая обязательна для данной единицы лингвистического анализа.

Примечания

1. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.
2. Гранин Д.А. Зубр. – М.: Профиздат, 1989. – 304 с.
3. Джойс Дж. Улисс. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 992 с.
4. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. – С. 3-234.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
7. Моэм С. Театр // Моэм С. Собрание сочинений в 5 т. Т.2. – М.: Художественная литература, 1991. – С.356-567.
8. Черкасова Е.В. Содержание и коммуникативное назначение высказывания: инференциальная теория смысла // Альманах современной науки и образования. – № 1. – 2007. – С. 299-302.
9. Черкасова Е.В. Структура и прагматика инференциального смысла высказываний (на материале английского языка): Автореф. дис...канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 26 с.
10. Joyce J. Ulysses. – London: Penguin books, 2000. – 940 p.
11. Maugham S. Theatre. – М.: Международные отношения, 1979. – 290 p.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Современное общество предъявляет всё большие требования к будущим кадрам. Будущий экономист должен осваивать постоянно растущий поток информации, связанный с его непосредственной деятельностью, с другой стороны умение находить новые, нестандартные решения, требует широкой эрудиции и обладания сведениями из смежных областей знания.

Существуют различные виды мышления: творческое, логическое, диалектическое, критическое и латеральное, которые показывают наивысший уровень развития интеллекта. «Для того, чтобы мышление было продуктивным, знания должны быть определённым образом организованы в систему» [3, С.113]. Мышление главным образом проявляется в учебной деятельности, в понимании учебного материала, в постановке целей, в решении различных задач, в рефлексии и оценке деятельности.

Различия мыслительных способностей студентов могут проявляться в качествах ума (гибкость, глубина, инертность, устойчивость, осознанность, самостоятельность, критичность).

С.Л. Рубинштейн [4] выделял следующие важные приёмы мыслительной деятельности: анализ, синтез, сравнение, абстракция, обобщение, конкретизация.

Именно развитие мыслительных процессов, умственных действий, операций и приёмов большинством авторов включается в термин «умственное развитие». По словам Д.Н. Богоявленского и Н.А. Менчинской: «Для умственного развития наиболее характерной чертой является, таким образом, не только накопление фонда знаний, но и своего рода фонда умственных приёмов, операций, хорошо «отработанных» и прочно закреплённых, которые можно отнести к интеллектуальным умениям» [1, С.133].

Мы проанализировали Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр»). Исходя из предмета «Иностранный язык» выделим, что будущий экономист должен обладать общекультурными компетенциями:

- владеть культурой мышления, анализировать, воспринимать информацию, ставить цели и выбирать пути их достижения;
- критически оценивать свои достоинства и недостатки;
- понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества;
- владеть иностранным языком в межличностном и деловом общении;

- владеть основными способами и методами работы с информацией, иметь навыки работы с компьютером, как средством управления информацией.

Из профессиональных компетенций особо следует обратить внимание на следующие:

- быть способным осуществлять сбор, анализ и обработку данных, необходимых для решения поставленных экономических задач;

- уметь использовать отечественные и зарубежные источники информации;

- владеть навыками самостоятельной работы, самоорганизации и организации выполнения заданий;

- уметь работать в группах.

При предъявлении требований, положительный результат в формировании компетенций достигается посредством использования технологии развития критического мышления.

Существуют различные определения критического мышления, общий смысл которых можно выразить в следующих тезисах: критическое мышление – это способность анализировать информацию, чтобы применять полученные результаты, как в стандартных, так и не стандартных ситуациях, вопросах, проблемах; критическое мышление - это способность ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, принимать независимые продуманные решения. Имеющаяся в тексте информация осмысливается в процессе чтения, сопрягается с собственным опытом и на её основе формируется собственное аналитическое суждение.

По мнению педагогов Загашева И.О., Заир-Бек С.И. [2], структура данной педагогической технологии включает в себя 3 фазы: 1) фаза вызова, на которой активизируются имеющиеся знания, стимулируется интерес и формируются навыки целеполагания; 2) фаза осмысления содержания/ реализации смысла; 3) фаза рефлексии, которая включает интерпретацию и оценку новой информации, и создание личного осмысленного контекста.

Фаза вызова:

Студенты получают задание, вспомнить всё, что они знают на тему «Накопления денег», оформив сведения кластером (в центре листа пишется тема занятия «копить / sparen», затем в верхней части листа на время записываются слова, которые приходят на ум; вторая часть листа остаётся свободной). Студенты работают в малых группах по 3-4 человека, затем совместно составляется общий кластер.

Совместно предлагаются варианты, каким образом можно копить деньги (дома, на счету в банке, в акциях, облигациях и т.п.). Затем отрабатывается речевой оборот: я коплю деньги, чтобы... / Ich spare Geld, um...

2) Фаза осмысления содержания/ реализации смысла:

На данном этапе студенты используют приём маркировки текста – ИНСЕРТ: читая текст «Sparen in Europa und in der Welt», делаются пометки карандашом, а затем заполняется таблица:

«V» я знаю (Ich weiß)	«+» новое (Neues)	« - » думал(а) иначе (Ich habe anders gedacht)	«?» не понял(а); есть вопросы (Ich habe nicht ver- standen; Ich habe Fragen)

Студенты кратко записывают в сводную таблицу ключевые слова, словосочетания, цитаты, затем устно обсуждают полученную информацию в группе. Темп чтения понимания индивидуален. Если группа большая, её необходимо разбить на микрогруппы.

В первой графе «V» - *я знаю*, применим упражнение на повторение грамматической темы «Сложноподчинённое предложение»: Расскажите, что Вы уже знали, прочитав текст, начиная фразу словами «Ich weiß, dass... / Я знаю, что...»

В графе «- » - *противоречит моим знаниям*, предложение начинается со слов: «Früher dachte ich, dass... / Раньше я думал, что ...»

«+» - *новое*: студенты делятся полученными знаниями, своими словами формулируют предложения из ключевых слов, записанных в таблице.

«?» - *не понял(а), есть вопросы*: у некоторых студентов данная графа может остаться незаполненной.

3) Фаза рефлексии:

На фазе рефлексии происходит суммирование и систематизация новой информации, оценка, ответы на различные вопросы и формулирование новых, постановка новых целей. Предлагаемые вопросы могут быть следующими:

- вопросы на тренировку памяти (что, кто, где, когда?);
- вопросы на перевод (С чем сравнить...? Какие ассоциации у Вас возникают...?);
- вопросы на интерпретацию (Почему считаете, что...?);
- вопросы на анализ (Какие этапы можно выделить для решения проблемы...?);
- вопросы на синтез (творческое решение проблемы, использовать дополнительную информацию);
- вопросы на оценку требуют выражения собственных суждений о полученной информации.

В заключении подводятся итоги: были ли достигнуты поставленные цели? Чему научились? Что нового, интересного узнали? У каждого студента есть возможность выслушать друг друга, выразить своё отношение к занятию, согласиться с мнением коллег или опровергнуть его.

Студентам не сразу удаётся включиться в работу, трудности, с которыми они сталкиваются в первую очередь – это работа в парах и в малых группах. Учитывая индивидуализацию современного обучения, студенты не умеют общаться друг с другом.

Технология развития критического мышления повышает интерес к изучаемому предмету, учит критически мыслить, использовать различные мыслительные приёмы, выделять главное, что является важным для будущих экономистов.

Примечания

1. Богоявленский, Д.Н., Менчинская, Н.А. Психология усвоения знаний в школе. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. – 346с.
2. Загашев, И.О., Заир-Бек, С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб: Издательство «Альянс «Дельта», 2003. – 284с.
3. Познавательные процессы и способности в обучении: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов/В.Д. Шадриков, Н.П. Ансимова, Е.н. Корнеева и др.; Под ред. В.В. Шадрикова. – М.: Просвещение, 1990. – 142с.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – М., 1989. – 703с.

Камардин И.Н.

(г. Кузнецк, КИИУТ (филиал ПГУ))

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РАБОЧИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Основным составляющим повседневности человека без сомнения являются жилищные условия. Под термином «жилищные условия» понимается совокупность показателей, характеризующих жилище: размер жилой и общей площади на человека, благоустроенность домов, их состояние, местонахождение зданий. В тоже время следует учитывать, что жилищные условия это важный фактор развития производства. В публиковавшихся в 20-е годы многочисленных брошюрах неоднократно подчеркивалось: «Квартирный вопрос в современных условиях промышленности является производственным вопросом. Без разрешения его не может быть разрешен вопрос и о развитии промышленности»[1].

В годы гражданской войны основным способом быстро улучшить жилищные условия рабочих было «уплотнение населения», т. е. заселение семей рабочих в квартиры буржуазии. 30 октября 1917 года — СНК принимает декрет «О передаче жилищ в ведение городов». Городским самоуправлениям предоставлялось право секвестрировать пустующие помещения, пригодные для

жилья, занимать их в случае необходимости под квартиры для граждан, нуждающихся в жилье или проживающих в перенаселенных, аварийных, вредных для здоровья помещениях[2]. Излишки площади предполагалось заселять пролетариями. Первоначально рабочим давали жилье в пустующих квартирах. Однако власти не утруждали себя сбором сведений, где в это время находился истинный квартирновладелец и почему он в данный момент не живет в своей квартире. Трехмесячное отсутствие являлось оправданием вторжения в жилье, объявления его «бесхозным», «пустующим», а значит, предназначенным для заселения. Имущество, находившееся в квартире, описывалось и разделялось между въезжающими. В программе РКП(б), принятой в 1919 г., говорилось: «Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.»[3]. В Москве только за ноябрь—декабрь 1917 г. было реквизировано 216 домовладений и переселено в них 20 тыс. рабочих и членов их семей. А за 1918 г. было реквизировано уже 4 тыс. домовладений и было переселено более 40 тыс. рабочих. В Поволжье жилищный передел не достиг масштабов центрально-промышленного района. Основная причина заключалась в отсутствии достаточного количества жилых помещений. Другими причинами можно назвать существование многочисленных контор и учреждений, плодившиеся как грибы после дождя, нуждались в помещениях. Ну и, конечно же, в благоустроенном жилье нуждались советские чиновники. Как упоминалось в докладе зав. жилотделом симбирского городского коммунотдела «Частенько случается так, что квартира достается не нуждающемуся рабочему, а другому по приказанию других»[4]. Поэтому всего через год после революции пришлось констатировать: «Рабочие живут в прежних условиях - в прежних грязных душных лачугах, каморках и т.п.»[5]. Ситуацию усугублял постоянный приток беженцев, военнопленных, раненых из других регионов страны. В Симбирск только за 1918 г. прибыло 8 - 11 тысяч беженцев «из Западного края»[6], которые нуждались в размещении. Учет в провинциальных городах был поставлен из рук плохо, горжилотдел зачастую просто не владел полной информацией о наличии или отсутствии жилья. Аналогичное положение сложилось в соседней Самаре, власти которой обратились к населению с призывом «сигнализировать обо всех освобожденных помещениях»[7].

Многие принудительно изъятые квартиры с огромными проходными комнатами требовали больших расходов на отопление и, естественно, остались незаселенными, а наличие в квартирах холодных необитаемых комнат снижало санитарное состояние домов в целом. Внутренняя архитектура средней городской квартиры отличалась от устройства маленького домика на окраине, где были и погреб, и подвал, и колодец во дворе. Отсутствие этих привычных «удобств» любого предместья заметно осложняло жизнь пролетарских семей в новых квартирах. Известный ученый-статистик С. Г. Струмилин, вполне

лояльно настроенный к мероприятиям новой власти, писал в мае 1919 г.: «Рабочие не проявляют особой охоты к переселению уже потому, что им и без того не тесно, а слишком просторные квартиры при современной дороговизне дров представляют уже не удобство, а прямое бедствие. К этому нужно прибавить, что барские квартиры — в центре города, а заводы — на окраинах, и рабочему пришлось бы после переселения в центр тратить лишнее время и деньги на проезд к месту работы»[8].

К тому же места общего пользования - ванны, уборные, кухни, подсобные помещения, не приспособленные для коллективной эксплуатации, оказывались источником постоянной напряженности между жильцами. Все это приводило к конфликтам, ссорам, раздорам, случаям квартирному хулиганству как из-за невыносимых бытовых условий. Так, в Симбирске между жильцами коммунального дома № 38 по улице Радищева проходили постоянные раздоры, которые проявлялись в вываливание мусора под двери соседей, отказе от уборки мест общего пользования, рукоприкладстве - вот те нравы, которые царили во многих домах[9].

«Подселения» и «уплотнения» лишали жильцов стимулов к поддержанию жилищ в хорошем состоянии. «Всеобщая неуверенность в обеспечении жилищем, постоянный трепет перед возможностью принудительного вселения посторонних в вашу семью, недоверие к жилищной политике - эти факторы окончательно подорвали в населении всякую самодеятельность и заинтересованность в поддержании жилищ в исправности, и заставили каждого чувствовать себя гостем даже в собственной квартире», - писал на этот счет нижеволжский журнал «Наш край»[10].

В небольших городах Поволжья часть рабочих имели собственные дома и вели полу сельский образ жизни. Как правило, такие рабочие, занимались сельским хозяйством и содержали небольшое подворье, что давало дополнительный источник к существованию. Так, в Симбирске существовали слободы - Панская, Конная, Солдатская, Туть, за Волгой находились Часовня, Королевка, Канава[11]. В сельской местности, где традиционно каждая семья имела неважно какого качества, но свой, отдельный дом, жилищных проблем практически не возникало. Мало того, в отдельных случаях можно говорить даже об определенном улучшении количества и качества жилья за счет начавшейся с лета 1917 г. самовольной вырубке лесов[12].

Другая часть пролетариев проживала в фабричных казармах, постройках барачного типа. Условия проживания в них были ужасными. Рабочие мельницы №4 Пензенской губ. проживали в общежитии, которое представляло собой подвальное помещение. Помещение не чистилось. Несмотря на сырость, спать приходилось на полу, так как нары ставить было негде [13]. В мае 1918 г. фабрично-заводской инспектор, обследовав общежитие Симбирского центрального завода по производству сельскохозяйственных орудий, в своем отчете писал: «...помещение полуподвального типа, с земляными полами и двумя рядами нар. Полнейшая антисанитария, воздух спертый, зловонный»[14].

В общем и целом, положение дел действительно оставалось критическим, так как в этом проявилась реальная политика советской власти: на словах и в лозунгах провозглашая необходимость улучшения жизни рабочих, удовлетворяли прежде всего интересы разрастающейся советской бюрократии. Ни в архивных материалах, ни в краеведческой литературе нет, кроме единичных, упоминаний о реальном улучшении положения пролетариата. Так, в 1918 году в Самаре средняя обеспеченность жильем на одного человека составляла всего на всего 4,7 м² [15].

Рабочие продолжали проживать в скверных условиях, многие рабочие ютились в непригодных для жилья помещениях [16]. Так в Симбирске под жилье стали отводить железнодорожные вагоны, отслужившие свой срок. Местом их скопления стали пути, находившиеся за слободой Туть [17]. В этом поселке даже появились своеобразные улицы и переулки (1-й путь, 2-й путь и т. д.). Соблюдалась и нумерация «зданий» - вагонов, подчеркивались их особые приметы. Горсовет в начале 1919 г. вынужден был озаботиться устройством уборных на территории вагонного поселка и организовать вывоз мусора и канализационных стоков. В некоторых вагонах местные умельцы организовали даже нечто вроде центрального отопления, установив общий котел и по трубам подавая тепло в «купе» - квартиры [18].

Жилищные условия жителей ряда городов Поволжья хорошо иллюстрирует таблица №1. В среднем на одну квартиру в приходилось по 5-6 человек. Процент квартир оснащенный водопроводом не превышал 27,4%, в среднем только 1/5 квартир имели водопровод, 1/6 квартир были оснащены центральным отоплением. В тоже время 77% жителей живущих в квартирах пользовались электричеством.

Таблица 1 – Характеристика квартир ряда городов Поволжья 1918-1920 гг. [19].

Города	Число жителей	Число квартир	Квартиры в подвальной этаже	Квартиры в полу-подвальном этаже	% жителей живущих в квартирах		
					С водопроводом	С центральным отоплением	С электричеством
Симбирск	77118	12485	252	114	26,8	28,4	60,9
Вольск	33590	7121	26	19	10,8	7,5	83,1
Покровск	29022	5945	4	14		22,8	89,8
Балашов	22745	3857	28	19	27,4	7,8	74,9

Таким образом, жилищные условия рабочих Поволжья существенно улучшить не удалось. Обеспеченность рабочих квартирами отставала от всероссийской нормы. Не имея сколько-нибудь приемлемых условий для отдыха, рабочие не могли восстановиться после трудового дня, что сказывалось на производительности труда и отражалось на самочувствии рабочих, что в свою очередь, несомненно, находило отражение в трудовых конфликтах.

В тоже время надо признать, что власти не забывали о своей социальной опоре – рабочем классе, для которого существовали льготные очереди на получения жилья, минимальная ставка по оплате жилья, тем самым во многом жилищная политика использовалась советской властью как средство управления людьми, как средство воздействия на трудящихся.

Примечания

1. Ильинский В. Квартирное довольствие персонала цензовой промышленности СССР в 1923—1927 гг. // Статистическое обозрение. - М., 1928. - С. 49.
2. Вестник местного самоуправления Комиссариата внутренних дел. 1918. №1. С.13.
3. Ленин, В. И. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) / В. И. Ленин. - М. - ПСС - Т.38. - С. 445.
4. ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 474. Л.169 Об.
5. Бравина М.А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны (1917 – 1922 гг.). Дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. - Чебоксары – 2008. – С.54.
6. Весь Симбирск. Справочник. - Симбирск, 1923. - С. 9.
7. Рогач А.А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья 1918-1920 гг. Дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. – Самара, 2009. – С. 46.
8. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920/1930 годы. – Санкт-Петербург, 1999. – С.182.
9. ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 73, л 1-66.
10. Наш край. 1922. № 2-3. С. 25.
11. Бравина М.А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны (1917 – 1922 гг.). дис. канд. ист. наук. Чебоксары – 2008. – С.87.
12. Черных, А. И. Жилищный передел. Полигика 20-х гг. в сфере жилья/А. И. Черных // Социологические исследования. - 1995.- № 10.— С. 73.
13. «Призыв к труду».- 1921. - 9 февраля.
14. Алексеев, В. Н. Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в губернии / В. Н. Алексеев. - Ульяновск, 1927; Весь Симбирск. Справочник. - Симбирск, 1923.
15. Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. – Москва, 2007. – С.162.
16. Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ). Ф.5. Оп.1. Д.2615. Л.14 Об.
17. Туть – микрорайон в южной части города Ульяновска. Название получил в XVII в., когда здесь по указу царя Алексея Михайловича заложили тутовый сад. Предполагалось использовать его для разведения гусениц шелкопряда и производства натурального шёлка. Тутовый сад просуществовал недолго, от морозов он погиб. Позднее, в начале XIX века, на месте сада стали отводить земельные участки инвалидам войн и солдатам, так возникла слобода, которая в память о тутовых садах стала называться Туть. (Ульяновская-Симбирская энциклопедия», т. 2, стр. 347).
18. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р-634, оп. I, д. 25, л. 1(об.). Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 20-е годы. – Пенза, 1998. - С.172.
19. Статистический ежегодник 1918-1920 гг. - Вып. 2. - М., 1922. – С.326-327.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА УНИЧТОЖЕНИЯ РЕЛИГИИ В СССР

Атеистическая или как она еще называлась «научно-просветительская пропаганда» в СССР с конца 50-х гг. XX в. приняла необычайно широкий размах.

Во исполнение постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», на местах предусматривалось: организация кинофестивалей научно-атеистических фильмов, составление репертуара для кружков художественной самодеятельности и агитбригад на тему: «Тому Бог не нужен, кто с наукой дружен», организацию в каждом краеведческом музее «уголка научного атеизма» и т. д.[1].

С 1962г. атеистическая пропаганда проходила под эгидой общества «Знание», которое систематически организовывало антирелигиозные лекции. Подбор лекторов не свидетельствовал об их высоком научном уровне. Например, в Пензенской области на ниве атеизма особенно отличилась кафедра строительных материалов местного инженерно-строительного института [2]. Однако, отчеты о прочитанных лекциях лились потоками[3]. Вот только лекторы предпочитали читать в черте города Пензы и в близлежащих пунктах, а не там где хотела партия.[4]

«Звездой» атеистической пропаганды в Пензенской области, бесспорно, был т. Болтовский. Но и с ним случались курьезы, как доносил «секретный агент» Фролов: «В клубе метизного завода по окончании бесплатного просмотра кино должен был выступать на антипасхальную тему лектор т. Болтовский, но люди все ушли, выступление Болтовского и конференция были сорваны»[5]. Содержание атеистических лекций было достаточно примитивным и было рассчитано не столько на убеждение, сколько на внушение. Женщинам внушалось, что «основа учения» о неполноценности женщины и необходимости ее подчинения мужчине обосновано библией»[6], но не беда, ведь «всегда с труженицей рядом был заботливый друг и учитель – коммунистическая партия»[7]. Врачам внушалось другое: «Церковники всегда покровительствуют знахарям, гадалкам и прочим, так как их деятельность на руку им»[8]. И так каждой категории населения. Особенно популярным было обращение к ленинскому наследию: «С именем Ленин связаны не только революционные социально-экономические изменения в нашей стране, но и глубочайшие изменения в культуре, в сознании народа. Они коренным образом изменили отношения широких масс к религии и церкви. Поэтому мы говорим о ленинском этапе в развитии научного атеизма»[9].

Новые гонения, организованные партией против РПЦ на местах имели многообразные формы:

1) Конфискация денежных средств[10] яркий пример, действие судьи Свищевского района Пензенской области Буева, принявшего 15 апреля 1956г., решение взыскать со священника Плетневской церкви Г.Д. Охотникова, в пользу Свищевской сберкассы 5112 руб., якобы незаконно им полученный по наследству от священника Уварова [11]. Деньги же принадлежали церкви, но хранились на личном счету священника, чтобы избежать грабительского налогообложения.

2) Слом церковных помещений и категорический запрет их ремонта и обновления[12]. Так, на секретном заседании совета по делам РПЦ при Совмине СССР 19-21 марта 1957г., по представлению И.И. Иванова и с полного одобрения гг. Капитонова, Катунина, Матюхи, Авласенко, Трушина, Федорова, Абарыкова, Ножкина, Г. Семенова, Рогачева, Б. Семенова, Спиридонова, Карпова, Усанова, Алимова, постановили снимать с регистрации религиозные общины, которые не имеют зданий для молитвенных целей или длительное время не совершают религиозных служб[13]. Там же было отмечено: «В нашей стране религия не имеет будущего».

3) Изъятие литературы из библиотек религиозных объединений[14].

4) Лишение религиозных объединений права владеть собственностью, т.е., по сути дела, прав юридического лица [15].

5) Увеличение налогов на церковную утварь[16]. Так, налог на свечи был увеличен в 1959 году на 9900 %[17].

6) Вытеснение православных обрядов новыми гражданскими, а по сути дела неязыческими. Председатель совета по делам РПЦ при Совмине СССР В. Куроедов в секретной инструкции своим уполномоченным прямо рекомендовал: «Вопрос о предотвращении распространения религиозной обрядности, в особенности среди детей и подростков, должен привлечь серьезное внимание всех уполномоченных совета, местных советских органов, общественности. Решать эту задачу следует, прежде всего, путем усиления научно-атеистической пропаганды, воспитания людей, а также созданием, распространением и пропагандой новых гражданских обрядов, связанных с рождением ребенка, бракосочетанием и других, которые бы своей красочностью, эмоциональностью вытеснили бы религиозные обряды»[18].

7) Запрет на публикацию материалов о состоянии РПЦ[19].

8) Ограничение на совершение религиозных обрядов[20], теперь, крещение детей стало возможным только по справкам местного сельсовета, а им просто запрещалось давать такие справки. Например, исполком Пензенского областного (сельского) совета депутатов трудящихся своим указанием № 74 сл. от 11 июня 1963г. обязал Городищенский райисполком «категорически запретить сельсоветам выдавать справки или заверять какие-либо заявления граждан, связанных с совершением религиозных обрядов»[21].

9) Строжайший контроль над любыми сферами деятельности РПЦ и за ее внутренним состоянием[22].

10) Усиление атеистической пропаганды, которая порою превращалась в прямые оскорбления и унижения верующих граждан[23].

21 февраля 1960г. был уволен с поста Председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов, при котором в военные и послевоенные годы происходило массовое открытие православных приходов. Его приемником стал В.А. Куроедов. Впоследствии, в декабре 1965г., новое учреждение, которое возглавил В.А. Куроедов, получило наименование «совет по делам религий при совете министров СССР».

Происходили перемены и в составе высших органов церковного управления. 21 июня 1960г. митрополита Крутицкого и Коломенского Николая в должности председателя отдела внешних церковных сношений сменил архимандрит Никодим (Ротов), возведенный в сан епископа Подольского. 19 сентября 1960г. Священный Синод уволил митрополита Николая на покой. На Крутицкую кафедру был переведен из Ленинграда митрополит Питирим (Свиридов), а на Ленинградскую был назначен митрополит Минский и Белорусский – Гурий (Егоров).

В Кировской епархии из 75 православных приходов, существовавших в 1959г., к 1964г. осталось всего 35; 7 деревянных церквей было разобрано, одна каменная, в епархиальном городе, взорвана; в остальных 32-х – богослужебные книги и иконы были сожжены, сами храмы разорены дотла. В Московской епархии с 1959 по 1963 гг. закрыто было более половины церквей. В Москве летом 1964г. впервые за послевоенное время был разрушен храм – Малого Преображения, в котором еще недавно совершал богослужение митрополит Крутицкий Николай. Особенно тяжело пострадали Белоруссия, Украина, Молдавия. В Днепропетровской и Запорожской епархии в 1959г. было 285 приходов, а к 1961г. осталось всего 49. В Киеве у Церкви отнят был Андреевский собор. Всего по стране во время хрущевских гонений была закрыта почти половина приходов. В 1959г. Русская Православная Церковь насчитывала около 14 тысяч приходов, в 1961г. число приходов сократилось до 8 тысяч (к 1966г. сохранилось 7523 прихода).

Соответственно уменьшилось и число служащих священников и диаконов. К 1961г. осталось лишь 8252 священника и 809 диаконов; к 1967г. – 6694 священника и 653 диакона. Сокращался прием в духовные семинарии. В конце концов, 5 семинарий: Ставропольская, Саратовская, Киевская, Луцкая, Жировицкая – были закрыты. В 1959г. Русская Православная Церковь, имела 47 монастырей, а к середине 1960-х гг. осталось только 16; число монашествующих сократилось к этому времени с 3 тысяч до примерно полутора тысяч[24]. В эти годы сократилось и число епископов Русской Православной Церкви; многими епархиями стали управлять архиереи, занимавшие соседние кафедры. Эта участь постигла Новгородскую, Ульяновскую, Днепропетровскую, Сумскую, Донецкую епархии.

Решительное отличие хрущевских гонений от тех, которые обрушивались на Церковь в 20-е и 30-е гг., заключалось, однако, в том, что они прошли без кровопролития. Под суд было отдано, несколько священнослужителей, которые обвинялись, как правило, в преступлениях, связанных с неуплатой или недоплатой налогов.

За время гонений, в соответствии с постановлением Совмина СССР от 16 марта 1961г. при каждом райгорисполкоме были образованы районные и городские комиссии по контролю за выполнением законов о культах, которые возглавляются заместителями председателя или секретарями райисполкомов. В результате их деятельности в стране закрылись сотни церквей, были в основном ликвидированы незарегистрированные религиозные группы, было запрещено паломничество верующих к святым местам.

Все вопросы финансово-хозяйственной деятельности в религиозных общинах были переданы исполнительным органам верующих – «двадцаткам». В результате духовенство было полностью отстранено от этой деятельности церквей и занималось только отправлением обрядов. Даже назначение священников производилось только с письменного согласия «двадцаток». Все обряды строго фиксировались, чтобы крестить ребенка, необходима была явка обоих родителей и их росписи в специальном журнале[25].

Основанием для образования религиозных организаций являлось заявление представленное не менее чем 20 верующими в совет по делам Русской Православной Церкви или в совет по делам религиозных культов при Совмине СССР, а также их уполномоченным[26]. Заявление должны подписать только:

- совершеннолетние (достигшие возраста 18 лет) граждане;
- граждане одного и того же культа;
- граждане не лишенные по суду избирательных прав;
- граждане, не опороченные перед судом (не имеющие судимость);
- из числа местных жителей.

Также должны были быть соблюдены определенные требования:

- отсутствие в районе других действующих церквей;
- здание, подлежащее использованию в религиозных целях не должно быть в аварийном состоянии[27].

При выполнении всех вышеперечисленных условий совет по делам Русской Православной Церкви или совет по делам религиозных культов при Совмине СССР давал разрешение на открытие религиозной организации, которое должно было быть одобрено Советом Министров СССР. После этого религиозное объединение должно было зарегистрироваться в органе государственной власти. При открытии религиозной организации на нее составлялась учетная карточка[28].

Граждане, подписавшие заявление, если зданием для религиозных обрядов являлась церковь либо иное сооружение, находящееся в собственности государства заключали договор с исполнительным комитетом районного совета депутатов трудящихся о передачи им в бессрочное, бесплатное пользование здания и богослужебных предметов[29].

Исполком мог расторгнуть этот договор:

- а) если верующие сами отказывались от него;
- б) если религиозное общество не соблюдало условия договора;
- в) если решено было закрыть молитвенное здание[30].

В случае если данное здание являлось частновладельческим, необходимо было заключить договор аренды с владельцем[31]. Не допускалось проведение различных религиозных обрядов и молений в домах самими жителями, за это граждане могли быть привлечены к уголовной ответственности[32].

Весь процесс образования религиозной организации занимал и так немало времени, но он мог быть еще, и заторможен, например, пока в здании хранился хлеб, оно не могло быть освобождено до тех пор, пока все зерно не вывезут, а поскольку власти не нуждались в молении, то это могло произойти не скоро[33].

В связи с антирелигиозной деятельностью процесс закрытия религиозной организации происходил более простым способом, достаточно было наличие определенных условий или даже одного, для того чтобы совет по делам РПЦ или совет по делам религиозных культов постановил разрешить уполномоченному совету снять с регистрации религиозную организацию, а Совет Министров СССР одобрил данное постановление. Такими условиями могли быть:

- аварийное состояние здания;
- снижение числа верующих;
- образование второй церкви в данном районе;
- отсутствие помещений для молитвенных целей;
- снижение посещаемости верующими религиозных мероприятий;
- распад общины[34].

Все большую роль в борьбе с религиозными верованиями стала играть советская интеллигенция. Только лекторами всесоюзного общества «Знание» за 1962г. было прочитано 607 тыс. лекций и докладов на естественнонаучные темы. На экраны страны было выпущено несколько антирелигиозных фильмов, однако, имеющих незначительный успех у зрителей.

В 1960г. властям впервые после Отечественной войны удалось закрыть церкви. При этом следует отметить, что закрытие молитвенных зданий было произведено путем длительной подготовки ряда мероприятий, осуществляющихся на протяжении двух предшествующих лет. В результате такой подготовки, власть часто не имела никаких протестов со стороны населения и верующих.

Запрещение коммерческой деятельности в церквях также серьезно ослабило позицию церквей и облегчило идеологическую борьбу с ними. На местах было полностью ликвидировано паломничество к «Святым родникам». Тем не менее, в борьбе с «религиозными пережитками» были достигнуты еще первые скромные результаты[35].

Особую тревогу у коммунистов вызывало следующее: в РСФСР в 1962г. было совершено 615 тыс. обрядов крещения, в которых приняло участие в качестве «крестных» отцов и матерей около 1,2 млн. молодежи. Вместе с родителями это составило армию в 2,5 млн. чел. Ритуал крещения требует, чтобы восприемники держали свечи, произносили молитву «Верую во единого Бога отца...», прикладывались к кресту, при миропомазании говорили «аминь» и т. д.

Своим союзником в борьбе за души детей Церковь брала родителей, религиозную семью. Духовенство требовало от них воспитывать детей в религиозном духе с младенческого возраста.

Так чего же стоило утверждение, что Церковь являлась тогда только уделом стариков и старух!

С ужасом руководство КПСС отмечало и следующие факты: В Нововолынском районе Волынской области группа партийных и советских работников, возглавляемая секретарем райисполкома т. Спиридоновым и лектором горкома партии т. Печинским приехала на автомашинах в с. Павловку, взломала запоры недействующей церкви, разрушила иконостас и вывезла культовое имущество. В ответ на такие действия до 200 верующих, проживающих в Павловке и соседнем селе Клопочин оставили работу и бросились к церкви, в толпе раздавались угрозы по адресу местных властей, выкрики антисоветского и националистического характера, верующие принесли в церковь иконы из домов, зажгли свечи и в течение двух недель днем и ночью совершали моления.

Церковь не безропотно подчинилась новому давлению государства. Нашлись «герои своего времени», вставшие на защиту справедливости. Среди них архиепископ Пензенский Феодосий (Дмитрий Михайлович Погорский).

22 марта 1960г. Он был определен на Пензенскую кафедру и сыграл важнейшую роль в противостоянии государству.

В 1960г. уполномоченный совета по делам РПЦ при Совмине СССР по Пензенской области С.С. Попов дал характеристику епископу Феодосию, свидетельствующую о том, что с самых первых дней епископ взялся за наведение порядка в епархии: «С апреля 1960г. Пензенскую епархию возглавляет новый епископ Феодосий. За время, нахождения в Пензе Феодосий проявил себя как активный церковник, стремящийся всеми мерами укрепить положение и состояние церквей в области.

Епископ Феодосий предписывал духовенству церквей произносить проповеди на каждой службе... Произносимые проповеди касались религиозной тематики. Тем не менее, проповедничество духовенства следует рассматривать как одну из форм религиозной агитации, имеющей цель укрепить религиозные чувства верующих»[36].

29 мая 1962г. Пензенский облисполком возбудил ходатайство перед советом по делам РПЦ об упразднении епархиального управления в Пензе. Обоснованием для этого служило следующее: «Принимая во внимание, что количественный состав действующих церквей в Пензенской области и Мордовской АССР за последние годы значительно сократился, а также учитывая ту активность, которую проявляет Феодосий в укреплении церквей, в областных партийно-советских органах по-прежнему придерживаются мнения о целесообразности упразднения Пензенского епархиального управления»[37].

Однако Феодосий и далее принимал активное участие в проводимых богослужениях в церквях. В кафедральном соборе Пензы Феодосий в 1963г.

лично проводил все службы в воскресные дни и в дни религиозных праздников, выступая каждый раз с проповедями перед верующими.

Не ограничиваясь личным участием в богослужениях в церквях Пензы, Феодосий участил свои выезды для проведения богослужений в церквях области. Он провел богослужения в городских церквях Кузнецка, Сердобска, в селах: Козлятском, Малой Ижморе, Вадинске, Новых Пичурах, Нижне-Аблязове[38].

В своей деятельности архиепископ Феодосий стремился показать духовенству личный пример верного служителя Православной Церкви. Он сдержанно вел себя в быту, стремился быть бессребреником, совершал частые поездки по подчиненным ему приходам. Он полностью был солидарен с содержанием известных писем священников Эшлимана и Якунина, но расходился с ними только в методах разрешения этих вопросов. Не случайно, поэтому он обращался к патриарху Алексию с прошением о помиловании Эшлимана и Якунина.

30 июля 1968г. архиепископа Феодосия перевели в Ивановскую епархию.

Если взять типичную российскую область – Пензенскую, то за время гонений в ней продолжало креститься 49%-51% новорожденных, отпеваться около 80% умерших и венчаться больше 10%, вступивших в брак[39].

Росли и доходы Церкви, хотя значительную их часть «съедал» фонд мира. Причем особенно тяжел этот гнет был в РСФСР, так в маленькой Пензенской области в 1968г. церкви пожертвовали в этот фонд 50 тыс. руб.[40], а в Минской (вместе с г. Минском) – 35,3 тыс. руб.[41].

Верующие встречались и среди строителей коммунизма. В 1965г. в Пензенской области участвовали в совершении обрядов 46 членов КПСС и 58 комсомольцев[42].

Даже государственные и партийные функционеры, пытаясь скрыть от центра положение с религиозностью в их регионах, подавали заниженные данные в отчетах и исправляли их задним числом[43].

За время гонений всего по Пензенской епархии были перерывы в службе в 9 церквях. В остальных храмах епархии богослужение совершалось непрерывно. По имеющимся данным, количество молящихся, посетивших все храмы епархии за 1965г. по сравнению с прошлым годом несколько не изменилось. Количество исповедников и причастников составило за год 370 тыс. чел. против 291 тыс. чел. в прошлом году.

На рубеже 50-х и 60-х гг., одновременно с резким ухудшением положения, в котором жила и исполняла свою миссию Русская Православная Церковь, более интенсивными стали её контакты с зарубежным христианским миром. Получилось у РПЦ наладить и более теплые отношения с другими конфессиями России. При этом в полной чистоте была сохранена вся православная догматика, никакого реформирования РПЦ не произошло. И, наконец, последнее, во многом благодаря РПЦ и ее руководству России удалось сохраниться как нации.

Христианин не должен был гнушаться жизнью окружающего мира. Церковь призвала своих чад к активному участию в общественной жизни, которое должно быть основано на принципах христианской нравственности.

Во время хрущевских гонений число верующих в стране не уменьшалось, часть скрывала свою принадлежность к религии, а большинство продолжали посещать храмы и участвовать в обрядах[44].

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.р.2357. Оп.1. Д.79. Л.10.
2. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.1. Д.117. Л. 44.
3. ГАПО. Ф.р.2584. Оп.1. Д.69. ЛЛ.1-75; Ф.р.2535. Оп.1. Д.131. ЛЛ.1-20.
4. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.1. Д.131. Л.1.
5. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.44. ЛЛ.5-6.
6. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.3. Д.109. Л.4.
7. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.3. Д.109. Л.2.
8. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.3. Д.131. Л.36.
9. ГАПО. Ф.р.2535. Оп.3. Д.177. Л.3.
10. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Ед. хр. 27.
11. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Ед. хр. 27. Л.41.
12. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Ед. хр. 27. Л.46; Ф.р.2391. Оп.1. Ед. хр.15. ЛЛ. 30-172; Ед. хр.18. Л.148.
13. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.13. Л.2.
14. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.13. Л.38.
15. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.26. Л.27.
16. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.26. ЛЛ.65-66.
17. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.26. Л.88.
18. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.26. Л.25.
19. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Ед. хр. 17. Л.3.
20. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Ед. хр. 27. Л.31.
21. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.40. Л.134.
22. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.43. Л.1.
23. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.41. ЛЛ.1-66.
24. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.40. ЛЛ.131-166; Ф.р.2391. Оп.1. Д.17. Л.90.
25. См.: Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917 – 1990. М., 1994. С. 160.
26. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.49. ЛЛ.1-2, 22-23.
27. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.34. Л.54.
28. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.30, 31, 32, 39.
29. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.35. Л.12.
30. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.32. Л.7.
31. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.34. ЛЛ.54-61.
32. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.36. Л.12.
33. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.34. Л.14.
34. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.33. Л.5.
35. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.29, 30, 33, 34.
36. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.18. Л.183.
37. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.16. ЛЛ.249-252.
38. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.18. ЛЛ.253, 268.
39. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.18. ЛЛ.267.

40. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.42. ЛЛ.110-116; Д.45. ЛЛ.37-43; Д.46. Л.6; Д.48. ЛЛ. 20-24; Д.49. Л.13; Д.51. ЛЛ.1, 10б., 10, 22; Д.52. Л.232; Д.53. Л.11; Д.65. Л.224; Ф.р.2391. Оп.1. Д.4. ЛЛ.67-68.
41. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.58. Л.6.
42. ГАПО. Ф.р.2391. Оп.1. Д.22. Л.26.
43. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.49. Л.10.
44. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.48. ЛЛ. 20-24; Д.49. Л.13; Д.52. Л.232
45. ГАПО. Ф.р.2392. Оп.1. Д.54. ЛЛ.3-61; Д.57. Л.59; Д.58. ЛЛ.8-13; Д.59. Л.2; Д.62. Л.10.

*Кистанов С. В., Мухадинов В.Р.
(г. Саранск, МГУ)*

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

На рубеже XIX – XX вв. Российская империя переживала революционный подъем, вылившийся в три революции и завершившийся сменой социально-экономической модели развития общества. Политический кризис и, как следствие, разрастание общественно-политического конфликта всё больше давали о себе знать. Хотя не всегда кризис приводит к конфликту, рассматриваемый период в жизни российского государства с его комплексом, прежде всего, общественно-политических противоречий говорит о том, что здесь вырисовывается ситуация, когда конфликт возымел действие. Под политическим кризисом мы понимаем глубокое расстройство политической системы, нарушение ее нормального функционирования, заключающееся в том, что значительная часть граждан отказывает управляющей политической организации в своей поддержке, так или иначе выражает несогласие с осуществляемой в стране политикой, проявляет недовольство ею и тем самым не позволяет политической системе успешно осуществлять свои функции. В отличие от политического кризиса общественно-политический конфликт есть

одна из форм выражения политического кризиса, состоящая в открытом выступлении масс против политической организации и её политики. В начале XX века такое открытое выступление имело место, в первую очередь, в виде первой русской революции.

Причины, порождающие общественно-политический конфликт, состав его участников, а также цели, которые преследуют те, кто выступает против политики в целом или ее отдельных аспектов, применяемые массами средства дают общую картину общественно-политического конфликта и его перспектив: перерастание в восстание и революцию или переход в реакцию и контрреволюцию.

Революционный подъем обозначенного периода был вызван складыванием целого комплекса объективных и субъективных причин, отсутствие механизмов решения которых привело к революционному взрыву. К нерешенному аграрному, рабочему и национальному вопросам, экономическому кризису 1900-1903 гг., неудачному ходу русско-японской войны 1904-1905 гг. следует добавить и целенаправленную деятельность политических организаций, стремившихся в этот период расширить свою социальную базу, расшатать внутривластное положение в стране и одержать победу в противостоянии «власть-оппозиция». Одним из действенных способов оказать влияние на население Российской империи стало массовое распространение революционными политическими организациями нелегальной литературы, прежде всего, прокламаций и газет.

Последнее десятилетие XIX в. Пензенская губерния считалась достаточно спокойным регионом Российской империи. После деятельности представителей народнических групп в 1870-х гг. здесь наступает некоторое затишье. Одним из свидетельств этого является минимум литературы революционного направления обнаруживаемой или просто фиксируемой канцелярией пензенского губернатора или пензенского губернского жандармского управления. Так, дела, хранящиеся в фонде 5 Государственного архива Пензенской области (канцелярия пензенского губернатора) периода 1890-1900 гг. посвященные переписке о появлении в Пензенской губернии революционных прокламаций очень небольшие. Так, дело 6502 («Переписка о прокламациях появившихся в губернии за 1892 г.») содержит в себе лишь 27 листов, дело 6580 (1893 г.) - 5 листов, дело 6645 (1894 г.) – 3 листа, дело 6767 (1895 г.) – 10 листов, дело 6796 (1896 г.) – 11. Далее следует пробел в 3 года в течение которого наличие революционных прокламаций в губернии не фиксируется. Дело 7186 (1900 г.) состоит из 18 листов, а уже следующее дело по революционной печати (7278 за 1900-1901 гг.) содержит в себе 138 листов. В дальнейшем объемы переписки по обнаружению революционных печатных изданий в Пензенской губернии будет только увеличиваться, достигая 500 и больше страниц в период первой российской революции.

Ситуация изменилась с 1900-1901 гг. Распространение нелегальных печатных изданий революционных политических организаций начинает резко увеличиваться. Этот факт был напрямую связан с формированием

революционных политических партий как таковых. Для Пензенской губернии это были партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов.

С середины 90-х гг. XIX в. народнические организации, как правило, принимали наименование «социалистов-революционеров», подчёркивая этим родство с народниками 70-х гг., называвших себя социалистами и революционерами. Оживление общественно-политической жизни в стране способствовало активизации групп, образовавшихся из осколков «Народной воли». В 1902 г. в процессе объединения различных неонароднических кружков левого направления сложилась партия социалистов-революционеров. Становление партии социал-демократической направленности началось ещё в конце XIX века, когда в Санкт-Петербурге и других городах стали возникать марксистские кружки. Фактическое создание партии произошло на II съезде, где присутствовало 43 делегата от 26 местных организаций в июле 1903 г. в Брюсселе – Лондоне.

Формирование партийных структур вызывало активизацию их агитационной работы. Представители революционных политических партий, несомненно, стремились показать свое появление, оповестить о своем присутствии как можно большее количество людей, и именно эти обстоятельства стали причиной появления многочисленного печатного материала в пределах Пензенской губернии начиная с 1900 г.

Первоначально распространение нелегальной революционной печати (прежде всего прокламаций) не имело конкретного адресата. В 1900 г. прокламации, листовки и газеты приходили на адреса совершенно случайным людям. Ни о какой целенаправленной агитации мы пока говорить здесь не можем. Но, самым главным, является тот факт, что печатные издания этого периода не имели местной «прописки», они пересылались зачастую из достаточно отдаленных уголков Российской империи.

23 ноября 1900 г. саловский волостной старшина, получая в Пензе почтовую корреспонденцию, в числе прочих бумаг обнаружил письмо, адресованное в волостное правление, в котором содержалась прокламация преступного содержания. На конверте был наложен штемпель одесской почтовой конторы. 27 ноября 1900 г. член краснослободской земской управы Андреев передал краснослободскому уездному исправнику полученный из Одессы в конверте листок «возмутительного содержания против особы императора Николая II». 30 ноября 1900 г. виршиским и городищенскими волостными старшинами были доставлены земскому начальнику 2 письма социалистического содержания, присланные из Одессы. Пензенский губернатор, допуская, что подобного рода письма могли быть разосланы и по другим волостям, приказал волостным старшинам тщательно следить за корреспонденцией и, по обнаружению подобных писем, немедленно предоставлять их себе [1, л. 2, 3, 10]. Следует отметить, что нелегальная политическая печать революционных партий пока не играла особой роли в жизни пензенского края.

Ситуация начинает резко меняться в 1901-1902 гг. Количество нелегальных печатных изданий, особенно эсеровской, увеличивается. Всплеск в распространении революционных брошюр и прокламаций в Пензе пришелся на

апрель 1901 г. Представители революционных политических групп, понимая силу печатного слова, принимаются распространять пропагандистский материал в местах наибольшего скопления людей.

Когда 10 апреля 1901 г. ночью на улицах Пензы были разбросаны многочисленные прокламации с воззваниями студентов по поводу беспорядков, произошедших в Санкт-Петербурге, Москве и Харькове, пензенский полицмейстер особо отметил в рапорте губернатору, что они были преимущественно разбросаны около фабрик и мест скопления рабочих. Популярностью у распространителей революционной печати также пользовались магазины и мелочные лавки, откуда прокламации расходились на заводы и в учебные заведения [2].

Распространение нелегальной политической литературы в Пензе привело к всплеску протеста местной молодежи. Департаментом полиции были получены сведения, что около 8 часов вечера 12 апреля 1901 г. в городском сквере г. Пензы собралось большое количество молодежи, предполагавшей выразить протест властям и демонстративно возложить венок около памятника Лермонтову.

Таким образом, следует отметить, что в 1901 г. революционная печать начинает играть заметную роль в общественно-политической жизни Пензенской губернии. Распространение нелегальных печатных изданий начало находить отклик у населения.

В 1902 г. сформировалась пензенская организация партии социалистов-революционеров. Появление центрального координирующего органа усилило активные антиправительственные действия местных революционных элементов. При губернской организации партии эсеров была создана своя типография, которая принялась наводнять губернию нелегальными печатными материалами. Типография размещалась на конспиративной квартире присяжного поверенного Бориса Тарасова. Издания пензенской организации эсеров распространялись не только в пределах своей губернии, но и шли за ее пределы, прежде всего в Саратов. Полиции даже стало известно, что «мощности» пензенской типографии предполагалось использовать для печатания партийной газеты «Революционная Россия», для чего из-за границы предполагалось перевести оборудование и прислать людей [3].

Пензенская эсеровская типография была разгромлена жандармами в ночь на 28 августа 1902 г. При обыске было обнаружено 15 пудов чистой заготовленной газетной бумаги, около 5 пудов шрифта частью уже находившегося в готовых наборах, усовершенствованный ручной типографский станок с находившимся в нем набором брошюры «О податях и налогах», бочонок типографской краски наполовину израсходованный, инструменты и другие принадлежности типографии. Кроме этого было изъято 300 брошюр «О податях и налогах», а также многочисленные нелегальные печатные издания (брошюры с печатью ПСР, журналы и газеты), причем на одной из брошюр находилось подложный штамп о дозволении цензурой к печати [3].

Большую роль нелегальная эсеровская печать сыграла в деятельности первых эсеровских групп возникших в конце 1902 – начале 1903 гг. в уездах Пензенской губернии, ныне входящих в состав Республики Мордовия.

Группы, возникшие в с. Куликовка Инсарского уезда и в с. Любятино Саранского уезда занимались в основном распространением нелегальной печатной продукции. Куликовские эсеры распространяли брошюры на территории современных Инсарского и Старошайговского района с декабря 1902 по март 1903 гг. Под воздействием агитации (прежде всего печатной) 19 января 1903 г. на мукомольной мельнице в с. Куликовка произошла забастовка [4]. Любятинские эсеры получали печатную продукцию непосредственно из Пензы. На окраине села в овраге Михаилом Силантьевым и его единомышленниками собирались сходки, где с крестьянами проводились беседы политического характера, читалась эсеровская литература [5].

Пик распространения нелегальной печати представителями революционных политических партий в Пензенской губернии пришелся на 1903 г. Об этом наглядно свидетельствует даже 7714 дело фонда 5 Государственного архива Пензенской области – оно самое толстое из всех, содержащих информацию о борьбе властей с революционной агитацией до периода революции 1905-1907 гг.

Обращает на себя внимание тот факт, что большое количество эсеровской литературы разбрасывалось по дорогам, а также вблизи железнодорожных путей. Так, брошюры и прокламации были обнаружены 18 апреля на станции Ардым, 18 и 28 июня на платформе станции Рузаевка, 4 сентября 3 брошюры были обнаружены на станции Саранск [6]. Несколько раз местом для распространения нелегальной литературы служила базарная площадь в Пензе, откуда эсеровская печать распространялась по всей губернии [4]. За весь год властям лишь раз улыбнулась удача – распространители запрещенных прокламаций удалось задержать в ночь с 17 на 18 апреля в Пензе. Участвовавшие в задержании нижние чины полиции и ночные сторожа были поощрены благодарностями от имени пензенского губернатора [7].

Массированное распространение нелегальной печатной продукции привело к желаемому революционерами эффекту – крестьяне поднялись на борьбу против властей и помещиков. В 1903 г. способом такой борьбы стали поджоги лояльных властям жителей и представителей местной администрации. Масштабы этого способа были столь серьезными, что вызвали в августе панику среди землевладельцев, заставляя их переселяться в города.

Пензенский уездный исправник констатировал, что «с января по сентябрь 1903 г. в имениях, находящихся в Пензенском уезде, произошел ряд пожаров. Поджоги, есть основание, производятся из мести владельцам, но при этом нельзя отрицать и влияния подпольной противоправительственной агитации. Брошюры и прокламации преступного содержания открыто разбрасывались по Загоскинской и Чернцовской волостям. Крестьяне с жадностью читали прокламации, и присутствие их упорно скрывали от полиции. Не представляется возможным добыть свидетельские показания против тех крестьян, которые подозреваются в совершении поджогов и которые своим

бесшабашным поведением и разного рода угрозами наводят страх на население» [8]. В отчете министру внутренних дел 25 сентября 1903 г. губернатор констатировал, что «усиленная деятельность со стороны поджигателей, несомненно, вызвана влиянием антиправительственной пропаганды и брошюр, рекомендующих населению поджоги как способ борьбы в виде уничтожения крупной собственности и расширения крестьянского землевладения» [8].

Активность представителей оппозиционных политических партий вызвала активизацию деятельности силовых структур властей. В 1903 г. представителям партии социалистов-революционеров в Пензенской губернии был нанесен серьезный удар: массовые аресты и высылки подорвали силу местных организаций. Следствием этого стало значительное снижение в 1904 г. эсеровской агитации путем распространения нелегальной партийной печати. Если в январе-марте сведения о находках брошюр и прокламации идут достаточно часто, то, начиная с апреля, их становится все меньше и меньше [9].

Таким образом, печать оппозиционных политических организаций сыграла значительную роль в развертывании революционного движения в конце XIX – начале XX в. как в Российской империи в целом, так и в Пензенской губернии в частности. Печать стала первым способом для политических партий показать свое присутствие. Она оказалась способной охватить как можно большее количество населения, причем стать одновременно и средством устрашения представителей властей, напоминая им о многочисленных политических убийствах того времени. Наконец, печать стала тем средством, которое помогало небольшим группам политических партий распространять свое влияние среди крестьянства и вербовать своих сторонников. Борьба с нелегальной печатью стала первой формой борьбы власти с оппозицией на местах. С этого времени общественно-политический конфликт как форма выражения политического кризиса в виде открытого столкновения сил оппозиции, широких масс людей с представителями власти стал предметом пристального внимания политиков, стремящихся не допустить бунтов, неуправляемых восстаний и разрушительных революций. Однако с каждым годом это им удавалось всё меньше.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 5. Оп. 1. Д. 7186. Л.10.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7278. Л. 39, 49, 62.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Оп. 226. Д. 80 Л. 74-75.
4. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7414. Л. 249.
5. ЦГА РМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 12. Л. 191, 193
6. ГАРФ, ДП ОО. Оп. 230. Д. 360. Ч. 5. Л. 4, 10, 14, 24
7. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7417. Л. 56, 57.
8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7419. Л. 5-6.
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7508. Л.10.

О ВЫБОРЕ МЕЖДУ ИНФИНИТИВОМ И GERУНДИЕМ

В имеющихся грамматиках обычно приводятся списки слов, требующих употребления только герундия, только инфинитива или допускающих употребления того и другого без различий или с различиями в передаваемых ими значениях.

Фактически выбор между инфинитивом и герундием зависит от различий в их собственных значениях, которые в свою очередь зависят от их структуры и происхождения.

Так, герундий, будучи *ing*-формой, обозначает процесс, более продолжительное действие. Другой член этой оппозиции, инфинитив, соответственно выражает непроцесс, более краткое действие.

С другой стороны, инфинитив, будучи по своему происхождению существительным с предлогом *to*, используется для обозначения чего-то гипотетического, связанного с будущим, поскольку *to* является предлогом направления к определенной цели, а цели еще нужно достичь. Другой член этой оппозиции, герундий, соответственно обозначает осуществление действия и, следовательно, ассоциируется с настоящим и с прошлым.

В разговорном стиле придаточные и инфинитивы употребляются чаще, чем герундий. Однако, преимущество герундия состоит в том, что он выражает действие как процесс, в то время как инфинитив просто называет действие.

Рассмотрим несколько типичных примеров.

А. Первая оппозиция: герундий - процесс или длительное, многократное действие, инфинитив – непроцесс или краткое, однократное действие.

1. Герундий - действие длительное, инфинитив - краткое.

Try *standing* up. (Попробуй стоять.) (при выполнении какой-либо работы)

Try *to stand* up. (Попробуй встать.) (когда больному предлагают сделать усилие, чтобы встать с постели)

Выражение процесса (но без параллельного краткого действия) свойственно герундию после глаголов *keep (on), carry on, mind, finish, deny, admit, postpone, resent, suggest*.

Would you mind *joining* our club? (Не желаете присоединиться к нашему клубу?)

Значения герундия и инфинитива могут сближаться. Ср.:

Did you think of *asking* him about his motives?

Did you think *to ask* him about his motives? (Вам не приходило в голову спросить его о мотивах?)

2. Герундий - осуществленное действие, инфинитив - неудачная попытка.

He tried *driving* a car yesterday. (и у него получилось)

He tried *to drive* a car yesterday yesterday. (и у него не получилось)

Герундий - многократное, непрерывное действие; инфинитив — однократное, прерывистое или изменяющееся действие.

He *started speaking and kept on* for more than an hour. (и продолжал делать это более часа)

He *started to speak* but stopped because she objected. (но прекратил делать это, так как она была против)

Герундий связан с незавершенным процессом, а инфинитив - с завершенностью, с результатом (*в русском языке - несовершенный и совершенный вид*).

She learnt *typing* at school (училась).

She learnt *to type* at school (научилась).

Герундий - ситуация в целом, постоянная характеристика, инфинитив - единичный случай.

I hate *being ignored*. (Я не выношу, когда меня игнорируют.)

He hated *to tell* her the details of the publication. (Он был категорически против того, чтобы сообщать ей о деталях этой публикации.)

Б. Вторая оппозиция: инфинитив - планы на будущее, герундий - действие или событие, не связанное с будущим

1. Инфинитив - цель, намерение, герундий - характеристика предмета (*например, его назначение*).

We used altimeters *to measure* height above sea level. (Мы использовали альтиметр, чтобы измерить высоту над уровнем моря.)

An altimeter is used for *measuring* height above sea level. (Альтиметр используется для измерения высоты над уровнем моря.)

2. Инфинитив - действие преднамеренное, герундий - непреднамеренное, случайное, неожиданное.

He was afraid *to jump*. (Он боялся прыгать.)

He was afraid of *falling*. (Он боялся, что упадет.)

3. Инфинитив - действие преднамеренное, герундий - постоянная характеристика субъекта.

I am afraid *to cross* the road. (Я боюсь переходить дорогу.)

I am afraid of *crossing* the road. (Я всегда боюсь переходить дорогу.)

4. Инфинитив - предполагаемое, потенциальное, начинающееся действие, герундий - конкретное, уже осуществившееся или осуществляемое.

I'd like *to listen* to this band. (в разговоре)

I like *listening* to this band. (на концерте)

Соответственно глаголы типа *tell, hope, decide, expect, promise, wish* сопровождаются инфинитивом, а *approve, condemn, witness, succeed in* – герундием; существительные *courage* и *reluctance* - инфинитивом, а *bravery* и *resistance* - герундием.

5. Инфинитив - неподтвержденное подозрение, герундии - знание факта.

I sensed him *to be* a bit uncertain. (Я чувствовал, что он немного неуверен.)

I sensed his *being* uncertain. (Я чувствовал его неуверенность.)

Инфинитив - желание, герундий - положительные или отрицательные эмоции.

I would like him *to be* nice to you. (*Я хотел бы, чтобы он к тебе хорошо относился.*)

I like his *being* nice to you. (*Мне нравится, что он хорошо к тебе относится.*)

Аналогично употребляются *love*, *hate* и *prefer*. Соответственно, глаголы *enjoy*, *relish* и их антонимы *detest*, *loathe* и *dislike* сопровождаются герундиями.

Инфинитив относит действие к будущему или настоящему, а герундий - к прошлому (реже - к настоящему).

Nice *talking* to you. (Приятно было побеседовать с вами.)

Good *to hear* your voice. (Приятно слышать твой голос.)

Разная временная отнесенность инфинитива и герундия наиболее четко прослеживается при их употреблении после *remember*, *regret*, *forget*, *sorry*, *ashamed*, *sure* и *certain*.

I *remember to see* him. (*Я помню, что должен повидать его.*)

I *remember seeing* him. (*Я помню, что видел его.*)

He is sure *to win*. (Он наверняка победит – в будущем.)

He is sure of *winning*. (Он уверен в победе – сейчас.)

Инфинитив – цель действия, герундий – протекающий процесс.

I *stopped to buy* the Guardian. (*Я остановился, чтобы купить*)

I *stopped buying* the Guardian. (*Я перестал покупать*)

Инфинитив – последующее действие, герундий – протекающий процесс.
After introducing the speaker, the chairman went on to give details of the meeting.
(*Представив оратора, председатель далее изложил повестку дня собрания.*)

Go on telling me about your adventures. (*Продолжай рассказывать мне о своих приключениях.*)

Таким образом, налицо 2 вида оппозиций между герундием и инфинитивом:

А) Герундий обозначает процесс (длительное или многократное действие), а инфинитив – непроцесс (краткое или однократное действие).

Б) Инфинитив обозначает планы на будущее, а герундий – действие, не связанное с будущим.

Это различие в основных значениях инфинитива и герундия позволяет объяснить ряд частных смысловых различий между ними.

Примечания

1. G. Leech, J. Svartvik "A Communicative Grammar Of English" М., 1983.

2. Г.А. Вейхман "Новое в грамматике современного английского языка" М., 2002.

*Кузьмин А.Е.
(г. Орел, ОГИЭиТ)*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПЕЧАТИ КАК ОРУДИЯ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В СССР В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА

В 20-х годах XX века именно печать в СССР стала своеобразным полигоном борьбы сторонников Сталина с троцкистами и зиновьевцами. В самой коммунистической партии позиции генерального секретаря укреплялись посредством использования административного ресурса, политикой назначения на руководящие должности лиц, лично благодарных ему за это и в дальнейшем зависимых от него. Впоследствии эта, во многом психологическая доминанта, стала одним из главных условий формирования тоталитарного режима и укрепления личной власти И.В.Сталина.

Несмотря на то, что темами ведущейся на страницах российской прессы полемики были вопросы о возможности победы социалистической революции в одной стране, отрицания временной или частичной стабилизации капитализма, о наличии революционной ситуации в буржуазных странах Европы, экспорта революции в международном масштабе; тем не менее ни для кого не являлось секретом, что в основе этого лежала непримиримая внутривнутрипартийная борьба за власть.

Так, например, исходя из своей оценки эпохи, троцкисты пропагандировали теорию о невозможности победы социализма в нашей стране, а также теорию экспорта революции в международном масштабе. На страницах российских газет и журналов печатались не только статьи, но и резолюции собраний, ответы на вопросы читателей, письма рабочих и крестьян. В большинстве этих материалов сторонники Сталина критиковали троцкистов за отрицание международного значения успешного строительства социализма в СССР. На XV партийной конференции Троцкий повторял свой тезис: «Мы пришли слишком рано» [1].

Серьезным аргументом в этой борьбе стало манипулирование ленинским наследием. Поэтому российская печать ставила перед собой задачу – утвердить и отстоять «ленинскую» точку зрения по этим вопросам. Особенно важную роль в этом процессе в рассматриваемые годы сыграли такие издания, как газеты: «Правда», «Беднота», «Рабочая газета»; журналы: «Большевик», «Известия ЦК РКП(б)-ВКП(б)», «Деревенский коммунист», «Коммунистическая революция», «Коммунистический Интернационал» и другие.

На страницах этих изданий активно выступали такие видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, как М.И.Калинин, И.В.Сталин, А.И.Микоян, В.В.Куйбышев, Г.К.Орджоникидзе, С.И.Гусев, Е.М.Ярославский, А.А.Андреев, А.С.Бубнов. В их статьях без всякого подтекста и обоснования «раскрывалась» несостоятельность троцкизма, его

«меньшевистский» характер, объявлялась необходимость непримиримой борьбы с ним по всем вопросам революционной теории и практики.

Под влиянием зарубежной прессы, многие прогрессивные люди мира не разбирались в сущности борьбы с троцкизмом, однако искренне старались разобраться в ней. Именно такой заинтересованностью «дышит» письмо Р.Роллана к А.М.Горькому от 29 февр.1924 г., в котором автор недоумевает по поводу столь категоричных заявлений Троцкого о «дегенерации» большевизма, о его бюрократической пассивности, о «праве свободной критики», о «коллективной инициативе» и т.д.[2].

В письме ЦК РКП(б) «О программах и постановке школ политграмоты» от 30 дек.1924 г.[3] указывалось, что вопросы, освещающие внутрипартийную борьбу, должны занять видное место в программах партийных школ и кружков. Беседы на тему «О троцкизме и ленинизме» проводились в школах политграмоты, среди членов партии и беспартийных трудящихся. По инициативе сталинского руководства был издан целый ряд пособий и методических указаний, подробно освещавших вопрос о борьбе партии против троцкизма.

Только в течение первых двух месяцев 1925 года на страницах «Правды» было опубликовано около 30 статей, посвящённых критике Троцкого. Против него выступили все партийные газеты и журналы страны. Они публиковали не только статьи, но и резолюции партийных собраний, осуждающих позицию троцкистов. В издательстве «Прибой» с предисловием и под редакцией М.С.Ольминского вышел сборник «Ленин о Троцком и троцкизме».

Сталинское большинство в руководстве партии узурпировало право только себя считать твердыми и последовательными сторонниками ленинизма. Выдергивание цитат из контекста стало повседневным явлением. Достаточно прочесть материалы съездов и конференций партии того времени. Именно тогда родилось известное высказывание Троцкого: «Я борюсь против Сталина – цитатами, а он против меня – ссылками».

Большими тиражами были изданы сборники «Об уроках Октября», «Ленинизм и троцкизм», «За ленинизм против троцкизма», «За партию, за ленинизм», «Большевизм или троцкизм», а также книги и брошюры А.С.Бубнова, И.М.Варейкиса, С.И.Гусева, Э.И.Квирина, Н.К.Крупской, О.В.Куусинена, И.В.Сталина и других деятелей партии.

19 февраля 1925 года политбюро ЦК приняло специальное решение о написании биографии В.И.Ленина. Оно обратилось к Н.К.Крупской с просьбой начать эту работу. О том внимании, какое партия проявляла к ленинскому наследию в эти годы говорит и тот факт, что если в 1923 г. в РСФСР было выпущено 57 ленинских произведений и книг о В.И.Ленине, то в 1924 г. вышло в свет уже 580 таких изданий [4, с.413].

Очередным этапом внутрипартийных разногласий стала борьба с «новой оппозицией» в 1925 году. Именно в это время фракционеры пытались вырвать из-под партийного влияния периодическую печать. Одним из таких шагов являлась их попытка издания в Ленинграде теоретического органа, который должен был противостоять журналу ЦК РКП(б) «Большевик». Выпуск его был

запрещен и тогда зиновьевцы выдвинули своих сторонников на руководящие посты в ленинградских газетах. Видные работники ведущих газет Ленинграда С.Закс-Гладнев (редактор «Ленинградской правды»), Г.Сафаров, И.Наумов стали оппозиционерами.

Открытый поход на политику Сталина и его сторонников с осени 1925 г. объявила «Ленинградская правда». На её страницах помещались статьи, критикующие идеи Ленина и восхваляющие труды Зиновьева.

В день открытия XIV съезда партии, 18 декабря 1925 года, в «Ленинградской правде» была опубликована статья И.Вардина «Где главная опасность?», в которой он назвал выступления «Правды» «сплошными перепевами левых эсеров». Он писал, что социализм который пытаются построить в одной стране – «социализм» мелких собственников, мещан и чиновников». В этом же номере газеты другой её автор – Соловьёв, разбирая работу Г.Зиновьева «Ленинизм», назвал курс партии на возможность победы социализма в одной стране «национальной ограниченностью».

Троцкисты и зиновьевцы в ленинградской печати заявляли, будто бы партия не считает международный пролетариат союзником рабочего класса СССР и ориентируется только на крестьянство. Чтобы скрыть от ленинградцев материалы о работе XIV съезда партии и представить их в невыгодном свете, руководители Ленинградского губкома изымали из продажи и рассылки подписчикам центральные газеты. Ленинградская пресса информировала читателей о работе съезда в отредактированном виде, пыталась дискредитировать политику партии и вызвать недоверие к его решениям.

Для оппозиции было характерно то, что она не имела никаких деловых предложений, а боролась, по сути дела, за фракционность. Несмотря на это, реализация предложений оппозиционеров смогла бы сохранить демократичный и свободный характер обсуждения любых серьезных решений и помогла бы избежать тех огромных ошибок, допущенных при проведении индустриализации и коллективизации.

ЦК партии отстранил ответственного редактора «Ленинградской правды» С.М.Закс-Гладнева, проводившего в газете линию оппозиции. На его место был направлен И.И.Скворцов-Степанов, ставший кроме того редактором и других ленинградских газет – «Красной газеты» и «Смены». Политический вектор ленинградской печати постепенно становился просталинским. Только в августе 1926 г. в «Ленинградской правде» было помещено более 10 статей, посвящённых вопросам борьбы с оппортунизмом, в том числе статьи В.Быстрянского: «Хозяйственные трудности» (12 авг.), «Левое или правое крыло?» (15 авг.), «Является ли оппозиция фракцией» (19 авг.), «Оппозиция и меньшевизм» (21 авг.) и другие.

К середине 1926 г. оппозиция объединилась в троцкистско-зиновьевский блок, и российская печать во главе с «Правдой» стала критиковать взгляды его участников, с ещё большей энергией бороться за сталинскую линию партии. Конкретные пути успешного решения этой задачи были указаны на страницах журнала «Красная печать» [5].

Создание объединённого троцкистско-зиновьевского блока, его выступление против партии было поддержано за рубежом. «Не будем скрывать нашей радости», - писал 29 июля 1926 года эмигрантский «Руль». «Компартия развалилась, распалась на несколько враждующих между собой осколков...», писало «Новое время». «Задача всей русской демократии состоит в том, чтобы как можно скорее нанести им решительный удар», - призывали эсеровские «Дни» [6, с. 424].

Начиная с 1925 года в «Правде» появляются рубрики «Борьба за единство профдвижения» и «Борьба за англо-советский комитет единства». В опубликованных под этими рубриками статьях были подвергнуты беспощадной критике взгляды оппозиции при отсутствии глубокого конструктивного анализа. Российская печать во главе с «Правдой» принимала различные формы и методы в борьбе с оппозицией: передовые статьи, идейно-пропагандистские, теоретические (в основном в журналах), тематические полосы, подборки корреспонденции, комментарии, очерки, заметки, статьи-беседы, ответы на вопросы, политические карикатуры.

«Троцкий и Зиновьев, - говорил И.В.Сталин, - следуя теории перескакивания, пытаются перепрыгнуть через отсталость английских профсоюзов, через их реакционность, добиваясь того, чтобы мы свергли Генсовет из Москвы, без английских профсоюзных масс» [7].

«Оппозиция, - писал журнал «Большевик», - показала своим отношением к А.-Р.К., что не понимает значения и методов проведения единого фронта, без осуществления которого в настоящих условиях невозможно привлечь обманываемых реформистами рабочих на сторону СССР» [8].

Журнал «Большевик» обновил и расширил свою редакцию. Из нее были выведены Каменев и Вардин – члены «новой» и троцкистской оппозиции. В состав её влились Е.Ярославский, В.Молотов, Н.Попов.

Особый резонанс в борьбе с оппозицией проявился в обсуждении их планов «ускорения» мирового революционного процесса. Роль такого «ускорителя» троцкисты отводили новой мировой войне. Об этом, в частности, говорил Зиновьев на июльско-августовском (1927 г.) Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) [9, с. 227].

Троцкистские призывы к войне как ускорителю революции вытекали из недооценки оппозицией основных тенденций международного развития, из ошибок в определении политико-экономического положения капиталистических стран. Оппозиционеры неправильно подходили к характеристике стабилизации капитализма, утверждая, что стабилизация его окончилась и что якобы начался новый подъём революционного движения. Зиновьев, например, в своём докладе «Всеобщая забастовка в Англии и её мировое значение» утверждал: « У нас есть все основания сказать: то, что происходит сейчас, есть что угодно, только не стабилизация» [9].

Многие делегаты Конгресса Друзей СССР, проходившего в Москве в ноябре 1927 г. по случаю празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, иногда даже беспартийные рабочие, с тревогой отмечали, что «нет

более вредоносной антисоветской силы, как «разоблачения», «сенсации», идущие со стороны оппозиции» [10].

Важнейшую роль для престоалинского большинства в борьбе с оппозицией сыграли публикуемые в «Правде», начиная с 30 октября 1927 года, дискуссионные листки. Вплоть до открытия 2 декабря 1927 г. XV съезда ВКП(б) в ней было опубликовано 11 дискуссионных листов, которые имели исключительное значение в завершающейся внутрипартийной борьбе.

Используя разнообразные формы и методы, печать становилась мощной опорой зарождающемуся в стране авторитарному режиму. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что именно она в исследуемые годы была единственным и, следовательно, чрезвычайно эффективным средством массовой информации и коммуникации.

Редакторы, сотрудники редакций, журналисты, оперируя ссылками на многочисленные труды В.И.Ленина, написанные нередко по другому поводу и в другом историческом контексте, сами своими руками подрывали основы демократизма и товарищеской взаимовыручки. Немалую роль в этом процессе сыграла и растущая фашистская угроза. Обидно при этом, что люди, преисполненные гражданского мужества, прошедшие через ссылки, лагеря, поля гражданской войны, недооценили и другую не менее страшную угрозу в собственной стране – растущий и крепнущий тоталитаризм.

Примечания

1. Стенографический отчет XV конференции ВКП(б). М.-Л., 1927, с. 532.
2. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1303, оп.1, д.585, л.251.
3. Известия ЦК РКП(б). 1925, №1, с. 14-15.
4. Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. М., 1975, 622с.
5. Красная печать. 1926, №16, с. 1-2.
6. Иванов В.М., Шмелев А.Н. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л.: 1970, 503с.
7. Сталин И.В. Сочинения. М.: 1952. Т. 8, с. 182.
8. Большевик. 1927, №14, с.43-44.
9. Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М.: 1969, 294с.
10. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. I. М.: 1961, с. 689.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ОРГАНАМИ РЕПАТРИАЦИИ ПО ОТПРАВКЕ ГРАЖДАН СССР НА РОДИНУ В 1944-1945ГГ.

Большое число наших соотечественников, вынужденно оказавшихся за пределами СССР во время Великой Отечественной войны, с нетерпением ожидало часа своего возвращения на Родину, мечтало скорее вернуться к привычным условиям труда и быта, знакомому образу жизни, воссоединиться с родными и близкими. Работа по возвращению этих людей началась еще до окончания самой войны. Совет Народных Комиссаров 4 октября 1944г. принял решение об образовании специального органа – Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, на которое возлагались функции оповещения, сбора и размещения советских людей за границей и возвращения их на Родину. Несколько позже, 23 октября 1944 года, Совет Народных Комиссаров утвердил Положение об Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации и установил штаты Управления и его представителей за границей [5]. Постепенно определилась структура управления. В него вошли отделы, выполнявшие свои строго определенные функции: секретариат, политпросветотдел, отдел инспекции, отдел регистрации и учета, отдел по работе за границей, финансовый отдел, санитарный отдел, отдел по репатриации иностранных граждан из СССР, транспортный отдел и отдел трудоустройства.

Кроме Управления, репатриацией освобожденных советских и иностранных граждан занимались Военные Советы фронтов. В феврале 1945 года при Военных Советах 1 Прибалтийского, 1,2,3 Белорусских и 1,2,3 Украинских фронтов были сформированы отделы по делам репатриации, которые руководили работой непосредственно организованных в частях СПП - сборно-пересыльных пунктов для граждан СССР и ППП - приемно-передаточных пунктов для иностранцев. Были созданы заграничные отделы и группы репатриации, имевшие 249 приемно-распределительных пунктов по репатриации. В январе 1945 года правительство возложило на эти отделы и группы обязанность оказывать помощь гражданам союзных и нейтральных государств в возвращении их на родину, организовав для этого дополнительно сборные пункты и транзитные лагеря [2]. В последующем делами репатриации занимались специально образованные отделы при Советской Военной Администрации в Германии и при Союзных Контрольных Комиссиях, действовавших на территории некоторых зарубежных государств.

В феврале-марте 1945 г. отделы по репатриации были учреждены при СНК РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, Литвы, при исполкомах Советов областей, территории которых подвергались оккупации. В России, на Украине, в Белоруссии образованные отделы по репатриации

осуществляли руководство работой областных приемно-распределительных пунктов, приемом репатриированных советских граждан, их трудовым и хозяйственно-бытовым устройством, а также их материальным обеспечением и политическим воспитанием.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 4 октября 1944 г. Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации советских граждан был назначен генерал-полковник Ф.И.Голиков. На Уполномоченного СНК СССР возлагалось общее руководство процессом репатриации граждан СССР из Германии и других стран по мере освобождения их союзными и советскими войсками. Его заместителями были утверждены генерал-полковник И.В.Смородинов и генерал-лейтенант К.Д. Голубев, помощниками - генерал-лейтенант В.М. Драгун и А.А. Смирнов [6].

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулось Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, стала проблема подбора кадров для организации работы по сбору советских граждан на освобожденной территории, их размещению и последующей отправке на Родину. Уже в октябре 1944 года начали формироваться группы офицеров репатриационных миссий с целью организовать возвращение депортированных советских граждан из Финляндии, Румынии, Франции и других стран. Через год, к октябрю 1945 года, организацией репатриации сограждан было занято свыше 10000 офицеров, сержантов и рядовых [3].

Первые группы офицеров связи по репатриации, откомандированные из военных миссий в зоны, освобожденные англо-американскими войсками, для сбора и отправки людей в СССР, были немногочисленны. Кадровых офицеров для проведения работы по репатриации советских граждан в условиях продолжавшихся боевых действий пока еще явно не хватало.

Зона действий первых официальных представителей Уполномоченного распространялись на обширные территории, охватить которые без надежных помощников практически было невозможно. Поэтому было необходимо подобрать из числа освобожденных советских людей работоспособных и инициативных исполнителей на должности начальников сборно-пересыльных пунктов и лагерей, для комплектования ими штабов в местах временного пребывания граждан СССР. Из них же выбрать тех, на кого можно было бы возложить функции офицеров связи по репатриации. Назначение лиц из числа командного состава Советской Армии, вызволенных из немецкого плена, офицерами связи по репатриации или во внутреннюю администрацию лагерей, имело свои плюсы: освобожденные знали местные условия и основные места дислокации советских граждан.

Функции офицеров связи по репатриации были довольно обширны. Кроме сбора людей на освобожденной территории, организации здесь лагерей и назначения в них внутренней администрации, представители Управления Уполномоченного выезжали в районы, только что освобожденные от немецких войск, знакомились с положением соотечественников на освобожденных территориях, вступали в контакт с союзными и гражданскими

властями, изучали планы организации лагерей для советских граждан, выступали на митингах перед готовившимися к отъезду в СССР, разъясняли порядок репатриации. Они занимались вопросами организации питания и снабжения предметами быта, оказания медицинской помощи нашим соотечественникам, вели обширную документацию, регулярно направляли в военные миссии, от которых были откомандированы, донесения, рапорты, отчеты, справки, сообщения, телефонограммы о ходе репатриации советских людей, о созданных сборно-пересыльных пунктах, количестве оставшихся и отправленных людей на Родину. Встречая трудности, вносили предложения, направленные на ускорение репатриации наших соотечественников. Это была большая работа, нередко на пределе физических сил, требовавшая самоотверженности, самоотдачи, добросовестности.

Главная задача, стоявшая перед советскими офицерами, заключалась в том, чтобы как можно быстрее собрать разбросанных по различным местам и находившимся в неимоверно тяжелых условиях, советских людей в компактные группы, что давало возможность быстро организовать необходимую им помощь и отправку на Родину, предотвратило бы разгул стихии и бандитизма в тылу наступающих войск. «В организации дела возвращения советских граждан на Родину приходилось начинать с самого элементарного, - отмечалось в интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 11 ноября 1944 года, - с выявления, оповещения и сбора наших граждан. Эта работа оказывается не такой простой, как можно было бы предположить на первый взгляд, так как многие наши люди, попав на освобожденную территорию, продолжают еще оставаться в лагерях для военнопленных, иногда вместе с немецкими военнопленными» [7].

Таким образом, в 1944-1945 гг. репатриация граждан СССР занимала одно из важных мест в политической и экономической деятельности советского государства. Именно в это время создаются и начинают свою работу чрезвычайные органы, которые занимались возвращением советских людей в СССР. Исходя из подходов руководства страны к проблеме репатриации, перед ними выдвигалась главная задача – добиться поголовного возвращения своих поданных, вынужденно оказавшихся в годы войны за рубежом. В дальнейшие годы органы репатриации только усиливали свою работу, создается их более разветвленная сеть, перед ними ставятся и другие задачи по распространению советского влияния на освобожденных территориях.

Примечания

1. Андреев Г. Возвращение. Из воспоминаний бывшего репатрианта // Ленинградская панорама. 1991. № 1,2
2. Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия. М., 1985. С.6.
3. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан (1944-1951 годы) // История СССР. 1990, № 4. С.28.
4. Земсков В.Н. репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6.
5. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С.32.

6. Правда: Орган Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 25 октября 1944г.
7. Правда: Орган Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 11 ноября 1944 г.
8. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. Париж, 1988.
9. Шевяков А.А. Тайны послевоенной репатриации // Социологическое исследование. 1993. № 8.

*Лебедева Л.А.
(г. Саранск, МГУ)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЕ ЛИЧНОСТИ КАК ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У ФИННО-УГРСКИХ НАРОДОВ

Актуальность исследования представлений об идеале личности определяется необходимостью изучать и учитывать те изменения, которые претерпевают базовые характеристики личности в условиях современных общественных и социальных трансформаций. Предпринимаемые в последние годы усилия по возрождению национального языка и культуры немислимы без восстановления национальной системы образования, традиций народной педагогики, одна из основных целей которых – развитие этнического самосознания, формирование личности на народных идеалах человека, что в свою очередь предполагает научное осмысление содержания, методов и средств народного воспитания примените к реалиям сегодняшнего времени, ибо как полагал К.Д. Ушинский, воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более чем что-либо другое [1].

Идеал совершенного человека выражает самую общую задачу всего процесса воспитания личности (Г.Н. Волков). Его необходимо рассматривать и как основополагающую идею этнической педагогики и как феномен истории и культуры народа. В то же время в проблеме идеала совершенного человека проявляется то общечеловеческое, которое объединяет различные народы. Это положение еще более усиливает актуальность данной темы, когда наряду с возрождением национальной культуры обществу необходимы объединяющие, интеграционные подходы в регулировании межэтнических отношений.

Различные аспекты основополагающей этнопедагогической идеи – феномена идеала человека на примерах фольклора, обрядов, эпических произведений, народного искусства освещались в работах Е.А. Бодиной, А.Л. Бугаевой, Д.М. Бурхинова, Г.Н. Волкова, Д.А. Данилова, Т.К. Искакова, А.М. Леонова, О.Д. Мукаевой, Т. Ормонова, Т.Н. Петровой, М.Г. Тайчинова, Б.М. Ховратовича и др.

Социально-философские проблемы понятий «идеал», «идеальное», «совершенство личности» раскрывались в работах Г. Гачева, Е.Л. Дубко, Д.И. Дубровского, Э.В. Ильенкова, И. Канта, В. Крауса, Н.С. Нарского, В. Татаркевича, В.А. Титова, Э. Фромма, О. Шпенглера, Г.Г. Шпета и др.

Методологические и психолого-педагогические основы нравственного воспитания подрастающего поколения в современных условиях рассматривались в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, Л.С. Выготского, В.М. Коротова, Б.Т. Лихачева, А.В. Мудрика, В.С. Мухиной.

Этносоциальным, национально-психологическим факторам становления и развития личности уделяли внимание П.И. Гнатенко, А.И. Горячева, А.Ф. Дашдамиров, А.А. Иванова, В.И. Козлов, И.С. Кон, Г.У. Кцоева, П.И. Кушнер, В.П. Левкович, Н.Г. Панкова, В.В. Мавродин, Г.В. Старовойтова и др.

В то же время следует отметить, что феномен народного идеала совершенного человека не рассматривался специально применительно к историческому наследию народа. Между тем, история этноса есть не просто цепь исторических событий и явлений, но это и судьбы людей, их идеалы, образ жизни.

История народа, во-первых, отражает непрерывный воспитательный процесс, происходящий в данном этносе, раскрывает представление нации об идеале совершенного человека; во-вторых, историческое бытие само оказывает воспитательное воздействие на личность посредством исторической памяти народа, выраженной в легендах, преданиях и других произведениях народного и профессионального творчества.

Применение принципа историзма в изучении проблемы позволит затронуть некоторые неизученные или малоисследованные аспекты данной темы. Например, в современной этнопедагогической науке существует необходимость изучения феномена народного идеала человека в его развитии (генезис, эволюция понятия), что дает более полное представление о современном состоянии этических ценностей и возможность их педагогической реализации.

В этой связи практический интерес представляет проблема воспитания детей на примере жизни и деятельности выдающихся представителей своего народа, а также соотношение понятий «народного» и «реальных» идеалов человека в истории этноса [2].

Разделяя мнение Д.А. Шарманджиева, отметим, что процесс формирования личности на народном идеале человека будет более эффективным при условии, если будет раскрываться содержание народного идеала человека в ходе всех составляющих учебно-воспитательного процесса

школы и других воспитательно-образовательных учреждений; деятельность государственных и общественных организаций, национальной интеллигенции по возрождению родного языка, культуры, образования направлена на интеграцию усилий с инновационными и общеобразовательными школами республики; осуществления этнопедагогизации целостного процесса учебно-воспитательной работы в школе, основывающейся на идеях совершенной личности в народной культуре [3].

Наиболее ценным и эффективным будет то обучение и воспитание, которое адекватно психологическим особенностям народа, специфике его традиционной культуры, мировоззрения. В этом случае народный идеал человека, как один из важнейших элементов этнопедагогики любого народа, следует изучать как в историческом развитии, так и в его современном состоянии. В основе разработанной системы воспитания личности на национальном идеале человека может лежать методика включения ребенка в процесс познания истории и культуры финно-угорского народа.

Идеал человека является концентрированным выражением целей народного воспитания. Поэтому методы и средства этнического воспитания адекватны комплексу методов и средств развития личности на национальном идеале человека. В контексте настоящей проблемы наиболее значимой, на наш взгляд, группой методов воспитания являются методы убеждения (пример, беседа, упражнения, рассказ, просьба, совет и др.) Нравственные и эстетические идеалы народа легче проповедовать на обращении к сознанию человека, к чувствам справедливости, любви и совести.

Примечания

1. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании : в 6 т. / К. Д. Ушинский. – М., 1988. – Т. 1. – 244 с.
2. Педагогика и психология : учебн. / под ред. А. А. Радугина. – М., 1999. – 198 с.
3. Шарманджиев Д. А. Формирование личности младшего подростка на народном идеале совершенного человека (на материале калмыцкой традиционной педагогики) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. – 20 с.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ В СССР РАБОТЫ ПО ЛОГИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ

В ноябре 2009 года была опубликована рукопись, имеющая важное значение для изучения истории открытия применения логики к технике [1]. Эта рукопись принадлежит перу В.И. Шестакова и относится к 1935 году. Важность публикации определяется тем, что на содержании данной рукописи уже свыше 60 лет основано бытующее в нашей стране мнение о В.И. Шестакове как первооткрывателе применения логики к технике, хотя с рукописью не были знакомы специалисты. После этой публикации появилась возможность научно обоснованного определения места Шестакова в указанном открытии.

Нами была детально изучена эта рукопись [1], а также известное заключение С.А. Яновской [2], в котором на основании рукописи [1] провозглашается приоритет советского ученого В.И. Шестакова в открытии алгебры логики релейных схем, сделавшего это, по словам Яновской, на три года раньше своих конкурентов – японца А. Накашимы и американца К.Э. Шеннона. Были использованы научные публикации, архив В.И. Шестакова, воспоминания его родных и коллег, а также научно-популярная книга [3], посвященная изучаемой истории. В результате исследования установлено следующее.

1. В январе 1935 г. В.И. Шестаков, аспирант МГУ 1-го года обучения, срочно подготовил свою рукопись «Реле и релейные схемы», в которой показал соответствие между операциями над контактами релейных схем и логическими операциями, что давало возможность использовать аппарат алгебры логики для синтеза таких схем. Этот шаг был вызван конфликтом В.И. Шестакова с его научным руководителем проф. Г.С. Гореликом, занимавшимся теорией колебаний, и его нежеланием работать с данным руководителем. Данная рукопись была передана в НИИ физики МГУ, где В.И. Шестаков числился аспирантом. Она должна была показать руководству, что у аспиранта есть другая диссертационная тема, по которой должен быть другой руководитель. В качестве нового руководителя предлагался известный логик и вероятностник проф. В.И. Гливенко. Он, видимо, и подсказал Шестакову тему по логическому изучению релейных схем, а также познакомил его с рецензией П. Эренфеста на русский перевод книги Л. Кутюра «Алгебра логики» (1910 г.), указавшей возможность такого изучения, что облегчило и ускорило подготовку рукописи. Руководство пошло навстречу аспиранту, разрешив сменить тему диссертации, а также научного руководителя. После этого В.И. Шестаков забрал свою рукопись.

2. С конца 1935 по 1937 г. Шестаков под руководством В.И. Гливенко работал над своей диссертацией «Некоторые математические методы конструирования и упрощения двухполюсных электрических схем класса A »,

которая была посвящена обычным электрическим схемам (не релейным), для чего он создал специальную, небулеву алгебру логики. При этом ни он, ни Гливенко никогда не упоминали рукопись «Реле и релейные схемы» и не ссылались на нее, не считая ее самостоятельной и законченной научной работой. Диссертация Шестакова и основанные на ней публикации также не содержали такой ссылки. В логическом подходе к изучению обычных электрических схем В.И. Шестаков не продвинулся настолько, как это возможно при изучении релейных схем.

3. В период с 1940 по 1946 год В.И. Шестаков ознакомился с публикациями других исследователей в области логического моделирования релейно-контактных схем (А. Накашима, К.Э. Шеннон, В.А. Розенберг, Х. Пиш, О. Плехль и др.) и, видимо, понял, что нужно заниматься именно этим направлением. Но в споре за приоритет в этой области он мог использовать лишь свою неопубликованную рукопись 1935 года. В конце 1947 – начале 1948 года Шестаков обратился за поддержкой к С.А. Яновской, с которой был в дружеских отношениях. С.А. посоветовала ему сделать краткий реферат результатов, изложенных в его рукописи и указать также более поздние публикации его конкурентов, что В.И. Шестаков и сделал. Этот реферат С.А. Яновская включила в свой обзор, посвященный основаниям математики и логики [2]. Таким образом, подлинным автором текста заключения С.А. Яновской о приоритете В.И. Шестакова в открытии алгебры релейных схем является, по нашему мнению, сам В.И. Шестаков.

Примечания

1. Бирюков Б.В. К проблеме приоритета в открытии логической теории релейно-контактных схем // Логические исследования. Вып. 15. – М.: Наука, 2009.
2. Яновская С.А. Основания математики и математическая логика // Математика в СССР за 30 лет. Т. 2. – М.–Л.: Гостехтеориздат, 1948.
3. Вебер Ю.Г. Когда приходит ответ. – М.: Детская литература, 1977.

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ

Возникновение и эволюция российской имперской системы являются комплексной проблемой, которая с учетом всей ее сложности и многофакторности стала объектом междисциплинарного исследования. Среди важнейших подходов к исследованию основных аспектов вопроса о формировании Российской империи как сложной политико-территориальной системы можно выделить византийский, золотоордынский, евразийский, естественноисторический, модернизационный и др. [1].

Еще один из подходов, условно его можно назвать полиэтническим или этнологическим [1], представлен концепцией известного западного историка А. Каппелера. Ее суть заключается в анализе Российской империи как попытки организации и управления полиэтническим пространством. По признанию ученого, появление его концепции было реакцией на смену парадигм, которая произошла в конце XX в. и определила переход от политологии и социологии к этнологии как ведущей дисциплине [2]. Этим определяется подход к истории России как многонациональной державы, предполагающий исследование формирующихся в течение веков структур многонациональной империи, форм взаимоотношений между центром и периферией, а также межэтнических контактов. При этом автор специально подчеркивает, что в истории существование полиэтнических, многонациональных государств было своего рода правилом, тогда как возникший только в XIX в. «идеал этнически единого национального государства ...принес впоследствии человечеству много бед и несчастий». Исследование многонациональных государств, по мнению Каппелера, «может быть, заставит вспомнить об альтернативных принципах образования государства и общества и прояснит тем самым проблематику этнически ограниченного национального государства» [2].

А. Каппелер подчеркивает, что синтез истории России как многонациональной державы в методологическом плане предполагает две крайности – «русоцентристскую оптику» и «полиэтническую оптику», каждая из которых имеет свои недостатки. Однако при рассмотрении имперской проблемы, на взгляд автора, «никак нельзя вырваться из плена «русоцентристского» видения и мышления» [2]. Поэтому важнейшей методологической установкой является противопоставление русоцентристской оптике, направленной на рассмотрение истории Российской империи как «национального государства», и узким проекциям национальной историографии нерусских народов, подхода, позволяющего выявить супернациональный, полиэтнический характер Российской империи.

В истории формирования Российской империи А. Каппелер выделяет несколько этапов, связанных с изменением сущностного содержания указанных выше аспектов.

Первый этап он связывает с наличием средневековых предпосылок будущей империи, т. к. многие ее черты зародились еще в условиях внутри- и внешнеполитического развития Русского государства. Речь идет о трех комплексах средневековых предпосылок мультинациональной Российской империи: 1) традициях раннего многонационального Московского государства, во многом базировавшихся на устоях, оформившихся еще в Новгородском государстве, так как именно насильственное присоединение Новгорода Иваном III в 1478 г. окончательно придало Великому княжеству Московскому полиэтничный характер; 2) процессе «собираания русских земель», то есть успешного развития, роста и расширения Московского княжества, в рамках которого московские властители разработали образец той политики экспансии, которая была основана на применении многих разных методов: искусной дипломатии, нередко служившей инструментом политики «*divide et impera*», сманивавшей на свою сторону и бравшей на государеву службу нерусскую элиту; системы постепенного, многоступенчатого, шаг за шагом наступления на окраины, начиная с объявления протектората, скрепленного выражением лояльного волеизъявления, и кончая впоследствии полной аннексией; подкупа и фактической скупки сравнительно маленьких территорий; военного завоевания, сопровождаемого самыми жестокими репрессиями; оправдания аннексий политическими аргументами, такими, как упрек в коллаборационистском сотрудничестве с зарубежными врагами Москвы, или историческими обоснованиями; 3) борьбе за наследство Монгольской империи и «собираание земель Золотой Орды» русскими государями [2].

Второй этап в эволюции Российской империи А. Каппелер относит ко времени, начиная с XVII в. до середины XIX в. Этот период он называет «дореформенной многонациональной империей». Для него характерны следующие особенности: 1) ограниченное значение этнических категорий для российской элиты и правящих кругов, так как социальный статус не увязывался напрямую с этнической принадлежностью; сложная социо-этническая структура империи стала основной предпосылкой для развития национальных движений, выражающих не столько этнический, сколько социальный антагонизм»; 2) сильная гетерогенность, предполагающая этническое, религиозное, культурное, социально-экономическое и социально-политическое многообразие; 3) стабилизация господствующего режима и лояльность нерусских подданных по отношению к государям и их династии – приоритетные, основополагающие принципы многонациональной империи (династический принцип, принцип самодержавной, освященной божественной волей власти государя, и сословный принцип, определявший социальные связи); 4) приоритет политико-стратегических целевых установок над экономическими, отсутствие превосходства в развитии метрополии над периферией и частичная дискриминация русских по сравнению с

«колониальными» народами свидетельствуют об отсутствии в России признаков колониальной империи. В целом Россия представляла собой такой вариант дореформенного полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью, проявлением такого направления исторического казуса, когда «государственный» народ оказался позади многочисленных других этносов в своем развитии, и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами [2].

Третий этап, названный «поздняя многонациональная империя», охватывает вторую половину XIX – начало XX вв. А. Каппелер выделяет следующие его характеристики: 1) изменение динамики развития империи, прежде всего в плане социальной и национальной мобилизации – социальная мобилизация охватывала новые слои населения, модернизация способствовала хозяйственной интеграции окраин и унификации административных и социальных структур; миграция русского населения повышала его удельный вес на периферии империи; русская администрация и русская армейская элита занимали теперь ведущие позиции во всех окраинных регионах, кроме Финляндии; русский язык, русская культура и православие усиленно использовались как инструмент гомогенизации империи; 2) усиление политического и социального напряжения в империи вследствие активного развития встречных, противоположно направленных тенденций гомогенизации и диверсификации, связанных с национальной мобилизацией нерусских народов; 3) противоречие между разнонаправленной и разновременной модернизацией и сохранением неизменности политической системы и социально-экономического базиса империи; 4) усложнение структуры многонациональной империи, что проявлялось в изменении положения нерусских элит в плане потери ими особого политического статуса, в усилении давления на мобильные группы-диаспоры (такие, как евреи, немцы и армяне) и т. п.; 5) усиление колониального характера империи в результате модернизации, так как экономическое развитие отдельных регионов стало более сильно и явно ориентировано на центр и его промышленные потребности. Таким образом, делает общий вывод А. Каппелер, политическому и военному усилению российского центра противостояли резкие перепады экономического и социально-культурного развития на всем протяжении империи, а политика экспансии и постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и имперского господства исчерпывала людские и материальные ресурсы страны, ограничивала возможности социально-экономического и политического развития внутри России, обеспечивала экстенсивный рост державы ценой задержанной интенсивности, что вызвало вначале кризис, а затем и крушение Российской империи [2].

Сходные взгляды высказывает российский исследователь И. Торбаков. Так, он полагает, что по крайней мере с середины XVI в. и вплоть до 1917 г. история России представляла собой процесс складывания и развития многонациональной (полиэтнической) империи. Главная проблема в

концептуализации империи заключалась, с его точки зрения, в том, что в юридическом и административном аспектах имперская элита управляла страной (за некоторыми исключениями), воспринимая ее как этнически однородное образование – «географический колосс и этнический «Вавилон» на официальном и бытовом уровне описывался в категориях «нации-государства» – матушки Руси» [3].

И. Торбаков характеризует причины сохранения многонационального характера Российской империи и неудачи политики русификации. Во-первых, «строительство» Российской империи явилось не результатом какой-то иррациональной патологии и безудержной страсти к захвату чужих земель, а следствием сложного геополитического взаимодействия мировых центров силы. Многие окраинные территории были приобретены в ответ на давление извне, и успешная борьба за их дальнейшее пребывание в составе Российского государства была лучшим доказательством его способности противостоять этому давлению. Неудивительно поэтому, что петербургские элиты рассматривали сохранение империи как своего рода самоцель и главную задачу российской политической жизни. Ее решение, с точки зрения имперского центра, было более важным, чем распространение среди многонационального населения русских идей и представлений, русского языка и православия, русских исторических мифов и национальных символов. Иными словами, в системе государственных приоритетов внешняя политика имела явное преимущество перед внутренними потребностями, в том числе и формированием «общерусской» национальной идентичности. Во-вторых, даже когда власти прибегали к политике русификации, последняя практически всегда оказывалась скверно организованной, плохо подкрепленной материально и поэтому малоэффективной. В-третьих, став слишком поздно на путь модернизации, Россия, разумеется, упустила время и для реализации успешной политики русификации. При наличии серьезной конкуренции имперскому проекту со стороны сепаратистских программ национальных движений российских окраин «гипотетическая возможность выиграть «гонку против времени» и сформировать должным образом текучее и аморфное сознание ... «православного» (и не только православного) народа» завершилась его поражением [3].

Примечания

1. Бахлов И. В. Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией : монография / И. В. Бахлов, И. Г. Напалкова. – Саранск: Издат. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2009. – с. 97 – 124
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 12.
3. Торбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение имперского проекта // *Ab Imperio*. – 2001. – № 4. – С. 391-434.

ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

История возникновения культуры добрачного поведения насчитывает многие тысячелетия. Особенности добрачного поведения современной молодежи, выбор брачного партнера, вступление в брак, явления настолько заурядные, что кажется, так было всегда, но социальный институт добрачного поведения в том виде, который мы наблюдаем сейчас, складывался долгое время и под влиянием многих факторов. Зарождение института добрачного поведения является следствием эволюции самой системы брачно-семейных отношений. Добрачное поведение – понятие историческое, его структура и функции обусловлены характером существующих общественных отношений, а также уровнем культурного развития общества.

Под *добрачным поведением* мы понимаем - поведение, определяемое биологическими, психологическими, социальными характеристиками индивида, зависящее от социокультурных условий проживания человека, направленное на выбор брачного партнера и детерминирующее характер будущего супружества, эмоционально-психологическое отношение к семейным ценностям, итогом которого, в зависимости от конкретной ситуации, могут быть: вступление в брак и создание семьи; создание семьи вне брака; отказ от вступления в брак и отказ от создания семьи.

Задача изучения добрачного поведения весьма сложна. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- сложностью добрачного поведения как социально-психологической системы. Добрачное поведение включает в себя большое число всевозможных отношений и взаимосвязей, затруднительно определить все ценности и установки, входящие в структуру этого поведения. В формировании добрачных отношений имеет место значительное количество личностных особенностей человека, участвует социальное окружение, влияют социально-экономические и территориальные условия проживания, традиции, обычаи и нормы общества;

- отсутствием единого подхода к понятиям «добрачное поведение» и «выбор брачного партнера», единого понимания их сущности и структуры. Понятие добрачного поведения охарактеризовать не просто, так как сложно очертить возрастные границы этого этапа индивидуального развития измеряющегося не астрономическим, а психологическим временем. В некоторых случаях добрачное поведение может быть для индивида непрерывным процессом активного добрачного поиска. Нет пока единой теории, которая выполняла бы роль теоретического базиса для изучения добрачного поведения, вместо этого имеется значительное количество теорий, направлений с различными, нередко трудно сопоставимыми подходами к пониманию добрачного поведения и брачного выбора;

- значительным воздействием обыденного опыта на добрачное поведение. Добрачное поведение – область социальной жизни, о которой каждый человек имеет свое представление, считая его единственно правильной моделью для понимания добрачных отношений вообще. События, происходящие в добрачном поведении уникальны, интимны, изменчивы, отличаются отсутствием четких контуров и стандартов. Добрачное поведение воплощает разнообразные человеческие свойства, качества, потребности и вместе с тем характеризуется конструктивными и неконструктивными параметрами.

Актуальность исследования добрачного поведения обусловлена рядом причин. Среди них существенным является то, что кризисные процессы современного российского общества - депопуляция населения и низкая устойчивость брачно-семейных отношений, рост уровня разводов и внебрачной рождаемости, широкое распространение социального сиротства и девиантного поведения - непосредственно влияют на функционирование института добрачного поведения. Эти тенденции вызывают тревогу у общества и государства, так как состояние брачно-семейных отношений и демографическая безопасность России напрямую связаны с реализацией семейных потребностей.

В современных условиях ценности добрачного поведения определяются индивидом во многом самостоятельно. Если в прошлом культура через механизм социального воспроизводства определяла выбор брачного партнера интересами рода, семьи, сословия и индивид подчинялся стереотипам, принятым в обществе, то сегодня он свободен в своем поведении. Сфера добрачного общения сегодня становится более дифференцированной и избирательной. Ценностные ориентации индивида утрачивают матримониальную монополию: любовь, эмоциональные контакты и сексуальное удовлетворение представляют для него ценность сами по себе и не всегда соотносятся с вопросом, заключить брак или нет. В современном обществе отмечается усиление открытости и толерантности в добрачном общении, оно становится более разнообразным по составу участников, социальным и образовательным показателям. Подобные тенденции во многом определяются теми изменениями, которые происходят в семье, обществе и относятся к разряду глобальных:

- все большую популярность приобретает образ внесемейной жизни, ценность свободы от семейных обязательств и самореализации в профессиональной деятельности;

- более распространенной становится следование нормам малодетности, чем многодетности. Снижается количество детей в семье, вплоть до их полного отсутствия;

- уровень брачности снижается, увеличивается количество людей выбирающих альтернативные (внебрачные) формы семейных отношений, становится все больше разведенных и неполных семей, матерей-одиночек;

- отмечается переход ряда функций семьи к другим социальным институтам, в результате чего многие семейные узы утрачивают свою ценность и прежнее значение;

- происходит процесс «размывания» системы поведенческих норм в сфере брака и семьи, представлений о содержании семейных ролей.

*Новинская Т.Ю.
(г. Пенза, ПГТА)*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной публикации автор рассматривает роль личного крестьянского хозяйства в социально-экономическом развитии села на территории пензенской области в середине прошлого века.

В начале 1950-х гг. положение в сельском хозяйстве в целом, а также сельских жителей было весьма неблагоприятным. Несмотря на прошедшие после войны пять лет крестьяне испытывали нужду в продуктах и товарах первой необходимости.

О бедственном положении колхозников свидетельствуют выписки из решений правлений колхозов о помощи, переписка райкомов с Пензенским горкомом ВКП(б). «Необходимо предоставить право Райисполкому по предоставлению райуполминзагу и райфо освободить полностью или частично от обязательных поставок сельхозпродуктов и денежных платежей хозяйства граждан, впавших во временную нужду» [1].

Изменить ситуацию правительство попыталось в 1953 г. В соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК 1953 года государственные заготовительные цены на скот и птицу увеличились более чем в 5 раз, на молоко – в 2, картофель – в 2,5 раза, овощи – на 25-40 %. Повышались закупочные цены на продукцию, продаваемую сверх обязательных поставок. Эти меры позволяли значительно укрепить экономику колхозов.

Были приняты действенные меры против нарушения важнейшего принципа артельной формы колхозного производства – правильного сочетания интересов в развитии общественного и личного хозяйства. Чтобы обеспечить подъем сельскохозяйственного производства, правительство и ЦК партии значительно снизили нормы обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников, реформировали систему обложения сельскохозяйственным налогом, снизили денежный налог примерно в два раза с

каждого колхозного двора и сняли полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет [2].

В результате действия нового Закона о сельскохозяйственном налоге, его сумма снизилась в 1953 г. по сравнению с 1952 г. на 37,1% по всем категориям плательщиков [3]. Уменьшение исчисления суммы налога произошло как в результате уменьшения нормы, так и за счет сокращения облагаемых источников дохода. В связи с телеграфным указанием Министерства финансов были отменены надбавки. Почти в два раза увеличилось число хозяйств, получивших скидки по льготам в 1953 г. Например, появилась категория хозяйств граждан преклонного возраста. В целях увеличения поголовья скота в 1953 г. получили скидки при расчете налога хозяйства, не имевшие коров.

Без изменения на протяжении рассматриваемого периода оставалась лишь сумма самообложения, которая в среднем на одно хозяйство колхозников, рабочих и служащих исчислялась в сумме 20 рублей с копейками. Единоличники платили в два раза больше, а с хозяйств, так называемых «прочих плательщиков», к которым, например, относились служители культов, взималась сумма в размере 150 руб. [4]

Динамика изменения числа хозяйств, имеющих сельскохозяйственные доходы, облагаемые налогом [5]

	1952 г.	1953 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
колхозники	194105	186754	183022	182742	182900	161933	150135
единоличники	1630	1276	1084	1143	1275	759	208

Следующим шагом правительства было повышение заготовительных и закупочных цен на продукты животноводства, картофель и овощи. «Заготовительные цены на скот, птицу, сдаваемые государству в порядке обязательных поставок, повышаются более чем в пять с половиной раза, на молоко и масло - в два раза, на картофель – в два с половиной раза и на овощи – в среднем на 25-40%. Что касается закупочных цен, то они повышаются на мясо в среднем на 30% и на молоко в полтора раза» [6].

В результате в личных хозяйствах повысилось поголовье скота, вновь стали возделываться приусадебные участки. У колхозников появилась возможность реализовывать излишки на колхозных рынках. Таким образом, были предприняты попытки к восстановлению принципа материальной заинтересованности тружеников деревни в результатах труда в личном хозяйстве, которое являлось большим подспорьем для крестьян в рассматриваемый период.

О роли личного хозяйства в жизни сельских жителей можно судить по следующим цифрам. Средняя выдача на один трудодень колхозникам зерна и денег в среднем по области в 1955 г. составляла 2,27 руб., в месяц примерно – 45,4–50 руб., в 1959 г. – 3,60 руб., в месяц – 72–80 руб. Чтобы сравнить доходы от общественного производства с ценами, приведем лишь несколько примеров.

В 1956-1958 гг. швейная машина стоила 640руб., автомашина «Москвич» - 2000 руб., мужское или дамское пальто – 900 руб. [8]

Таким образом, личное крестьянское хозяйство составляло значительную долю в доходах крестьянской семьи. Однако, число крестьян, имевших подсобное хозяйство, шло на убыль. Государственная политика объединения сел и деревень в поселки городского типа не предусматривала сохранения крестьянского хозяйства.

Компромисс 1953 г. между правительством и личным хозяйством был недолгим. Логическое следование по пути развития личного хозяйства противоречило идеологии строительства коллективного, обобщественного хозяйства. В конце 1950-х годов началось новое наступление на личное хозяйство. Население «вынуждали» продавать скот колхозам и совхозам.

Личное хозяйство всегда являлось важной предпосылкой повышения как жизненного уровня населения, в первую очередь сельского, так и источником пополнения в советский период фондов колхозно-совхозного хозяйства. Предпосылкой же успешного развития личного хозяйства являлась заинтересованность самих жителей в его развитии, несмотря на многочисленные налоги и поборы.

Примечания

1. ГАПО. Ф.Р-1930. Оп.1. Д.185. Л.5.
2. ГАПО. Ф.П-148. Оп.1. Д.3234. Л.3.
3. Правда. 1953. 7 ноября. Из доклада секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г.
4. ГАПО. Ф.1882. Оп.1. Д.3025. Л.17, Д.2582. Л.2.
5. Составлено по: ГАПО. Ф.Р-1913. Оп.1. Д.2212. Л.31; Д.1988.Л.36; Д.3745.Л.34; Д.1740. Л.6; Ф.Р-1882. Оп.1. Д.3025. Л.1,84,141,196.
6. Правда. 1953. 7 ноября. Из доклада секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г.
7. ГАПО. Ф.921. Оп.8. Д.37. Л.3.

*Обрезкова Н.В.
(г. Новочеркасск, НПИ)*

ПРОБЛЕМА АБОРТОВ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ В 1920-Е ГОДЫ

Одной из проблем, с которой столкнулись органы охраны материнства и младенчества на Юге России в 1920-е гг., стала проблема роста числа аборт. Советское законодательство установило исключительно либеральное отношение к аборту. Согласно совместному Постановлению Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции от 18 ноября 1920 г., провозглашалась законность аборта самой abortирующей, при каких бы условиях он ни был совершен, и законность аборта вообще, если он был совершен с согласия беременной в надлежащих гигиенических условиях врачом. В Постановлении указывалось на то, что «пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию, Наркомздрав и Наркомюст, охраняя здоровье женщины, считая метод репрессии в этой области абсолютно не достигающим цели, постановляет допускать бесплатное и свободное производство этой операции в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность»[1]. Таким образом, подобная мера во многом считалась временной и дальнейшие успехи социалистического строительства должны были устранить те причины, по которым женщина решалась на данную операцию. Легализуя аборт, власти понимали бесполезность репрессий и пытались стимулировать рождаемость оказанием материальной помощи.

Официальное разрешение аборт привело к увеличению их зарегистрированного числа, но трудно выяснить, какая часть этого увеличения относилась к действительному росту аборт, а какая приходилась на долю выхода этого явления из «подполья». Наличие большого числа горожанок, желающих сделать аборт, приводило к нехватке свободных коек в больницах. Зачастую это были женщины, которые как по состоянию здоровья, так и по материальному положению имели возможность рожать[2]. Такая ситуация привела к изданию Народным комиссариатом здравоохранения в январе 1924 г. циркуляра об образовании абортных комиссий из врачей и представителей женотделов[3]. Главная цель данных комиссий состояла, с одной стороны, в координации направления в больницы лиц, идущих на аборт, а с другой – в ведении работы по ограничению необоснованных аборт. Ни одна больница не могла принять женщину для искусственного аборт без разрешения комиссии.

В основу работы абортных комиссий был положен принцип состояния здоровья и материального положения женщины. По состоянию здоровья имели право на аборт женщины, страдающие сифилисом, острым воспалением почек, пороком сердца, душевнобольные, туберкулезные 2-й и 3-й стадии, кормящие грудью до 9-ти месяцев. По социальному положению – женщины многодетные

старше 40 лет, одинокие и материально не обеспеченные, несовершеннолетние, подвергшиеся изнасилованию. Как свидетельствуют источники, абсолютное большинство абортосов совершалось по социальным показаниям. Так, из 58 абортосов, произведенных в апреле 1924 г. в 1-ой Городской больнице г. Ростова н/Д, 54 были совершены по социальным показаниям, остальные 4 – по медицинским[4]. Следует оговориться, что речь идет о так называемых «полных» абортосах, т.е. произведенных с разрешения комиссий. В большинстве случаев в больницах совершались «не полные» абортосы, когда женщины, не получившие от комиссии права на аборт (или не обращавшиеся за ним) начинали аборт вне больницы и попадали в лечебные заведения только для его завершения. Зачастую такие абортосы производились неквалифицированными руками, а иногда и самой женщиной, составляли главный источник заражения и опасность для женского организма.

Женщины использовали различные средства для избавления от нежелательной беременности. Так, абортосными средствами считались можжевельник, алоэ, ромашка, хинин, марганцево-кислый калий. Однако у здоровых женщин подобные средства для того, чтобы вызвать желаемый эффект, должны были приниматься в опасно больших, отравляющих дозах. Поэтому женщины часто шли на всяческого рода механические приемы: горячие ванны, горчичники к бедрам, переноска тяжестей, прыжки с высоты, с подножки трамвая, разминание и массаж живота[5]. Исследователь Н.Б. Лебина пишет о том, что женщины для избавления от нежелательной беременности использовали спицы, вязальные крючки, катетеры, йодные спринцевания, карандаши, гусиные перья[6].

Дать точные сведения о соотношении абортосов, совершенных самими женщинами, и абортосов, совершенных врачами в «подполье» не представляется возможным, из-за нежелания самих больных давать сведения. Но примерно можно вести речь о 60-65 % незаконных абортосов[7]. Число смертельных случаев в результате абортосов, начатых вне больницы, составляло около 9 %[8].

В борьбе с абортосами в 1920-е гг. большая роль стала отводиться средствам контрацепции. В дореволюционной России использование противозачаточных средств не было широко распространено и считалось безнравственным. Только в начале 1920-х гг. стали официально выпускать и пропагандировать противозачаточные средства. Для этого при Институте охраны материнства и младенчества были созданы специальная комиссия и научно-производственная лаборатория[9]. В 1924 г. на конференции акушеров в г. Москве было принято решение о том, что задачей женских консультаций является «научить женское население умению пользоваться безвредными противозачаточными средствами»[10]. В качестве средств предупреждения беременности могли использоваться различные меры: физиологические (регулирование половой жизни), механические средства (презервативы), химические средства (шарики, таблетки, суппозитории фабричного производства), хирургические (стерилизация)[11]. В 1920-е гг. активно разрабатывалось и новое средство предупреждения беременности – биологическое, заключавшееся в предохранительной прививке. Так, в 1900 г.

немецкий ученый Лангштейнер открыл, что если семенную жидкость одного вида животных впрыснуть в кровь животному другого вида, то кровь последнего приобретает способность убивать семя однородного животного. Например, если семя быка впрыснуть крольчихе, то в организме крольчихи образуются так называемые спермотоксины, которые убивают семя кролика, и крольчиха становится бесплодной. В 1920-е годы опыты были продолжены профессором Тушновым. Было установлено, что женщина, которой сделали прививку семени какого-либо животного, может не забеременеть в течение полутора лет. К сожалению, нам не удалось установить то, как дальше продвигались эксперименты в этом направлении.

Однако, в целом, средства контрацепции в 1920-е гг. выпускались в небольших количествах, были дорогими и низкого качества. Даже в среде врачей, которые понимали всю угрозу аборта для женского организма, существовало негативное отношение к средствам контрацепции. Так, по словам доктора Л.М. Василевского, «пользование презервативом оскорбляет стыдливость мужчины и женщины и вносит в половой акт элемент рассчитанности и предусмотрительности»[12].

В 1920-е гг. искусственное прерывание беременности быстро входит в массовую практику. На протяжении 1920-х годов происходил постоянный рост числа абортов. В 1925 г. по Северному Кавказу было проведено 3 614 абортов, а в 1926 г. уже 6 908[13]. Число абортов составляло 4/5 всех рождений[14]. Данной ситуации способствовал ряд факторов: экономические трудности, жилищный кризис, ломка семейных традиций. Кроме того, среди горожанок сложилось отношение к аборту, как к довольно простой и обыденной операции. По мнению исследователя А.А. Попова, именно в 1920-е гг. в России была сформирована особая «абортная культура», выразившаяся в приспособлении и привыкании общества к широкому производству абортов как к основному способу регулирования числа детей в семье[15].

В целом, противоречия между все возрастающим участием горожанок в производстве и недостаточной сетью учреждений по охране материнства и младенчества, а также дороговизна противозачаточных средств способствовали тому, что для большинства женщин единственным возможным способом ограничения деторождения являлся аборт. Часть горожанок не хотела иметь много детей, поскольку ориентировалась на малую городскую семью. Другая часть делала аборты по так называемым «социальным» показателям, т.е. конкретные семейные обстоятельства не позволяли женщине иметь одного или еще одного ребенка. В провинциальном городе 1920-х гг. можно было также столкнуться и с женщинами, которые вообще не хотели иметь детей. Для них аборт выступал радикальным средством реализации своих желаний и приобретения новой свободы, вольного стиля поведения.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 259. Л. 16.
2. ГАРО. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 259. Л. 29.
3. Циркуляр НКЗ об абортной комиссии от 9 января 1924 г. // Боголепов П.П. Указ. соч. С. 78.
4. На борьбу с абортами // Молот. 18 нояб. 1927. С. 5.

5. Василевский Л.М. Аборт как социальное явление. М., 1927. С. 99.
6. Лебина Н. Абортмахеры в подполье // Родина. № 1. 1999. С. 50.
7. ГАРО. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 259. Л. 42.
8. ГАРО. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 259. Л. 6.
9. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 124.
10. Аборт. Саратов, 1925. С. 46.
11. Предупреждение беременности // Женский журнал. № 6. 1926. С. 34.
12. Наука и техника // Молот. 14 окт. 1925. С. 6.
13. Василевский Л.М. Аборт как социальное явление. М., 1927. С. 143.
14. Аборты в 1926 г. М., 1929. С. 6.
15. ГАРО. Ф. Р-2327. Оп. 1. Д. 185. Л. 14 об.
16. Попов А.А. Аборты в России // Человек. № 1. 1995. С. 117.

*Плоткин В.А.
(г.Кузнецк, КИИУТ (филиал ПГУ))*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СТАРОРУССКОГО СЕКТАНТСТВА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Процесс формирования Пензенской епархии происходил одновременно с завершением колонизации русским населением Поволжья и с проникновением на данную территорию старорусских сект и различных согласий старообрядчества. Быстрому распространению их в Пензенской губернии способствовали несколько факторов.

Во-первых, преследования старообрядцев и сектантов, усилившиеся после подавления бунтов в Соловках (1676г.) и Москве (1682 г.) и особенно ужесточившиеся при Петре I и его приемниках вынуждали их искать убежище на окраинах России, в том числе и на покрытой трудно проходимыми лесами территории Пензенской губернии.

Во-вторых, данная территория привлекала сектантов и раскольников отсутствием православных традиций, то есть своей толерантностью к религиозному инакомыслию.

В-третьих, постоянные изменения в структуре Пензенской епархии, сужали возможности православного духовенства по сдерживанию деятельности старообрядцев и сектантов.

На смену этим факторам, в первой четверти XIX века приходят и другие. Так, пропагандисты раскола, пользовавшиеся среди односельчан уважением, как люди умные и главное богатые, помогали друг другу в материальном

отношении, тем самым, привлекая к себе бедноту. Зажиточность старообрядцев была причиной того, что многие помещики, дорожившие ими, скрывали сведения о раскольниках от властей.

Оживление предпринимательства, отхожих промыслов начавшиеся в 60-х гг. XIX века значительно ускорили распространение старообрядчества и сектантства в Пензенской губернии. Оставаясь до самого конца XIX века религиозно замкнутыми, представители данных христианских конфессий активно экономически взаимодействовали друг с другом. Пенза, Саратов, Астрахань, Тамбов, Самара, Царицын были теми городами, где между старообрядцами и сектантами было тесное сотрудничество и взаимопомощь.

Ослабление гонений на раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX веков вызвало резкое увеличение их числа, так как многие раскольники, скрывавшие свои взгляды, перестали это делать.

В Пензенской губернии существовали два поповских старообрядческих согласия – (беглопоповцы и австрийцы, приемлющие Белокриницкое священство) и четыре беспоповских – (поморцы, федосеевцы, нетовцы и странники). Данные согласия имели существенные отличия, как с точки зрения их догматики, так и с точки зрения отношения к государственной власти и официальной церкви. Наиболее лояльны к светским и духовным властям были поповцы. Во многом догматически близкие к официальному православию и практически никогда открыто не противопоставляющие себя властям. Беспоповцы иногда вынужденные демонстрировать свою принадлежность к официальной церкви категорически отрицали совершение всех таинств и общественное богослужение. Однако, в отличие от согласия странников, они не шли на конфликт с государством. Действия же странников носили не только антигосударственный, но и антиобщественный характер. Призыв к уклонению от уплаты налогов, от военной службы, к бойкоту переписи и паспортизации, призыв к уходу из семьи, все это подрывало как основы государственности, так и элементарные права личности. Исходя из этого, согласие странников можно считать самым радикальным крылом в старообрядчестве.

Старорусское сектантство было, как и старообрядчество распространено в Пензенской губернии. Многие причины такого распространения были у старообрядцев и сектантов общими. Но были и другие причины, так, в отличие от старообрядцев, чтящих именно обрядовую сторону религиозности, во многих сектах проповедовалась полная свобода действий, то есть жизнь по духу Евангелия, как сам сектант его понимает. Отсутствие постов, долгих молитвенных правил, особенно привлекали в секты молодежь. Поэтому распространением многих сект в Пензенской губернии занималась преимущественно молодежь. Другой причиной было отсутствие регулярного духовного общения православных священников с жителями своих приходов. Бывая в деревнях и селах всего несколько раз в год, и замыкаясь на отпращивании обрядовых треб, священники имели гораздо меньшее влияние на население, чем сектантские наставники часто и запросто общающиеся с народом.

Важной причиной в распространении сектантства было не только покровительство помещиков, основанное на экономическом интересе, но и то, что сектантов косвенно поддерживала сельская интеллигенция, относясь к православию или поверхностно, или с явным пренебрежением. Нередкими были случаи, когда представители интеллигенции, желая найти нечто необыденное в сфере духовной, сами вступали в состав сект.

Значительно большая активность сектантских проповедников по сравнению с православными священниками объяснялась тем, что часто мотивом деятельности священников была служебная обязанность. Мотивы же сектантов лежали почти всегда в сфере духовной, так как идея невозможности спасения в миру, или мысль о близости конца света, толкали их к отрицанию официальной светской и духовной власти, либо к «бегству из мира», как у секты бегунов.

Характерным был тот, факт, что чем радикальнее была секта, тем более ее адепты старались не выделяться из православной среды. Так, например, хлысты и скопцы, в отличие от молокан и жидовствующих, исправно посещали православные храмы, тщательно выполняя предписываемые обряды.

Таким образом, можно сделать вывод, что на процессы распространения старообрядчества и старорусского сектантства в определенном регионе, на взаимоотношения раскольников с духовными и светскими властями, принципиальным образом влияли местные социально – политические особенности, культура и ментальность жителей региона.

*Сергеев В.В.
(г.Кузнецк, ККЭТ)*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Для общественных объединений обязанность сотрудничать с государственными органами власти не была формализована в исследуемый период. Нормативно - правовая база Российской империи в области создания, легализации, регулирования деятельности общественных объединений, а также уставы конкретных обществ Пензенской губернии не содержат положений о

регламентации сотрудничества государственных органов власти и общественных объединений .[1]

Одними из ведущих, для настоящего исследования, являются понятия «взаимодействие», «взаимоотношение», «сотрудничество», «платформа сотрудничества». В энциклопедии « Социология » так определяется значение словосочетания «социальное взаимодействие» - «... процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов друг на друга, в котором взаимодействующие стороны связаны циклической причинной зависимостью. Социальное взаимодействие как вид связи представляет интегрированность действий и функциональную координацию их следствий, т. е. систему действий. Возникает взаимодействие из совместной деятельности, оказываясь основанием общественной солидарности».[2]

Автор в разрезе темы исследования понимает « взаимодействие », как систему совместных действий государственных органов власти и общественных объединений, которая включает в себя взаимоотношения и сотрудничество.

« Взаимоотношение »: толковый словарь русского языка определяет как – «взаимное отношение между кем и чемнибудь ».[3] Взаимоотношение между государственными органами власти и общественными объединениями автор понимает как отношения, которые регламентируются законодательством Российской империи в данной сфере и уставом конкретного общественного объединения.

«Сотрудничество»: словарь русского языка трактует как – « работать вместе, принимать участие в общей деятельности ». Мы понимаем сотрудничество в рамках исследования как процесс реализации способов совместной деятельности. «Платформа сотрудничества» - понятие определяющие взаимную программу действий государственных органов власти и общественного объединения, которая формируется усилиями двух сторон в результате непосредственного или опосредованного воздействия друг на друга.[4.]

Следует отметить, что говорить о сотрудничестве в полной мере можно только тогда, когда в него вовлечены две стороны, т.е. когда деятельность общественного объединения адекватно принимается государственными органами власти и наоборот. Вместе с тем, гарантией востребованности взаимодействия между органами государственной власти и общественной самодеятельностью выступает положительное отношение общественных объединений к ней как к институту власти, в тоже время государство должно испытывать потребность в общественном объединении как инструменте достижения собственных целей.

В основе классификации общественных объединений в процессе взаимодействия государственных органов власти и общественных объединений по нашему мнению, должна находиться платформа сотрудничества, которая складывается в ходе реализации системы действий. С этой точки зрения можно

предложить следующую классификацию общественных объединений Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

Рассмотрим общественные объединения, которые стоят на различных платформах сотрудничества:

Солидарное сотрудничество [5].

К первой группе общественных объединений относятся смешанные формы, соединяющие в себе черты общественной самодеятельности и государственного учреждения, как правило, данные типы общественных объединений относились к центральному ведомству или министерству и имели отделения практически во всех губерниях Российской империи. Они не только поддерживали идею сотрудничества, но и выступали с инициативой по её воплощению на практике. Большинство членов по обществу занимали должности, в том числе и оплачиваемые, а свою деятельность рассматривали как средство карьерного роста. Типичными для группы являются: Ведомство учреждений Императрицы Марии, Пензенское отделение Императорского человеколюбивого общества, Комитет общества поощрения трудолюбия в Пензе, Пензенское отделение Императорского Русского музыкального общества и др. [6].

Покровительственное сотрудничество.

Ко второй группе можно отнести сословные общественные объединения Русской Православной церкви. Будучи Синодальным учреждением, Церковь фактически являлась государственным институтом и инструментом влияния государства. Под контролем последнего, в лице императора и обер – прокурора Синода, были все сферы её деятельности. Самодержавие покровительствовало церкви (административный ресурс, частичное финансирование деятельности, общность целей в решении вопросов православной веры: миссионерство, борьба с расколом, материальное обеспечение сельских священников), в то же время в ходе государственно – церковных реформ 60 - 70-х г.г. главная тяжесть по становлению социальной деятельности церковно – общественных объединений – приходских попечительств, братств, обществ трезвости, обществ вспомоществования, богаделен, приютов, реформы начального народного образования, легла на Русскую Православную Церковь. Общественные объединения этой группы: Общество взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии, Братство Пресвятой Богородицы, Пензенское церковно-певческое благотворительное общество, Церковное древнехранилище при Пензенской духовной семинарии, Иннокентьевское просветительное братство и др. [7]

3. Партикулярное сотрудничество. [8].

К третьей группе можно отнести общественные объединения, ориентированные, прежде всего, на защиту частных и узкогрупповых интересов, они не стремились к сотрудничеству, однако и не отрицали его

отдельных сторон. Самодержавие вовлекало их в так называемое «вынужденное» сотрудничество, используя административный ресурс. Стремление к самостоятельности в разных сферах социальной жизни, а также тенденция к автономизации общественных объединений с опорой на частный

интерес способствовала сдерживанию основной массы членов объединений до определенного момента от политической индокринации крайнего толка, этот стабилизирующий фактор был недооценен органами государственной власти.

Типичные общественные объединения самой многочисленной группы формировались на основе образцовых (нормальных) уставов. К ним можно отнести Пензенское вспомогательное общество торгово-промышленных служащих, Пензенское благотворительное общество, Пензенское общество Засурских дачников, Пензенский соединенный клуб, Огоревское ссудосберегательное товарищество, Вольная Пожарная Дружина с. Голицына Нижнее – Ломовского уезда, Общество призрения круглых сирот крестьянского сословия 1-го Земского участка Пензенского уезда, Саранское общество любителей изящных искусств и др.[9]

4. Апатичное (неприемлемое) сотрудничество.

К четвертой группе можно отнести общественные объединения как положительно, так и отрицательно настроенные к сотрудничеству с органами государственной власти, но самодержавие видело в их деятельности явную или скрытую угрозу государственному строю. В их число входили национально – религиозные, национальные, а так же культурные, образовательные и просветительные общественные объединения: Пензенское римско – католическое благотворительное общество, Пензенское Еврейское благотворительное общество, Пензенское общество содействия внешкольному образованию, Общество содействия народному образованию и распространению полезных знаний, Товарищество Пензенских врачей, Отдел лиги народного образования с библиотекой читальней в селе Большой Ижмор Керенского уезда Пензенской губернии и др.[10]

Таким образом, процесс взаимодействия органов государственной власти и общественных объединений сложно структурирован. Сотрудничество носило разноплановый характер от солидарности до полной апатии, что определялось системой проводимой в государстве охранительной политикой самодержавия, недооценкой потенциала общественной самодеятельности, настороженностью и недоверием к ряду направлений деятельности общественных объединений (просвещение, образование, культура), т.к. общественные объединения, функционирующие в данных сферах, были не только средством реализации личных, профессиональных, просветительных и иных интересов своих членов, но и трибуной для выражения взглядов российской интеллигенции, преимущественно либеральной, которая часто практиковала в ходе своей деятельности обсуждение своих проектов общественного переустройства и распространяла крамольные знания с точки зрения самодержавия. Соответственно, легализация, формы отчета и контроля за деятельностью общественных объединений для одних были формальными, а для других предполагали меры всесторонней проверки на политическую благонадежность, в отдельных случаях - личную ответственность губернских и уездных чиновников и священнослужителей за их деятельность.[11]

Примечания

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. – Т. 21. – № 15379; Свод законов Российской империи т. 14, СПб. 1890 ст. 116-118; Полное Собрание Законов Российской Империи. - Т. 44.- СПб. 1873. – С. 53; Полное Собрание Законов Российской Империи. – Т. 42. – № 44402; Полное Собрание Законов Российской Империи. – Т. 17. – СПб. , 1900. – № 13736; Полное Собрание Законов Российской Империи. – Т. 26. – СПб. , 1909. – С. 201-207; Циркуляр «Об изменении порядка разрешения некоторых дел, ныне вносимых в комитет министров» от 15 февраля 1897 г.; Циркуляр Министерства внутренних дел от 26 апреля 1905 г. № 18; Университетский устав 1863г. и 1884г.; Устав сельского хозяйства 1903 г., Уголовное уложение 1909 г., Устав общественного презрения 1892 г., Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения 1893г; Манифест 17 октября 1905 г. « Об усовершенствовании государственного порядка»; Высочайший указ Правительствующему Сенату «О Временных правилах, об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. Пример: устав Общества сельского хозяйства юго-восточной России от 06 .11. 1848 г. ГАПО Ф- 373 оп. 1 дело 1. л. 1; устав Пензенского соединенного клуба от 10.12.1863 г. (ГАПО Ф. -5 оп. 1. дело 4534. л. - 4); устав Городского Пожарного общества в г. Саранске от 18.09.1899 г. (ГАПО Ф.-5 оп. -1 дело 7089. л. -13); устав Керенский родительский кружок 5. 06. 1907 г. (ГАПО Ф 16 оп.1 дело 20 л.-2).
2. Социология: Энциклопедия.. / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г.М.Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. С 965.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. Изд. ЭКМО,2007. 736 с. С 64.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 3-е изд. М. Изд. ГИИНС, 1953. 848 с. С. 694; Словарь иностранных слов.-13-е изд., стереотип . – М. : С 48 Рус. Яз.,1986. - 608с. С 383.
5. Солидарность – согласованность в действиях и взглядах на основе близости или общности интересов и целей. Политология: - Энциклопедический словарь./ Общ. ред. и сост. : Ю.И.Аверьянов. – М.: Изд-во МКУ.1993.- 431 с. С 354.
- 6.ГАПО Ф.- 5 оп. 1 д. 6024, д. 7761, д. 7493 л.63, д.7494 л.55,84,98. Пензенское отделение Русского музыкального общества (ГАПО Ф.- 317), Пензенское местное управление Российского общества Красного Креста (ГАПО Ф. 840), Совет попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых Пензенской губернии. (ГАПО Ф. 187.), Пензенский отдел Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе. (ГАПО Ф.70, Ф 175 оп.1 д.17). Общество Голубого Креста Пензенские Губернские Ведомости, 1901, ч. неоф., №21, 36. Общество Скорой помощи (ГАПО Ф. 6. оп.1. д. 9810 ^{«а»}) и др.
7. ГАПО Ф-5 оп. 1 д. 5903, д. 6622. л. 24. д. 7182, Ф.- 182. Пензенские Епархиальные Ведомости, 1902, ч. оф. №1, с. 1 - 2 ; 1902 ч. неоф. ,№5, с. 208-217.
8. Партикуляризм – принцип социальной активности ориентированный, прежде всего на защиту частных узкогрупповых интересов Политология: - Энциклопедический словарь./ Общ. ред. и сост. : Ю.И.Аверьянов. – М.: Изд-во МКУ.1993.- 431 с. С 135.
9. ГАПО Ф.188 оп. 1 д. 1, ГАПО Ф 5 оп.1 д. 4779, ГАПО Ф 16 оп. 1 д.45, ГАПО Ф5 оп.1 д.4534, ГАПО Ф5 оп.1 д.4928, ГАПО Ф5 оп. 1 д. 7264. , 7496 и др.
10. ГАПО Ф5 оп.1 д. 6860, д.7177, д.7494, д. 7499, д. 7723. ГАПО Ф 6 оп.1 д.8288, ГАПО Ф. 248 оп.1 д.1-8, ГАПО Ф230 оп. 1 д.1-9. и др.
11. ГАПО Ф5., оп. 1. д. 7494 л.115., д.6622 л.22.

Сергеев В.В.
(г.Кузнецк, ККЭТ)

ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СФЕРА САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Свобода союзов была провозглашена в Манифесте 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» и получила разработку во Временных правилах об обществах и союзах, которые заложили правовые основы для образования и деятельности общественных организаций, создали правовое поле для действий администрации по отношению к ним. Издание этих актов означало признание государством права подданных на самостоятельную сферу деятельности. Временные правила об обществах и союзах были утверждены именованным высочайшим указом Сенату 4 марта 1906 года.[1] Надзор за общественными организациями был отнесен к ведению местных государственных органов - губернского по делам об обществах присутствий, идентичного по своему составу и полномочиям уже существующим присутствиям по земским и городским делам. Присутствие должно было санкционировать создание обществ и союзов, т.е. регистрировать их, а в случае несоответствия их действий установленным правовым нормам закрывать. В данной статье автором предпринята попытка определить состав и полномочия и механизм действия присутствия, выявить основные причины отказа в праве регистрации обществ.

В состав Пензенского губернского по делам об обществах присутствия входили высшие чиновники губернской администрации: губернатор Кошко И.Ф., вице – губернатор Петкевич Г.Б., прокурор окружного суда Щербаков Б.П., а также должностные лица и члены сословного и общественного управления губернский предводитель дворянства Гевлич Д.К., городской голова Пензы Потулов В.И., председатель губернской земской управы, представители от города Пензы и земства, неперемный член по земским и городским делам присутствия - секретарь Родзевич.[2] Соединение в присутствии правительственных чиновников и выборных лиц, а так же смешанный административно – судебный состав должен был, по замыслу составителей Правил 4 марта, создать учреждение, способное обеспечить в вопросах образования и прекращения действий общественных организаций интересы и государства и общественности.[3]

Журналы Пензенского губернского по делам об обществах и союзах присутствия за 1906 – 1910 годы на конкретном фактическом материале дают представление о механизме функционирования государственного органа и об охране им законности во взаимоотношениях власти и общественной самодеятельности. По подсчётам автора, за указанный период присутствие рассмотрело и приняло решение по 72 делам об обществах и союзах, 23 обществам (31.9%) было отказано в регистрации.[4] Полномочия присутствия

определяли Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 года. Временные правила об обществах и союзах провозглашали образование обществ и союзов без правительственного разрешения (ст. 2), т.е. явочным путем, в то же время сохраняли многие положения действующей ранее концессионной системы учреждения организаций. Учредители в обязательном порядке предоставляли губернатору прошение с ходатайством о создании организации, которое чиновники могли передать на рассмотрение губернаторского по делам об обществах присутствия (ст.17). Правлениям обществ, предписывалось уведомлять губернатора или начальника полиции об изменениях в составе организации, открытии или закрытии отделений (ст.32). Для регистрации учредители общества должны были внести проект устава организации в губернское по делам об обществах присутствие, которое обязывалось в месячный срок со дня подачи губернатору прошения об образовании общества разрешить или отказать в ней (ст. ст. 22- 23). Регистрация общества проводилась путем внесения его в реестр, который велся присутствием. Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст.23). Закон не обязывал присутствие к точному указанию оснований отказа в учреждении общества, а также не указывал путей для обжалования бездействия присутствия в случае превышения им месячного срока регистрации общества, т.е. чиновники имели законные не ограниченные во времени основания как для проверки благонадежности учредителей, так и для бюрократической волокиты.

Рассмотрим конкретные примеры. Усть – Рахмановскому волостному мусульманскому попечительскому обществу было отказано в регистрации. Дело рассматривалось в течение двух лет с августа 1907 по декабрь 1909года. Ходатайство было отклонено губернатором, так как проект устава составлен с нарушениями Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 года.[5] К нарушениям было отнесено. Во – первых, проект устава содержал религиозные цели: строительство мечетей, создание приходов, устройство кладбищ, так как действие Временных правил не распространялось на религиозные организации (ст.4). Во – вторых, в проекте есть ссылки на правила шариата без указания, « ... в чём эти правила состоят». В – третьих, не указано место - положение правления общества. В-четвертых, делопроизводство допускается на татарском языке, а Временные правила предписывали вести делопроизводство только на русском языке.[6] В деле имеется письмо Краснослободского уездного исправника в адрес Пензенского губернского по делам обществ и союзов присутствия о благонадежности учредителей. В письме отмечается, что «Ахун Теркулов, муллы Акчурин, Мансуров, Адакаев, Бачурин поведения и нравственных качеств хороших и в политической неблагонадежности замечены не были.»[7]

В 1909 году было отказано в регистрации обществу «Обывателей и избирателей Пензы». В уставе в разделе « Права общества» отмечалось, что «... общество имеет право по всем отраслям городского хозяйства составлять доклады, разрабатывать их в комиссиях, обсуждать на общих собраниях и вносить на обсуждение Городской Думы ».[8] Отказ присутствием мотивирован

тем, что «Нарушается статья 67 Городового положения, в которой точно указывается по чьим предложениям, просьбам и требованиям Городская дума приступает к обсуждениям подлежащих её ведению дел.»[9] В деле имеется материал о благонадежности учредителей. Начальник Пензенского губернского жандармского управления на имя губернатора Кошко И.Ф. сообщает, что «...согласно циркуляру МВД от 19 ноября 1907 года за №23965, инженер Мещеряков Н.Н. в 1906 году принадлежал к конституционно - демократической партии, но активной деятельности не проявлял. Все остальные учредители благонадежны.»[10] В целом присутствие определило, что «... просьбу в регистрации общества отклонить с возвращением устава и объявить с подпискою через городское полицейское управление»[11]

Базарно – Кеньшенское общество самообразования получило отказ в регистрации. Устав, по мнению Пензенского губернского по делам об обществах присутствия, имел ряд существенных неточностей:

- не определена цель общества и не указано как будет осуществляться деятельность, т.е. «будет ли испрашиваться на это надлежащее разрешение у подлежащей власти»;

- деятельность общества предполагала организацию различных кружков (спорта, трезвости, пожарных дружин и др.);

- общество может состоять из неограниченного числа лиц обоего пола и возраста.[12]

В протоколе заседания присутствия каждая неточность объясняется и четко аргументируется в соответствии с законом. По первому и второму пункту циркулярное указание МВД от 20 октября 1909 года за №44 предписывало, что каждое направление деятельности общества требует отдельного устава, и необходимо «... чётко прописывать цели и способы деятельности общества, в противном случае деятельность общества будет запрещена». По третьему пункту Временные правила об обществах и союзах вводили ограничения на ассоциирование для отдельных категорий российских подданных к образованию обществ и участию в них не допускались лица, не достигшие совершеннолетия, а также учащиеся начальных и средних учебных заведений, учащиеся высшей школы и лица, состоящие на военной, военно – морской и иной государственной службе, а также работающие на предприятиях транспорта и связи (ст. ст.7-12).[13]

Губернатору предоставлялось право вносить на рассмотрение присутствия предложения о закрытии обществ, которые допускали нарушения, уклонялись от заявленных в их уставе условий деятельности (ст.33). Губернаторы наделялись правом приостанавливать действия обществ, представляющих угрозу общественной безопасности и спокойствию или принимающих безнравственное направление, до решения вопроса о его закрытии губернским по делам об обществах присутствием (ст.35). По предложению Пензенского губернатора Лилиенфельд - Тоаль А.П. в 1911 году была приостановлена деятельность Пензенского Соединенного собрания, за проведение азартных карточных игр в помещении клуба.[14] Под гарантию

совета старейших на заседании губернского по делам об обществах присутствием принято решение – «...признать возможным клуб не закрывать, а устав впредь неуклонно выполнять».[15] Через пять лет в 1916 году своим постановлением Главнокомандующий Пензенской губернии, Пензенский губернатор Евреинов А.А. закрыл сословное общество дворян, чиновников и купцов, Пензенское Соединенное собрание (300 человек членов общества), с формулировкой: «...в клубе ежедневно происходит азартная игра в карты. Обещания, данные в 1911, 1915 годах не выполняются. Я постановил: Пензенское Соединенное собрание закрыть с 25 сего (1916) июля впредь до окончания войны».[16]

Таким образом, деятельность губернского по делам об обществах присутствия на практике оказалась недостаточно эффективной, т.к. Временные правила об обществах и союзах в полной мере не выполняли предназначение регулятора общественной самодеятельности. Присутствие находилось в зависимости от губернатора. Губернатор выполнял председательские функции и в случае несогласия с мнением большинства он в соответствии со статьей 39 Правил 4 марта имел право приостановить исполнение решения присутствия и передать его на рассмотрение министра внутренних дел. Присутствие не имело собственного штата, делопроизводства, а работа государственного органа осуществлялась периодически по мере поступления прошений. Причины отказа в регистрации обществ многочисленные, они часто выходили за рамки Правил 4 марта. Основные из них: не конкретные цели деятельности общества, отсутствие в уставе положений о ведении собрания, порядке голосования, размере взноса, участие в деятельности общества несовершеннолетних военных и состоящих на государственной службе в правительственных учреждениях, политическая неблагонадежность и др.

Примечания

1. Именной высочайший указ Правительствующему сенату 4 марта 1906г. «О Временных правилах об обществах и союзах» // Полное Собрание Законов Российской Империи – III. – Т. 26. № 27479.
2. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО) Ф.16. Оп.1. Д.906. Л18.
3. Роговин Л.М. Законы об обществах, союзах и собраниях. СПб. 1912. С.86.
4. ГАПО Ф.16. Оп.1. Д.906. Л 1 - 138.
5. ГАПО Ф.16. Оп.1. Д.23. Л 2.,18.
6. Там же. Л.16.
7. Там же. Л.11.
8. ГАПО Ф.16. Оп.1. Д.57. Л 11.
9. Там же. Л.11об.
10. Там же. Л.4.
11. Там же. Л.11об.
12. ГАПО Ф.16. Оп.1. Д.504. Л 5.
13. Там же. Л.5.
14. ГАПО Ф.16. Оп.1. Д.139. Л 3.
15. Там же. Л.4.
16. Там же. Л.6.

Синдянкина О. К.
(г. Саранс, МГУ)

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПРОФСОЮЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ МОРДОВИИ В 1946-1953 ГГ.

Одной из важнейших проблем профсоюзного движения в Мордовии в восстановительный период являлась подготовка кадров для народного хозяйства республики. Чтобы успешно выполнять плановые задания четвертой пятилетки, нужно было постоянно повышать техническую квалификацию новых рабочих, которые пришли на предприятия в годы войны или в первые послевоенные годы. Подготовка кадров проходила в основном через систему государственных трудовых резервов. Обучение новых специалистов активно шло в школах ФЗО, ремесленных, железнодорожных и специальных училищах. Руководствуясь постановлением Совета министров СССР «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных кадров в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах» от 1946 г. Президиум республиканского совета профсоюзов обратился к низовым ячейкам профсоюзных организаций с призывом о «немедленной организации широкой разъяснительной работы среди городского и сельского населения и призываемой молодежи, о значении подготовки государственных трудовых резервов через систему школ ФЗО, и о важности для производства тех профессий и специальностей, по которым школы ФЗО готовят квалифицированных рабочих» [1]. Фабрично-заводские комитеты профсоюзов активно включились в работу по подготовке новых кадров, поскольку необходимо было в ближайшее время восстановить послевоенную промышленность и выполнить все плановые задания четвертой пятилетки. Программа по подготовке кадров проходила весьма успешно. Уже за годы четвертой пятилетки в ремесленных и железнодорожных училищах, в школах ФЗО было подготовлено 7,4 тыс. молодых рабочих. На предприятиях насчитывалось около 9,5 тыс. стахановцев и почти 6 тыс. ударников [2]. К 1950 г. в 14-ти средних специальных учебных заведениях республики обучалось более 5 тыс. человек [3]. Более детально количественный состав подготовки и обучения новых специалистов для нужд промышленности и сельского хозяйства можно проследить по данным табл. 1. и 2.

После войны вновь начала функционировать сеть профсоюзных курсов, школ, семинаров, где шла подготовка профсоюзных кадров. Возобновила работу Высшая школа профсоюзного движения в Москве. При центральных и областных комитетах открывались курсы повышения квалификации работников фабрично-заводских, областных и районных комитетов профсоюзов. А при фабрично-заводских местных комитетах была организована широкая сеть семинаров для обучения профсоюзного актива непосредственно на предприятиях без отрыва от производства. Например, если до войны на

таких курсах и семинарах ежегодно обучалось около 500 тыс. человек, то в 1952 г. уже более 2-х миллионов. [4].

Таблица 1 – Подготовка и повышение квалификации рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях и организациях за 1950 г.

Выпуск специалистов	(тысяч человек)
Школы ФЗО, строительные и промышленные школы	3,6
Ремесленные, железнодорожные, специальные Училища и профтехучилища с 4-х годичным сроком обучения	3,8
Всего рабочих и служащих, прошедших обучение	6,8
Всего рабочих и служащих, прошедших обучение по повышению квалификации	13,8
Всего:	28,0

Табл. сост. по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 9

Таблица 2 – Подготовка кадров в школах механизации сельского хозяйства за 1951- 1952 гг. *

Специальность	План	Выполнено фактически	% выполнения
Трактористы гусеничных тракторов с пятимесячным сроком обучения	600	694	115,6
Трактористы гусеничных тракторов с двух месячным сроком обучения	1225	1149	93,7
Бригадиры тракторных бригад	180	169	93,8
Комбайнеры прицепных комбайнов	300	290	96,6
Комбайнеров самоходных комбайнов	300	310	103,3
Трактористы колесных тракторов	1240	1300	104,8
Прицепщики	629	1475	234,5
Всего:	4474	5387	842,3

Табл. сост. по ЦГА РМ, ф. р. 765, оп. 2, д. 25, ЛЛ. 1-4.

Однако ускоренная программа подготовки кадров для нужд народного хозяйства по системе ФЗО наряду с успехами имела и свои недостатки. Недостаточно высоким было качество обучения, в результате чего окончившие школы ФЗО и ремесленные училища получали низкие тарифные разряды при устройстве на работу. Объяснялось это нехваткой опытных преподавателей, слабой учебной и материальной базой училищ и школ ФЗО [5]. Данная проблема являлась следствием постоянной текучести кадров в

промышленности и строительстве. Профсоюзные организации на предприятиях как могли, боролись с этим явлением. Профсоюзные комитеты старались обеспечить школы ФЗО и училища необходимой литературой для производственного обучения, молодых рабочих общежитиями. Однако текучесть кадров продолжала оставаться высокой на ряде предприятий. По сведениям ЦСУ, в 1950 г. самовольно оставили работу в промышленности и строительстве 321,7 тыс. человек и совершили прогул – 869,8 тыс. Согласно указу от 26 июня 1940 г. в 1950 г. осуждено за самовольный уход – 209, за прогулы – 514 тыс. человек. В среднем в сфере промышленности, строительства и железнодорожного транспорта текучесть кадров составила за четвертую пятилетку 10-16%. [6].

На протяжении четвертой и пятой пятилетки продолжала увеличиваться доля женщин в народном хозяйстве. Данный процесс наблюдался еще в годы войны, когда женщины в массовом количестве стали овладевать «мужскими профессиями». Доля женщин в общей численности рабочих и служащих промышленности Мордовии увеличилась к середине пятой пятилетки с 47,3 в 1946 г. до 53,9 % в 1953 г. а в строительстве – с 30,1 до 40,8 % [7].

Подготовка кадров для нужд промышленности и сельского хозяйства являлась производственной необходимостью, вызванной трудностями послевоенного десятилетия и нехваткой квалифицированной рабочей силы. Правительство республики пыталось решать проблему подготовки кадров по ускоренной программе школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ при содействии профсоюзных организаций. Естественно, что качество подготовки специалистов стояло не на первом месте.

Примечания

1. ЦГА РМ, ф. 6271-П, оп. 2, д. 3. Л. 62.
2. Очерки истории Мордовской организации КПСС. – Саранск, 1979. С. 428.
3. Там же, С. 437.
4. История профсоюзов СССР. Ч. 2. – М., 1979. С. 84.
5. Там же, С. 71.
6. Новейшая история Отечества XX век. – М., 1999. С. 243
7. Очерки истории Мордовской организации КПСС. – Саранск, 1979. С. 476.

ЯЗЫК КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНОГО ОПЫТА НАРОДА

Форм отражения и сохранения духовного опыта народа множество: песни, сказания, музыка, живопись, одежда, обряды и т.п. Однако именно язык был и остаётся основным «...способом человеческого освоения материального мира и духовной действительности» [1]. Добавим: не только способом освоения, но и формой сохранения тех главных понятий, законов и принципов, которые лежали в основе всех сфер жизнедеятельности народа.

С материальным миром всё относительно понятно: новое явление, новый предмет, новая сфера человеческой деятельности требуют новых наименований (*компьютер, недвижимость*), новых словосочетаний (*экология языка, правовое поле*) или использования прежних лексических единиц, но уже в ином, переносном значении (*литературный еретик, президентский помазанник, законотворческая прелюдия и т.п.*).

Вопрос же «освоения духовной действительности» гораздо сложнее, так как здесь «включаются» не только языковые, но и общекультурные, социальные, ментальные процессы. И опять же речь не о пресловутом засорении современного русского языка совершенно необоснованными заимствованиями (*шопинг, кастинг, пирсинг, мониторинг, инаугурация* и т.п.) – «переболеем», не в первый раз. Нам бы хотелось рассмотреть проблему не столько освоения новой действительности, сколько утраты прежней, традиционной для исконного русского языка «формы духовной энергии, формы сосредоточение духовного опыта народа» [2].

Ещё много лет назад врезалось в память грустно-поэтическое наименование практически вымершей деревеньки Пензенской области – *Суходольные выселки*. Не словосочетание, а чуть ли не «летопись» тех времён, когда нарушителей общественной нравственности решением народного схода выселяли за пределы родной деревни (отсюда - *выселки*), лишая права даже подходить к ней. А без общения, без помощи, в одиночестве, конечно же, *доля* (жизнь) такого человека или всей семьи была *сухой* (тяжёлой, безрадостной).

Обратимся к более привычным словам и увидим ту же особенность – «просто так» в исконном русском языке слово не появлялось, обязательно – с оценкой, с дополнительным, более широким значением, связанным с историческими корнями, миропониманием, вероисповеданием. Например, слово *разоблачение*. Современное толкование – «раскрытие чего-либо незаконного, преступного» [3] – не даёт «полной картины» лексического (тем более – духовного) значения; само слово *раскрытие* воспринимается, чаще всего, с негативным оттенком. Но «всмотримся» в слово внимательнее и увидим, что образовалось оно от слова *облачение*, которое в прямом значении сегодня употребляется в кругу священнослужителей; облачаться и

разоблачаться они могут только в алтаре, то есть, будучи *скрытыми* от посторонних глаз, готовясь к главному таинству – Богослужению. Насильно разоблачать священника поднималась рука только у иноверцев, и воспринималось это как высшее оскорбление и святотатство.

Или слово *безобразие*. Мало кто сейчас видит в нём настоящий, духовный, а не формальный корень *образ*, бывший когда-то синонимом только одного слова – *икона* (а не сегодняшних - *контур, портрет, профиль*); *безобразничать* на Руси считалось *жить без образа* – то есть без креста на груди, без Бога в сердце. Теперь понятно и исконное значение столь «затёртого» сейчас сочетания *дать образование*: предки наши передавали из поколения в поколение не сумму «знаний - умений - навыков», а *образ*! Образ мыслей, образ жизни, образ Христа. Аналогичная семантическая цепочка наблюдается и при анализе слова *безликий*: «без лика – без иконы – без Бога».

Попробуем «вслушаться» в другие слова и увидим, как далеко мы «отодвинули» в современной речи их истинное, первоначальное значение. *Прелестный* – от *лесть*; *лесть*, как известно, - «ложь»; приставка *пре* – «сверх, очень». Выражение *впасть в прелесть* традиционно обозначает «совершить грех». Так какую же характеристику мы даём, говоря: *прелестная книга, прелестная девушка?* [4]. Просторечное и грубое *лаяться* (громко ругаться) восходит к вполне «мирному» и лирическому *вляться* – «волноваться, колебаться»[5]. Абсолютно нейтральное ныне *воздух* в церковно- славянском языке произносится как *воздух* и имеет значение «покров над священным сосудом»; чётко виден и корень слова – *дух*, то есть опять же – Бог (*Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух*). Значит, и дышим мы (читайте – живём) только благодаря Богу (лучше бы – благодаря Бога).

Часто слышим, говоря современным языком, *цитату* из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Всю духовную силу этой гениальной словесной формулы (просто недостижимой для сегодняшних «тружеников пера» и уж никак не *цитаты*) раскрыл известный филолог и ценитель русского языка Василий Ирзабеков [6]. Мы же хотим обратить внимание на грамматический нюанс - раздельное написание *в начале*. Если бы было слитно, мы имели бы дело с наречием, которое обозначало бы «перед основным действием, главным событием»; раздельное написание указывает на то, что перед нами – существительное, то есть речь идёт об истинном «начале всех начал» - Боге. Кстати, и само слово *существительное* - также многоплановое, так как «несёт» в себе именно *сущее*, главное, основное – *суть*.

Ещё пример «смысловой нагрузки» на грамматическом уровне: приставки *до-* и *по-* в паре слов *доказать* и *показать*. Значение корня *-каз-* понятно: «видеть, понимать» (в поволжских диалектах по сей день можем встретить форму *кажи* – «показывай», отсюда и *сказание, скажи, сказывать*, то есть «показывать с помощью слов»). В чём же семантическое отличие слов *доказать* и *показать*? Как считает профессор А.И. Осипов, доказать что-либо можно только двумя способами: предложить просто поверить тем, кто это

видел и испытал сам, или увидеть и испытать предлагаемое самому. Получается, что доказывать приходится тогда, когда человек находится только в преддверии принятия факта, до его понимания; показывают же тем, кто уже принял истину, поверил в неё, то есть после сделанного им выбора.

Вернёмся к лексике, точнее – к исконной семантике некоторых ныне «нейтральных» слов. Так, глагол *успеть* восходит к церковно-славянскому *успение* – «кончина, смерть». Что же нужно было *успеть* русскому человеку перед смертью? Покаяться. Самым страшным для наших предков была смерть неожиданная, без покаяния. Вот почему перед битвой всегда служился молебен, русские воины брали благословение, каялись, причащались, надевали чистое бельё – знали, что идут на смерть.

С точки зрения первоначального (если хотите – духоносного) смысла по-иному воспринимаются слова, которые у всех, вроде бы, на слуху: *начальник* – тот, кто шёл в начале войска, в первых рядах; *странный* – находящийся на своей, отличной от большинства стороне (отсюда и *странник* – ходящий по чужим сторонам / странам); *правильный* – от слова *правый* – в день последнего Суда праведники встанут справа от Бога, а грешники – слева; синоним слова *правый* – верный, то есть основанный на *вере*. Слово *совесть* явно восходит к понятию Благая Весть (Евангелие), то есть *совесть* – жизнь «с вестью», «по Вести» – по Евангелию; *заверение* – стоящее «за верой» (по аналогии – за мужем / замужем), то есть подкреплённое, защищаемое верой; *окаянный* – от Каин и связано с первым братоубийством в истории человечества; *святотатство* – от *святое* и *тать* (вор, разбойник); *воспитание* – питание души на пути к высшему, духовному (*восхождение, восприятие*) и т.п.

Современное русское словообразование, на наш взгляд, идёт совершенно иным – упрощённым путём, ставя перед собой единственную задачу – найти наименование новому предмету или явлению в прямом значении, лишь по формальным признакам. Простейшим приёмом было и остаётся, к сожалению, так называемое прямое семантическое калькирование из других языков (*легитимный, экин, маркет, бизнесмен* и т.п.), которое, собственно, имеет отношение не к словообразованию, а к механическому пополнению словарного состава языка, так как элементарная фонетическая адаптация к исконному произношению не может считаться словообразовательным приёмом. Рождение многочисленных аббревиатур (ППС, ОАО, УМК, ДТП и т.п.) также относится к примитивному словообразованию. Прямые современные наименования на основе традиционной лексики (*торговый центр; закусочная; студенческий театр; правонарушение* и т.п.) далеки от исконного, поэтического, образного начала, свойственного теперь уже уходящему из активного употребления родному языку и оставшемуся, пожалуй, лишь в наименованиях русских деревень: *Воскресенское, Журчалка, Чистопрудное, Краснодолье, Остроконье, Угрюмое, Белобородское, Заводное, Богородичное, Зыкино* (в вологодских говорах *зыкало* – «тот, кто громко кричит») и др.

Подобных примеров в русском языке – множество, объём статьи даёт нам возможность лишь «прикоснуться» к крупницам той духовной составляющей, которая была и остаётся главной, основополагающей (не могу удержаться от

предложения «вслушаться» и в это слово: *полагать* – «отдавать себя целиком, без остатка») в исконном русском языке.

Стоит ли «добровольно» отказываться от *такого* языка и менять его на новомодную терминологию (типа *толерантный* вместо замечательного русского *тертимый*) - каждый для себя решает сам. Напомним лишь слова И. Бунина, написанные ещё в 1925 году: «Нынешнему падению России задолго предшествовал упадок её литературы» [7]. Филологи «прежней закваски» русскую литературу и по сей день предпочитают именовать не иначе как русской *словесностью*.

Примечания

1. Троицкий В.В. Язык как духовное достояние народа // Материалы научной конференции «Проблемы современного языкознания». - ИМР РАН, 2008. – С. 112.
2. Там же. – С.110.
3. Здесь и далее толкование слов даётся по изданию: Современный толковый словарь русского языка. – СПб: «Норинт», 2003. – 960 с.
4. Осипов А.И. Апологетика. Курс лекций для студентов МДС и МДА. – М.: «Слово», 2009. – С. 223.
5. Здесь и далее толкование слов даётся по изданию: Словарь церковно-славянских слов. – М.: Отчий дом, 2000. – 315 с.
6. Ирзабеков В. Д. Тайна русского слова. – М.: Даниловский благовестник, 2010. – С. 7.
7. Бунин И.А. Собрание сочинений. – М: ФЕНИКС, 2005. – С. 17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Гульфира Рифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры башкирского языка, Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой.

Абрамова Ольга Владимировна – преподаватель кафедры новейшей истории народов России, Историко-социологический институт Мордовского государственного университета.

Акименко Валентина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной педагогики и частных методик, Ставропольский государственный педагогический институт.

Андреев Вадим Михайлович – студент факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет.

Андреев Валерий Георгиевич – заведующий кафедрой естественно-научных и технических дисциплин, доктор технических наук, профессор, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Анисимов Константин Валерьевич – старший преподаватель кафедры культурологии ИЯКН СВ РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Астахова Юлия Николаевна – старший преподаватель кафедры естественно-научных и технических дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Ахметова Расима Васильевна – аспирант кафедры почвоведения Зауральского филиала Башкирского государственного аграрного университета (ЗфБГАУ).

Баландин Сергей Витальевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры биогеоценологии и охраны природы, Пермский государственный университет.

Беляева Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры регионоведения и политологии, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Бибик И.В. - аспирант кафедры технология переработки продукции растениеводства, Дальневосточный государственный аграрный университет.

Бителев Артём Олегович – студент факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет.

Бобров Валерий Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Коммуникационный менеджмент», Пензенский государственный университет.

Боброва Е.Е. – студентка, Пензенский государственный университет.

Валиуллова Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры естественно-научных и технических дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Вантеев Андрей Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Начертательная геометрия и графика», Пензенский государственный университет.

Воейков Евгений Владимирович - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры, Пензенский филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института.

Войнова Екатерина Александровна – студентка факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет

Глинева Юлия Александровна – аспирант кафедры технология переработки продукции растениеводства, Дальневосточный государственный аграрный университет.

Глинкова Надежда Витальевна – аспирантка, Пензенский государственный университет.

Дарбишева Хадижат Асхабалиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Дагестанский государственный университет.

Джадаев Павел Игоревич – студент факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет.

Егорова Наталья Алексеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Информационная безопасность систем и технологий», Пензенский государственный университет.

Есимбеков Ж.С. – Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, г. Семей, Республика Казахстан.

Жирихина Е.С. – Московская открытая социальная академия.

Жуков С.И. – студент, Пензенский государственный университет.

Жукова Екатерина Геннадьевна – ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германских языков, Ставропольский государственный университет.

Жумашев Калкаман - зав.лаб. «Физико-химии компл. использования конд.отходов», ДГП Химико-металлургический институт им. Ж. Абишева, Республика Казахстан.

Загоскина Ирина Викторовна – аспирант кафедры педагогики, Вятский государственный гуманитарный университет.

Зефиров Сергей Львович – кандидат технических наук, заведующий кафедрой «Информационная безопасность систем и технологий» Пензенского государственного университета.

Золотухина Инна Анатольевна – кандидат педагогических наук, преподаватель физической культуры, Барнаульский строительный колледж.

Зорина О.С. – Нижегородский государственный университет им. Р.Е. Алексеева.

Иванов Алексей Петрович – кандидат технических наук, доцент кафедры «Информационная безопасность систем и технологий», Пензенский государственный университет.

Игошина Светлана Евгеньевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры естественно-научных и технических дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Ионова Мария Сергеевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогической психологии и педагогики, Историко-социологический институт, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Кабулов Болат Бейсенгалиевич – кандидат технических наук, доцент, Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, Республика Казахстан.

Казмирова Елена Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент, кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Кайралатов Ерлан Токпаевич – научный сотрудник, ДГП Химико-металлургический институт им. Ж. Абишева, Республика Казахстан.

Какимов А.К. – доктор технических наук, профессор, Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, Республика Казахстан.

Камардин Игорь Николаевич – заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Камордин Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политэкономии, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского.

Каримова Люция Монировна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник, ДГП Химико-металлургический институт им. Ж. Абишева, Республика Казахстан.

Карманов Андрей Андреевич – студент факультета естественные науки, нанотехнологии и электроника, Пензенского государственного университета.

Кашаев Евгений Дмитриевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Информационная безопасность систем и технологий», Пензенский государственный университет.

Кириин Евгений Михайлович – кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Начертательная геометрия и графика», Пензенский государственный университет.

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Историко-социологического института, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

Кленикова Е.В. – аспирант, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности.

Климов Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Кожевников П.В. – студент специальности программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Пензенский государственный университет.

Косой В.Д. – доктор технических наук, профессор, Московский государственный университет прикладной биотехнологии.

Кузнецова Анна Владимировна – студентка специальности «Связи с общественностью», Пензенский государственный университет.

Кузьмин Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный институт экономики и торговли.

Кулагина Виктория Юрьевна – аспирантка, Пензенский государственный университет).

Кяшкин Максим Викторович – студент факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет.

Лебедева Лариса Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и педагогики, Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева.

Левин Виталий Ильич – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Пензенская государственная технологическая академия.

Липилин Олег Владимирович – аспирант, Пензенский государственный университет.

Лупанов Михаил Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Информационная безопасность систем и технологий» Пензенский государственный университет.

Малахова Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, налогообложение и аудит», Пензенский государственный университет.

Мартыненко Павел Геннадьевич – заведующий кафедрой финансов бухгалтерского учета и аудита, кандидат экономических наук, доцент, Кубанский институт социэкономике и права (филиал) ОУП «АТИСО».

Матвеев Александр Викторович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной и медицинской физики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Матвеева Оксана Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант Марийского государственного технического университета

Машенцев Вячеслав Сергеевич – студент, Пензенский государственный университет.

Мухадинов Владислав Рафаильевич – преподаватель кафедры педагогической психологии и педагогики Историко-социологического института, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

Мухамедьярова Гульназ – студентка, Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой.

Мухаметдинова Гульшат Авхадиевна – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник ГАНУ «Институт региональных исследований» АН РБ.

Напалкова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва.

Никитина Светлана Сергеевна – заместитель начальника ФЭУ, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Николайчук Светлана Дмитриевна – старший преподаватель кафедры «Естественнонаучных и технических дисциплин», Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Новикова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент историко-социологического института кафедры социальной работы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Новитская Таисию Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права, Пензенская государственная технологическая академия.

Обрезкова Наталья Владимировна – ассистент кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт).

Опекунов Алексей Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Опекунова Людмила Алексеевна – студентка, НИУ «Высшая школа экономики».

Островский Николай Владимирович – кандидат технических наук, доцент, Вятский государственный университет.

Пантюхин Дмитрий Анатольевич - старший преподаватель кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Пантюхина Дарья Николаевна – учитель русского языка и литературы МОУ СОШ №6.

Плахова Валентина Геннадьевна – заместитель директора по учебной работе, доцент кафедры естественнонаучных и технических дисциплин, Куз-

нецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Плоткин Виталий Анатольевич – директор КИИУТ, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Плоткина Лилия Николевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Поболь Олег Николаевич – доктор технических наук, доцент, Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности.

Разов Р.В. – студент, Пензенский государственный университет.

Рубанов Василий Григорьевич – директор института информационных технологий и управляющих систем, зав. кафедрой технической кибернетики, доктор технических наук, профессор, Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова.

Рубцов Ян Дмитриевич – студент, Пензенский государственный университет.

Рузанова Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Румянцева Нина Борисовна – программист кафедры ИБСТ, Пензенский государственный университет.

Рындина Ирина Валерьевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа, статистики и финансов, Кубанский государственный университет.

Сазонова Ирина Владимировна – соискатель кафедры «Бухгалтерский учет, налогообложение и аудит», Пензенский государственный университет.

Севостьянов В.С. - проректор по профессиональной адаптации и трудоустройству выпускников, доктор технических наук, профессор, Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова.

Сергеев Валерий Владимирович – преподаватель, Кузнецкий колледж электронной техники.

Сивцева Саассылана Иннокентьевна – кандидат, исторических наук, доцент кафедры культурологи, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

Синдянкина Ольга Константиновна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей истории народов России, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева.

Сомкин Александр Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Историко-

социологического института, Мордовский государственный университет им Н.П. Огарева.

Сомкина Алла Николаевна – преподаватель факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования, Мордовский государственный университет им Н.П. Огарева.

Спиридонова Л.И. – Нижегородский государственный университет им. Р.Е. Алексеева.

Стативко Станислав Андреевич – инженер-программист, Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова.

Суслов В.Н. – Институт машиноведения им А.А. Благонравова РАН.

Суюндукова Мунира Басимовна – кандидат сельскохозяйственных наук, профессор кафедры ботаники Сибайского института филиала Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник ГАНУ «Институт региональных исследований» АН РБ.

Счастливая Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал) Пензенского государственного университета.

Теряевский Евгений Анатольевич – юрист, Пензенский государственный университет.

Тикин Михаил Сергеевич – студент факультета приборостроения, информационных технологий и систем, Пензенский государственный университет.

Турк Ирина Юрьевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов бухгалтерского учета и аудита. Кубанский институт социэкономии и права (филиал) ОУП «АТИСО».

Уральский В.И. - Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова.

Фирсов Георгий Игоревич – старший научный сотрудник, Институт машиноведения им А.А. Благонравова РАН.

Халтурсунов Эркин Беркинбаевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт математики и информационных технологий Академии наук Республики Узбекистан.

Черномырдина Татьяна Алексеевна – ассистент кафедры ТиМНО, Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишовой.

Шевченко Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры естественно-научных и технических дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Шкурко Александра Викторовна – следователь, Следственное управление при УВД по г. Якутску, аспирантура СПбГИЭУ.

Шкурко Наталья Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова.

Шмачков Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Штриков А.Б. – кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный технический университет.

Щербакова А.Ю. – студентка, Пензенского государственного университета.

Щербакова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Ягниченко Наталья Владленовна – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры естественно-научных и технических дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета).

Яр-Мухамедов Ильдар Гизаевич – доцент, Кыргызско-Российский (Славянский) университет.

Ярмухаметова Алия – студентка Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой.

Министерство образования и науки Российской Федерации.

Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий.
(филиал Пензенского государственного университета)

Материалы
Международной научно – практической конференции
«Актуальные проблемы науки»

Выпуск VII

Печатается по решению Ученого совета
Кузнецкого института информационных и управленческих технологий
Протокол № 6 от 27.02.2011.

Оргкомитет конференции:

В.А. Плоткин - председатель оргкомитета конференции, директор КИИУТ,
кандидат исторических наук, доцент.

И.Н. Камардин - сопредседатель оргкомитета конференции, ответственный за
проведение конференции, ответственный редактор, зав. кафедрой СЭиГД
КИИУТ, кандидат исторических наук, доцент.

В.Г. Андреев - зав. кафедрой ЕНТД КИИУТ, доктор технических наук, про-
фессор.

Компьютерная верстка И.Н. Камардина, М.А. Амяшкиной,
А.Г. Зубановой, В.Ю. Моисеевой

© Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (фи-
лиал ПГУ), 2011.

Подписано в печать 02.09.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆

Бумага ксероксная. Печать трафаретная.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7/21. Тираж 300. Заказ 23/09.